

- [Слова и речи святителя Иннокентия, епископа Пензенского и Саратовского](#)
 - [СЛОВО В ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА](#)
 - [Путь к вертепу Предвечного Младенца открыт всем](#)
 - [СЛОВО В ДЕНЬ СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ](#)
 - [Долготерпение продолжается; ведь есть ищущие Господа, которые непрестанно уготовляются Ему во сретение. Удаление от мира и от себя приближает к Богу](#)
 - [СЛОВО В НЕДЕЛЮ ФОМЫ](#)
 - [Велик труд познать Господа](#)
 - [СЛОВО В ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ](#)
 - [Близко к нам небо, но мы далеки от него](#)
 - [СЛОВО ПЕРВОЕ В ДЕНЬ СОШЕСТВИЯ СВЯТОГО ДУХА](#)
 - [О действиях Духа Божия и духа вражьего](#)
 - [СЛОВО ВТОРОЕ В ДЕНЬ СОШЕСТВИЯ СВЯТАГО ДУХА](#)
 - [Дух Святой созидает все на земле](#)
 - [СЛОВО В ДЕНЬ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО](#)
 - [Каждый человек рожден для неба и для наследия славы](#)
 - [СЛОВО В ДЕНЬ ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ](#)
 - [Начало и конец нашей веры есть жертвоприношение Богу](#)
 - [СЛОВА В ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА](#)
 - [Сколько благочестивая верность народа возвышает царство, столько царь, верный Богу, возвышает народ свой и самого себя](#)
 - [Путь, дела и слова праведные примиряют человека с Богом](#)
 - [Мир внешний утвержден внутренним, мир человеческий — Божиим, и земные царства посвящены единственно Царству Божию](#)
 - [«Блажен народ, у которого Господь есть Бог его!»](#)
 - [СЛОВО В ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА](#)
 - [В каких видах открывается гневное посещение Божие на грешных и нечестивых](#)
 - [СЛОВО В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ](#)
 - [Жить — значит ежедневно с усилием отражать нападения и стрелы врагов наших\)](#)
 - [СЛОВО В ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА](#)
 - [Нечестие разливается всюду и, потопля непорочность с добродетелью, угрожает страшными бедствиями](#)
 - [Слово по избрании судьей от Санкт-Петербургского дворянства](#)
 - [Об обязанностях судей судить со страхом Божиим](#)
 - [Слово на случай приведения к присяге избранных судей](#)
 - [Богобоязненный суд, совершается по образу суда Божия над всем миром](#)
 - [Слово по случаю введения инвалидов в дом, устроенный князем П.А. и графом Д.А. Зубовыми](#)
 - [«Блаженны милостивые»](#)
 - [Слово при отпевании тела графини Н. В. Салтыковой, урожденной княжны Долгорукой](#)
 - [При гробе более всего является цель бытия и немощь усилия человеческого](#)
 - [Речь, произнесенная Преосвященным Иннокентием, по пострижении его в монашество](#)
 - [благодарения Владыке](#)
 - [Речь, обращенная к Преосвященным, при посвящении во иеродиакона](#)

- [моление св.Инокентия](#)
- [Речь к Преосвященным, произнесенная в день наречения во епископа](#)

Введение

**Слова и речи святителя Иннокентия, епископа
Пензенского и Саратовского**

Путь к вертепу Предвечного Младенца открыт всем

«Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям» ([Лк.2:10.](#))

Тайна, леты вечными умолчанная, наконец открывается во граде Давидове. В последние времена посылает Бог Единородного Сына Своего, родившегося от Жены. «Я возвещаю вам радость!» Ночь ужасная, в коей рыкают львы, ищущие добычи для насыщения своей алчности, прошла, держава смерти рушится. Смертные! Как нам не радоваться? «Я возвещаю вам радость великую, которая будет всем людям». Слушатель! Ангел, обрадовавший пастырей, и нас, столь поздних потомков, обрадовал: «которая будет всем людям» сказал он. Кто бы то ни был: благородный или низкий, славный или бесчестный, богатый или нищий, благочестивый или нечестивый, старик или младенец, юноша или дева, муж или жена — всем благовестуется радость в день сей. «Ибо ныне родился вам Спаситель, Который есть Христос Господь» ([Лк. 2:11](#)). Бог снисходит на землю, столь низко приклоняется к падшему человеку, чтобы восставить его. Рождается Иисус Христос — «Он спасет людей Своих от грехов их» ([Мф.1:21](#)). И вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях» ([Лк.2:12](#)). Всеобъемлющий повит пеленами; Отчее сияние в яслях; Бог — Младенец; вертеп уже есть небо — Престол Херувимский — вместилище Невместимого; ясли — все тайна! Все непостижимо! Но, по крайней мере, приблизимся ко яслям, в коих лежит ныне Родившийся, и посмотрим, кто и как приходит к Нему. Путь к вертепу Предвечного Младенца открыт всем. Ни расстояние далеко живущих, ни бедность нищих, ни страх робких, ни слабость детей не могут быть препятствием к совершению пути сего. Итак, приходят к Нему пастыри, иудеи, эллины, волхвы; спешит Ирод и, наконец, христианин. Но первые из всех, по благовествованию Ангела, притекают пастыри. Простота и смирение, одушевленные верою, прежде всех созерцают открытие тайн; простые стражи овец прежде всех видят Младенца, пеленами повитого, лежащего в яслях скотских. И что же? — удивление и пламенный восторг подвигли пастырей на проповедь, побудили восклицать везде песнь ангельскую: «Слава в вышних Богу, и на земле мир; в человеках благоволение» ([Лк.2:14](#)). Возбужденный слухом, приходит в вертеп иудейский книжник — читайте во взорах его мысли и чувства сердечные. Наморщенное чело, понижение бровей, грызение уст изъясняют его любопытство и негодование. Это ли есть Царь иудейский, это ли Князь мира, Освободитель от тягостного рабства, это ли начальник будущего века? Младенец слабый, столь бесчестно поверженный, столь грубо начинающий жизнь — в скотских яслях — нет! Иудей ожидает другого Мессию, славного и сильного; иудей, по-видимому, ошибся, что поверил слуху и приник к яслям Младенца родившегося. Таким образом, «вымытая свинья снова идет валяться в грязи» ([2 Пет. 2:22](#)). Приходит к яслям Христовым и эллин. Но: «человек душевный не приемлет того, что от Духа Божия» ([1Кор. 2:14](#)). Внимательный его взор, изощренный ум, рассудок, все подводящий под свои правила, находят в яслях младенца обыкновенного. По его суждению, Бог и Человек, Слово воплотившееся есть невозможность, явное противоречие. Но добровольно ослепившийся никогда не узрит света. Таким образом, и сей ревностный защитник тонкой мудрости, «как пес, возвращается на блевотину свою» ([2 Пет.2:22](#)). Эллины, ученики мира, ищут премудрости, обезумевшей в своих правилах. Во тьме и смертной тени не обрести света. Но восточные мудрецы, конечно, искали премудрости небесной; конечно, волхвы просвещеннее эллинов; поскольку явившаяся звезда вела их к Солнцу Правды, к Источнику самой премудрости. И эти цари богатые и знаменитые, из столь отдаленных стран приходят к родившемуся сегодня Иисусу. В знак же, что исповедуют Его Царем царствующих, повергают к стопам Его злато; в знак Его Божества приносят ладан, и в знак человечества — смирну. Ни дальность, ни трудность пути, ни другие подобные

препятствия не удержали ревностного желания — видеть Бога воплотившегося. Счастливое желание! Примерная ревность! Владыки и цари земные! Научитесь! Вельможи, князи, сильные и могущие, властелины и благородные! Слышите: «Волхвы, пав, поклонились Иисусу» ([Мф.2:11](#)). Но и Ирод, царь иудейский, хочет поклониться Иисусу родившемуся. Он повелевает волхвам, возвратившись, сказать, «где Христос родился» ([Мф.2:8](#)). Ирод хочет поклониться! Все готово к его путешествию: вопль младенцев, плач и рыдание матерей уже возвещают его намерение; невинною кровию умащается перст его; тысячи трупов младенческих составляют торжественную пышность злочестия! Подлинно, Ирод хочет поклониться! Так ангел тьмы является в образе светлого. Злоба и ненависть всегда прячутся, чтобы успешнее обнаружиться. Ирод хочет поклониться! Хочет повергнуть в дар пред Иисусом — смерть Ему. Но младенствующий Христос, Господь жизни и смерти поражает его прежде самого Ирода. Так ненависть всегда сама себя уязвляет прежде, нежели уязвит невинность. «Ров изры, и ископа, и падет в яму, юже содела» ([Пс.7:16](#)). «Умерли искавшие души Младенца» ([Мф.2:20](#)). Слушатель! Неужели и ныне есть желающие поклониться Иисусу так же, как Ирод?! Может быть, к сожалению нашему, и найдутся подобные; доколе тьма с светом не разделена, всегда будут враги света. Христос в яслях! Как поклонится Ему человек высокорожденный? Для него это низко. Как приступит облеченный в одежду светлую? Он должен пожалеть свое облачение. Как приблизится человек изнеженный? Позволит ли время прийти на поклонение человеку должностному и заботящемуся о своем доме, детях, пекущемуся об угождении высшим, об их надобностях, лучше сказать, пекущемуся только о себе самом? Христианин! Кроткий христианин! Видно, тебе одному предоставлено приходить к яслям Младенца Вечного; тебе одному не низко быть в вертепе, не трудно поклониться в яслях лежащему; для тебя всегда есть время. Слушатели благочестивые! Вы, придя в этот храм, приступили к яслям Младенца, ныне родившегося. Вот здесь в пеленах повитый! Звезда, недавно явившаяся вам от этого алтаря, остановилась сверху, там, где Отрок; Христос родившийся здесь присутствует.

Вам, слушатели, благовествуется радость великая. Приблизьтесь еще ко Христу не телом вашим, не стопами, но кротостию и верою. Приступите, не бойтесь! Младенец не страшен. Христос до скончания века для нас младенчествует. Бедные и сирые! В яслях лежащий утешает вас в бедности. Кроткие и смиренные! Возрадуйте, увидев кроткое и смиренное сердце Богочеловека. Грешные и нечестные! Приступите и вы — Он спасет вас от грехов ваших. Славные и богатые! Поклонитесь, как цари персидские, поклонитесь верою. Бог не требует вашего сокровища. Боже Превечный! Родившийся и Рождаемый! Сам научи нас всю жизнь приходить и поклоняться Тебе; научи нас и радоваться радостью великой в день сей, да так и устами и сердцем воскликнем песнь ангельскую: Слава Богу! На земле мир! И в нас грешных благоволение! Аминь.

Долготерпение продолжается; ведь есть ищущие Господа, которые непрестанно уготовляются Ему во сретение. Удаление от мира и от себя приближает к Богу

«Он взял Его на руки, и благословил Бога» ([Лк. 2:28](#)).

Под бременем лет и тяжестию ветхого крова души не изнемог верою долголетний старец. Крепостию упования преодолевая все трудности в возвышении от плоти и мира, прежде оком внутренним в «обещании Духа», потом очами телесными встретил «спасение, уготованное пред лицом всех народов» ([Лк. 2:27, 32](#)). Взор, омраченный суетностью, ничего бы не нашел в Отроке, принесенном в церковь по обычаю закона, кроме человека подзаконного; но чающий вечного утешения созерцает в Нем «утеху» своей старости и всего «Израиля»; младенческая слабость не препятствует видеть в Нем «Вождя» ([Мф.2:6](#)) Израилева, победителя мира и ада, греха и смерти; пелены, покрывающие тело, не сокрывают света, который проливается от Него далее людей Божиих — «в просвещение народов» ([Лк. 2:32](#)). Объятый благоговейным ужасом праведник, в избытке восхищения, прежде всего указал на конец жизни, в продолжении которой «обещано ему видеть Христа Господня. Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко» ([Лк. 2:29](#)),— восклицал Симеон к держимому на руках своих. Не младенец в объятиях старца, но Вседержитель на руках человеческих, но Бог Слово внимлет изнемогающему человеку; Спаситель мира приемлет служение от спасаемого. Сколько наград за кратковременное чаяние, хотя бы оно простиралось далее всего рода человеческого! Но столь благая участь не есть достояние единого человека — и «Авраам увидел день сей», озаряющий сиянием все времена и вечность; и он так силен верой, что издалека, от лет древних, встретил грядущее избавление, «и возрадовался» ([Ин. 8:56](#)). Не для известного времени, но и для нас, слушатели, продолжается сей вечный день, в котором можем встретить спасающего Господа. Ежели нам не преуготовано очами телесными видеть и руками осязать Его, по крайней мере, даровано созерцать верою и встречать духом. Пришедший единожды ко всему миру, многократно приходит к каждому человеку, возбуждая его во сретение себя. «Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» ([Евр.13:8](#)). Сказавший однажды, говорит постоянно всему миру; доколе не уготовит всех во сретение славного и последнего Своего пришествия.

Небесный Жених грядет к каждой душе человеческой. Остановимся на сем пути тайного шествия и со светильником веры рассмотрим, кто уготовляется и идет во сретение или удаляется от Него. Евангелие, возвестившее ныне исполнение закона над Христом Господним, принесенным во Иерусалим, указывает тех, которые встречали Его, поставляемого в церкви перед Господом. Из многочисленных обитателей Иерусалима, названного местом селения славы Господней, не узнали своего посещения ни Ирод, которому более всего должно было видеть с высоты престола столь славное пришествие Царя царей во град его; ни мудрые фарисеи, которые исчисляли и видели время сего пришествия; но только «человек благочестивый и праведный именем Симеон», который, отложив все чаяния, «чаял утешения Израилева; и дочь Фануилова» восьмидесятичетырехлетняя вдова, которая «не отходила от храма, служа Богу день и ночь» ([Лк. 2:25-36](#)). Так встречают небесное посещение знаменитые грады и мир весь. Сильные века сего, как Ирод, стараются только ограждать себя безопасностью — и умножать блеск земного величия; увлекаясь сею мечтою, они удаляются от Господа. Мудрые мира, подобно фарисеям и книжникам, исполненные к себе любви и самонадеяния, не откладывают этого лакомства даже тогда, когда осязают сходящую к ним небесную пищу; и, не находя в нем земной сладости, удаляются от него к ядовитому самоуслаждению. Напротив, удаляющиеся от

мира, как дочь Фануилева и Симеон, вопреки общественному мнению, идут навстречу Господу и еще во дни земного бытия встречают Его. Ближайшее воззрение на пути тех и других научит нас ближе рассматривать собственные пути наши. Многообразный путь мира есть «тьма и ползок» ([Пс.30:6](#)). Суета и непостоянство, ложь и законопреступление ждут каждого вступающего на него. Идущие по нему, принимая на себя руководство других, как слепые вожди слепых, постоянно увлекают их к заблуждению и сами увлекаются ими; подавляют предыдущих и подавляются последующими. «Тьма есть путь мира и ползок». На нем столь легко совершается движение от порока к пороку, сколь удобно двинутый с вершины горы скатывается вниз. Едва возникнет законопреступная мысль, от нее рождается желание, от желания действие, из повторенных действий страсть, от страсти многочисленные и непрерывные попечения: сии до тех пор будут обременять и стеснять сердце, пока оно не ожесточится подобно камню. Таким образом, последняя искра света, сокрытая во глубине души — стремление к вечному Источнику благ, погаснет и превратится в зерно пепла хладного и мрачного — в стремление к суете мира. Пусть бы столь скорое и явное отпадение от путей Божиих не простиралось на всех идущих по путям мира; но кто не знает, что исполняющие обычай века только для того, чтобы не удалиться от известного общества и не навлечь на себя злословия, столь же нечаянно удаляются от света Божия, как один из ревностных учеников Христовых, который, избегая опасности быть на время поруганным первосвященниками иудейскими, подвергся опасности быть в вечном удалении от своего Учителя. Забываться среди шумных забав только для отдохновения от труда — не есть ли забывать на время «Понесшего» на Себе все труды и болезни ([Ис.53:3](#)) наши? С поспешностью стремиться за блеском и величием — не есть ли в то же время бежать от «Научающего кротости и смирению» ([Мф.11:29](#))? К царству света нет пути по мрачным стезям мира: тот уже «расточает, кто не собирает» благ вечных; «кто не со Мною,— говорит Господь,— тот против Меня» ([Лк. 11:23](#)). Мудрые, вступающие на оный путь, тьмою покрываемый, скоро снисходят самолюбием к самим себе — и тем далее отходят от Господа. Они, ощущая мрак, в котором блуждают многие, поставляют себя выше сего ослепления. Наблюдательный взор, исчисляющий чуждые слабости, скоро возвращается на свои преимущества, тем удобнее, что мерою чужих недостатков умаляет или совсем закрывает свои слабости. Удовольствие слышать и произносить обличение другим в ослеплении есть свидетельство нашего ослепления (поскольку в себе не желаем видеть того, что находим в других), есть обличение нас в любви к себе, хотя бы мы и не примечали. Из этого малого и, по-видимому, ничтожного праха самодовольствия рождается тот исполин, который воспитывается похвалами, возрастает среди угодливости, усиливается до самонадеяния, созревает в забвении Бога. Он тем опаснее, чем скрытнее побеждает ум и сердце; тем успешнее направляет все деяния в свою пользу, что любит только свое и отворачивается от чужого. Сей дух любви к себе, укорененный во глубине души, вместе с ее повреждением, как древний змий, уязвляет каждую мысль; как искренний советник, назначает блистательные подвиги и отлагает менее видные; как верный друг, защищает от оскорблений и мстит оскорбителям; как мощный враг, вооружается на намерения к уничтожению; как хитрый тать похищает самые молитвенные возвышения; как державный владыка, все находит в себе самом; и как жалкий нищий, от всех ожидает себе милости — всюду ищет себя самого. Не мечтание производит столь мрачные черты любви к себе, но и легкий опыт над человеком ветхим откроет каждому, что на сем основании утверждаются все губительные страсти с того времени, как льстивый обет — «боги будете» ([Быт.3:6](#)) — услышан в сердце и принят за благовестие. Сим духом бурным в древние времена сокрушались горы Божий, и кротость Давидова помрачалась невинным убийством, и мудрость Соломонова превращалась в безумие. Умерщвлена вражда на Бога, но снова возрождается самонадеянием и усиливается по мере самолюбия. Надеющийся на свои силы

противоборствует «силе Божией», которая «в немощах совершается» ([2Кор.12:9](#)); сознание своих подвигов великими умаляет подвиги, понесенные за весь мир Небесным Ходатаем. Сею внутреннею силою удержаны были фарисеи и книжники выйти на встречу Христу Господню; так и все почивающие на самонадеянии не видят посещения, в котором является Господь Своею помощью и силою. Иисус Христос, подходя ко Иерусалиму, по словам свидетелей, «увидев город» и зло, в нем совершающееся, «заплакал о нем» ([Лк.19:41](#)). О, Вечный Ходатай! Не каждый ли град извлекает слезы Твои, где «пререкания» заглушают слова вечной жизни, «беззаконие и труд» преграждают пути к закону Твоему, «лихва и лесть» ([Пс.54:10](#)) скрывают свет и истину Твою? Боже Милосердый! Не над каждою ли душою мы оставляем Тебя плакать, когда с весельем предаем ее в руки врагов Твоих и сами неусыпно трудимся, приближая свою погибель. Но утешимся, слушатель! Долготерпение продолжается; ведь есть ищущие Господа, находятся те благие души, которые непрестанно уготовляются Ему во сретение. Удаление от мира и от себя приближает к Богу. Когда разрушается союз с миром, мрак, покрывающий ум и сердце, редет; открывается в нем то, что скрывалось по причине тесного соединения. Вблизи от него слух может различать, что шум мира слагается из воплей, подобных беснующимся, и стенаний, свойственных угнетаемым, из жалоб и клеветы, из распрей и злословия, из смеха и драки. Око, проникающее в блеск и величие, созерцает в них бремя, которым прельщаются только неопытные, но которое пригибает дух к земле и затрудняет истинное возвышение. Тогда носящие узы мира являются достойными сожаления невольниками, мудрыми только на изобретение своей и чужой гибели. Чем больше становится виден сей тягостный дом работы, тем сильнее ускоряется удаление от него. Из Египта удаляется в пустыню; впрочем, не туда, где снова слышны ропот и жалобы, но в жилище тишины, где можно внимать гласу вечному, собирать манну, не тело, но дух питающую. Туда, где гаснет всякий блеск земной и унижается величие. Исходящие из Египта мира, прежде, чем замечают, руководствуются Вождем невидимым. Он, даруя желание удалиться от суеты, подкрепляет его внушением обетов, изводит тайною силою и идет впереди, указуя путь правый. То, чем устрашается малодушие, утешает оставляющих суету мира. Они, как удаляющиеся из древнего дома работы, с поспешностью проходят «через воду», омываясь слезами покаяния; «через огонь», в котором сгорает все нечистое; «через горь» ([Ис.42:2](#); 45, 2), где испытывается истинное величие в высоких подвигах; «через пропасти» ([Евр.11:38](#)), в прохождении которых является мера терпения и упования. Не человек своею силою, но Господь, «при искушении даст и облегчение» ([1Кор.10:13](#)), проводит по стезям столь трудным для плоти, при самом пробуждении духа ослабевающей. Сей невидимый Вождь и видимо встречает бегущих от мира; но тогда, когда нужно обнадежить их обетованием, яко «Авраама, оставившего дом отца своего» ([Быт.12:1,7](#)); нужно утешить «благословением, как Иакова» ([Быт.35:1](#)), удалившегося от брата своего; вооружить силою чудес, как Моисея в победу над фараоном. Исшедшие от мира знают время и образ Божественного сретения; если только не вынесли с собою останков прежнего дома, подобно Рахили, для утешения в малодушии. Истинно оставляющие мир оставляют всякую собственность и, удаляясь от внешней суеты, особенно удаляются от самих себя — суеты внутренней. Если тело не поддержится собственною силою, то повергнется на землю. Отлагая надежду на свои духовные силы, человек ветхий падает с высоты вниз, от величия в смирение, от мечты в самосознание. Свет веры озаряет это счастливое падение и открывает: «Познай, о, человек! Ты и нищ: нет на земле в тебе ничего собственно твоего, кроме изобретений твоих — колыбели, многообразных пелен и гроба; ты и «слеп» ([Апок.3:17](#)): покрывало лежит на сердце твоём, мешающее видеть согревающий тебя свет вечный; разум же пресмыкается по одной видимости тленного мира, познавая ее только осязанием. Не исчисляй твоих прославленных подвигов: они, как смоковые листья, не скрывают внутренней наготы твоей и духовного

ничтожества».

По мере того, как внешний человек падает и «тлеет», восстает внутренний и «обновляется» ([Еф.4:22](#)). Смирившийся, ощущая немощь духа и тела, в то же время борясь с врагами внешними и внутренними, как борющийся со смертью, от всей души и изо всей силы вопиет о помощи: «Возстани, Господи, в сретение мое» ([Пс.43:5](#)). Но духом и телом спеша совершить путь свой, хотя бы не находил высшего подкрепления, видит еще степень, на которую должно сойти, дабы пасть к подножию Спасителя. Зрит гроб, через который прошел Иисус Христос, и без замедления, силою любви Божией, повергает в него всего ветхого человека, умерщвляет все вожделения, склонности и самую мысль о своем смирении. Кто не видит здесь, что удаляющийся от себя самого идет во след Господа, смирившегося до младенчества и яслей, от Престола славы нисшедшего на крест и во гроб? Если бы эта мера духовного истощания в слабом и немощном человеке не достигала меры возраста Христова, то восполнит ее Тот, Который, «Сам быв искушен», ведает, как «искушаемым помочь» ([Евр.11:18](#)). Чувственное око не видит, как Руководитель небесный снова совершает путь истощания вместе с избранным Своим. Но и чувственное ухо слышит, как укрепляется всесовершенная немощь в победу сил противоборствующих: «не бойся», глаголет Господь смирившемуся, «Я с тобою, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей» ([Ис.41:10](#)). Но хотя бы тот самый, кто непрестанно восходит и приближается к грядущему Господу, не ощущал на земле Божественного сретения, упование уверяет нас, что он готовится к сретению торжественному и последнему. Тогда, как «Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела, сойдет с небес» ([1 Фес. 4:16](#)), чающие Его на земле, «попираемые» ([1 Кор. 4:13](#)) всеми, окрылятся, как орлы, и полетят, пред свидетелем миром, в «сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будут» ([1 Фес. 4:17](#)). Не одни избранные от мира бдительно трудятся уготовать себя во сретение скоро и внезапно грядущего Бога: «совоздыхание и соболезнование» с ними «твари», в круговращении, в превратностях и тлении приближает весь мир к великому сретению «свободы славы детей Божиих» ([Рим.8:19-21](#)). Весь мир идет во сретение Господу — медление некоего числа людей не удержит всемирного шествия. Веруем, Господи, мы и в настоящем времени, и в конце времен грядущему Твоему сретению! Желая приблизиться к Тебе, многократно удаляемся от суеты, но опять встречаемся с нею. Оставляем самих себя, но только во гневе на слабости наши; по пренесении же легкого труда возвращаемся к себе любовью. Скучность веры оставляет нас в таком малодушии; но желание встретить славу Твою еще не оставляет нас. Здесь простираем к Тебе руки наши с молением, да достигнет десница Твоя до глубины души и сила Твоя предварит восстание духа нашего во сретение Тебе: «Веруем, Господи, помоги нашему неверию!» Аминь.

Произнесено 2 февраля 1814 года

СЛОВО В НЕДЕЛЮ ФОМЫ

Велик труд познать Господа

«Господь мой и Бог мой!» ([Ин. 20:28](#).)

Так восклицал Фома после долговременного сомнения о воскресении Иисуса Христа! Много нужно было времени, чтоб его косное сердце приготовить к верованию! «После восьми дней пришел Иисус к ученикам, и Фома был с ними» ([Ин. 20:26-27](#)). Апостолы прежде видели и веровали; а Фома не хотел верить до тех пор, пока десницу свою не осязал тела Воскресшего, пока перстов руки своей не вложил в язвы рук Христовых и в язвы ребр, копием прободенных. Медленно возрастала вера его, но когда явившийся Иисус Христос дал осязать ему бранными руками нетленное Свое тело, когда и язвы от гвоздей показал во уверение маловерного, тогда и язык, и сердце, и весь дух Фомы возопил к Воскресшему: «Господь мой и Бог мой!» То есть — ныне верую, Господи! Верую от всей души, что Ты воистину воскрес! Верую, что в воскресении являет Свою силу, Свое владычество и Божество не другой кто, но Ты — един Господь мой, Ты — един Бог мой! Эта повесть евангельская утешает нас, слушатель, и научает. Утешает потому, что милосердный Господь приемлет веру и тех, которые поздно пробуждаются и начинают верить: что благодать Божию можно обрести и в мужеском возрасте, и в старости так же, как и в юных летах, хотя с продолжением лет час от часу умножаются трудности к сему приобретению. Научает же и тому, как должно веровать. Продолжим, слушатель, беседу Небесного Учителя с учениками Своими нашею беседою и, утешаясь милосердием, научимся, как в Него веровать, чтобы Он, как явился перед учениками в доме, когда двери были закрыты, явился и в наших сердцах, еще закрытых для Него, и закрытых, может быть, крепче, чем всякий дом. Если бы кто спросил нас, имеем ли мы веру, конечно, ответили бы утвердительно. Когда же всякий спросит сам себя: «Есть ли во мне вера, хотя столь малая, как зерно пшеницы или как зерно горчичное», — должен признаться, что не имеет и сей малой веры, так как Господь сказал: «если будете иметь веру с горчичное зерно», то можете и горы переставлять ([Мф.17:20](#)); а мы не только не переставляем горы, но даже сами себя не можем подвинуть от нечистоты в чистоту. Не имеем ли мы хотя бы сознания, что слаба вера наша? Нет, и сего не имеем; ведь тогда просили бы с апостолами: «Господи, умножь в нас веру» ([Лк. 17:5](#)). Наконец, не желаем ли, по крайней мере, иметь истинную веру? Ах, слушатель, мы не желаем, так как молились бы с отцом болящего сына, упоминаемым в Евангелии: «Верую, Господи, помоги моему неверию» ([Мф.9:24](#)). Итак, что вера наша? — Она, по выражению Писания, есть «вера мертвая» ([Иак.2:3](#)). Мертвый не слышит, не видит и не действует; так и вера наша, так и мы, слыша слова Божий — не слышим, видя щедроты Божий — не видим, и, действуя, ничего не делаем для славы Божией. Кто верит во Иисуса Христа, тот знает Его, любит и прославляет, то есть объемлет Его умом — поскольку здесь есть место знанию; объемлет Его сердцем — здесь есть место любви; объемлет Его всеми силами — действующими; здесь является слава Господня, сияющая подобно свету для других. Итак, познавать, любить и прославлять Иисуса Христа — значит, в Него веровать. Велик труд познать Господа, но он облегчается тем, что Церковь постоянно к Нему возводит мысли наши. В ней, как в училище, каждый день возвещается Иисус Христос, в ней и пение, и молитвы, и изображения указуют на Иисуса Христа, Распятого, Воскресшего и со Отцом Седящего. Нужно только открыть слух, нужно только вслушаться — много услышим о Господе Спасителе и Ходатае нашем. Не слышат сего только те, которые не слушают или не хотят слышать. Если хочешь слышать — отбрось различные помышления, как прах, успокойся от всех забот домашних, житейских. Не думай ни о чем, кроме того, что слышишь в храме — воистину услышишь то, что тебе и всякому человеку подается Тело Иисуса Христа, подается Кровь Его из Чаши, царям свойственной. О сем помышляй, о сем радуйся, сего устрашайся — и тогда всем

умом, всю мыслью обьемем Господа и воскликнем со апостолом: «Господь мой и Бог мой!» Здесь, пред алтарем, осязаю тело Твое распятое, здесь вижу кровь, из ребр Твоих текущую, Ты един, а не иной кто да будет Господь мой во все дни жизни моей. Познав Господа, должно любить Его. Каждый из нас что-нибудь любит: иной золото и сокровища, другой честь и славу, а иной только свое тело, и потому весь занят пищею, питием и одеждою. То, что любим, наполняет всю глубину сердца нашего так, что в нем не остается места для Иисуса Христа. Как полный сосуд воды уже ничего не вмещает более, так и сердце наше, будучи наполнено любовью суетной, иногда гнусною, не приемлет любви ко Иисусу Христу. И до тех пор принять не может, пока не уменьшится любовь к вещам тленным. Иисус Христос троекратно вопрошал ученика Своего: «Петр! любишь ли ты Меня? Петр! любишь ли Меня? любишь ли Меня?» ([Ин. 21:15-17](#)). И этим троекратным вопрошанием очищал его от троекратного отвержения. А потому столько бы раз надлежало вопрошать каждого из нас, слушатель: «Любишь ли Иисуса Христа?» — сколько предметов, сколько вещей мы любим, забывая о любви Христовой. Столько раз вопрошать надлежало, сколько раз мы любовью от Христа обращаемся ко всему земному. Да вопрошает о сем каждый сам себя, да вопрошает свое сердце: любит ли оно Иисуса Христа более всего и крепче всего? А чтобы узнать, любит ли истинно, Господь положил признаком этой любви исполнение заповедей: «Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его не тяжки» ([1 Ин. 5:3](#)). Все, что ныне делаем во угождение себе, во угождение нашим прихотям, есть заповеди мира, заповеди суетности, или заповеди греха. Этим заповедям повинемся, а Божий нарушаем, хотя меньшего труда стоит хождение по заповедям Божиим, чем по закону грехов и бесчисленной суеты. И до тех пор нарушать будем заповеди Божий, пока хотения наши не управим волею Божией. Воля же и любовь Божия к нам столь близки, что Иисус Христос говорит: «Я с вами во все дни» ([Мф. 28:20](#)); столь велики, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» ([Ин. 3:16](#)), «как с Ним не дарует и нам всего?» ([Рим. 8:32](#)) Столь неотступны, что — «се стою», — говорит Господь, — «се стою у двери» сердца каждого «и стучу; если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему» ([Апок. 3:20](#)); и тогда только откроются двери сердца для Господа, когда Господь войдет в него, воскликнет все сердце наше: «Господь мой и Бог!» Воскликнет и почувствует Его, вкусит сладость неизреченную и возрадуется о Господе. Любящие Господа прославляют Его. Как горящий светильник разливает свет и освещает дом, так человек, любящий Господа, светит между другими людьми и освещает их темноту. Его дела представляются взору всех, и такие дела, что, видя их, нельзя не прославить Господа, нельзя не сказать: Слава Богу! И между нами есть ищущие Господа, есть любящие Его. Свет во тьме утаиться не может; любовь к Богу в сердце человеческом рано или поздно открывается на лице, является во взгляде кротостью и смирением, является в устах хвалою Бога и благословениями ближнего, является во всех движениях тела благоустроением и святые. Тогда весь человек исполняет то, что предписывает Дух Святой: «едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все» не в свою славу, но «делайте во славу Божию» ([1 Кор. 10:31](#)) и еще: «прославляйте Бога в душах ваших», и не в душах только, но «и в телах ваших» ([1 Кор. 6:20](#)). Да не прельщаем, слушатель, сами себя, что будто мы прославляем Бога, когда язык наш хвалит Его чужими словами, будто мы любим Его, когда посвящаем несколько минут на богослужение Ему. Нет, пока сердце наше не воскликнет ко Господу словами апостола: «Господь мой и Бог мой!» — то есть Ты мой Господь, а мир, а суетность, а грех надо мною не господствуют; Ты мой Бог — Тебе Единому поклоняюсь, Тебе Единому служу и для Тебя живу, а прочее все, как идолов, как гнусность, как погибель, отмечаю и ненавижу; до тех пор вся любовь наша есть только наружная, и вся вера — неверие. Итак, отдадим все силы наши Господу, воскликнем к Нему из глубины души: «Веруем, Господи, помоги нашему неверию» ([Мф. 11:24](#)); не перестанем молиться, пока Господь не приложит вере

нашей Свой дар — Свою веру. Аминь.

СЛОВО В ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Близко к нам небо, но мы далеки от него

«Господь после беседования вознесся на небо». ([Мк.16:19.](#))

Итак, нет нужды оставаться долее на земле. Вождь и Глава наша возшел на небо; «Свет истинный, просвещающий» ([Иоан.1:9](#)) землю и весь мир, «Хлеб, сшедший с небес» ([Ин. 6:41](#)), питающий в жизнь вечную, снова на небе. Надежда и Радость наша, Наставник и Друг, Судия, и Утешитель, и Спасение, и Жизнь вознесся; и облако скрыло Его.

Но не будем, христиане, праздными или печальными свидетелями сего восшествия. Им утверждается слава великих подвигов на земле, и земнородным возвещается радость небесная. Путь от яслей до гроба, исполненный скорбей и страданий, путь крестов бесчисленных, сосредоточившийся во единый Крест на Голгофе, отныне прославляется небесною славою, поскольку им прошел на небо Иисус Христос. Человек тленный, «изгнанник рая сладости» ([Быт.3:23](#)), всюду преследуемый пагубою и проклятиями, пребывающий на земле в страхе смерти временной и вечной, отныне имеет дерзновение восходить на небо путем новым и живым, который прославлен вознесением Господа. Иисус Христос, «Сей Образ ипостаси Божией» ([Евр.1:3](#)) и Образ наш, как наименовал Сам Себя, «дал вам пример» ([Ин. 13:15](#)), вознесся ныне с плотию распятою, и, как Царь неба, даровал человеческой природе небесное царство; как Господь славы, облек его Своею славою; как Бог всяческих, посадил с Собою на Престоле Божества -> вознесся и воссел одесную Бога» ([Мк. 16:19](#)). Итак, Его Божественный восход есть образ нашего восхождения, Его слава одесную Бога есть образ нашего прославления, или прославления тех, кто под Его Крестом воинствует на земле и побеждает, веруя обетованию — «сесть на Престоле» ([Апок.3:21](#)) по образу «победившаго и сидящаго с Отцом Иисуса Христа».

Видите, слушатели, какую славою утешает христиан торжественное вознесение Господа. И, если кто еще не вступил на путь Господень, медля на распутиях мира, каким обетованием и какую силою влечет от земли на небо! Да повинuemся и мы сему влечению силы Божией на небо, касающейся ныне каждого слушателя о вознесении. Но, дабы не суетно было наше повиновение, воззрим на то, куда от земли возноситься Должно, и изобразим перед собою хотя слабую тень нашего во времени возвышения.

На земле размышлять о небе, на которое восшел Иисус Христос, и земным языком изрекать тайну седения одесную силы, столь же было бы суетно, как слепорожденному размышлять о красках и немому повествовать о звуках. «Восхищенный до третьего неба», впрочем, «восхищенный» только «в рай, слышал неизреченные слова» ([2Кор. 12:4](#)) языком человеческим. Как же можно человеку, пригвожденному к земле, повествовать о том, что превыше всех небес? Но если глас слова Божия, никогда не умолкающий, и глас Церкви, выражаемый в многообразных действиях и знамениях, внушают «искать горнего, где Христос сидит одесную Бога» ([Кол. 3:1](#)), «горе иметь сердца» (Литург. Злат.) и возвышаться к небесным, то не помышлять о небе, на которое возноситься должно, и не говорить о нем, как о тайне, превышающей мудрость мира, значило бы закрывать небо, всем открытое. Не дерзая касаться третьего неба, коснемся первого, которое может быть к нам столько же близко, как и земля, нами обитаемая.

Будет время, когда сие «небо и земля прейдут, когда звезды небесныя», удивляющие землю величием, «падут с небес, как увядший лист» ([Ис.34:4](#)), «и все стихии, разгоревшись, разрушатся» ([2 Пет. 3:10](#)); но человек никогда не преидет от бытия своего, и среди всеобщего разрушения, хотя бы захотел тления и поискал смерти, могущей уничтожить его, «пожелает умереть, но смерть убежит от него» ([Апок.9:6](#)). Посему излишне было бы ныне собирать

множество земли, воздвигать горы на горы, или искать крылья, чтобы возноситься к видимому небу. Оно, поскольку носит в себе тление, низко для нетленного духа человеческого. Дух бессмертный ищет и неба бессмертного. Действующий разумом, и волею стремится туда, где истина и свобода, где премудрость и блаженство. Есть другое небо для духа нашего, нетленное и вечное, или высота духовная, которая на языке человеческом, по некоторому сходству, именуется небом. Если бы внутреннее око наше не помрачалось суетою и страстями, то видимое небо и видимая земля были бы для нас открытой книгой, в которой можно читать «невидимое Божие» ([Рим.1:20](#)), поучаться тому, как духовное солнце, освещая все, питает, растит и привлекает к себе души человеческие; поскольку мир вещественный, сотворенный тем же словом и по тем же законам, как мир духовный, есть образ духовного и, если можно уподоблять более, есть покров его, как тело есть покров души нашей. Но земной разум, опирающийся только на чувственные опыты, носится по поверхности неба и земли, и, кроме вещества, не видит в них ничего. В самом небе находит землю, когда земное измерение путей и времени относит к светилам небесным.

Бог наш есть «Бог небесный» ([Ин.5:45](#)), «Живой и Царствующий на небесех» ([Пс.2:4](#)), «небо» имеющий «Престолом» ([Мф.5:34](#)) Своим. Но если, по словам премудрого, «и небо небес» ([3Цар. 8:27](#)) видимых «не вмещает Его», то не высота стихии, удаленная от взоров человеческих, служит Престолом Господу, но святость, от Него Самого исходящая и к Нему же возвращающаяся. «Бог сидит» ([Пс.46:9](#)),— восклицал один из таинovidцев,— «на Престоле святости Своей» ([2Кор. 11:31](#)). Вечно Суший никогда не исходит из Себя, из Своего «неприступного Света» ([1Тим. 6:16](#)), которым облакается, из блаженной вечности, в которой почивает, из беспредельного величия, по которому ни в какой твари, ни во всем мире не вмещается. Следовательно, там есть небо, где Бог неприступный и беспредельный, там небо, где открывается Его святость всеосвящающая, где является истина вечная, так как Он «есть истина» ([Ин. 14:6](#)). Где обитает «любовь совершенная» ([1Ин.4:12](#)), которую Он дарует и совершенствует, где почивает «мир превосходящий всякий ум» ([Флп.4:7](#)), который от Него исходит, и «Он есть мир наш» ([Еф.2:14](#)), где избыточествует духовная радость, которую рождает «Дух Утешитель» ([Ин.14:26](#)): словом, там есть небо, где Господь Своею силою, благодатью и божественностью открывается, действует и царствует. Первозданный человек видел сие небо. По мере правды и святости, вмещал его в себе, и жил на нем, пока «силы Вышнего» ([Лк.1:35](#)) действовали в нем так, что он не препятствовал их действию, покоряясь весь без остатка. Но вскоре заключил это небо, когда свою волю поставил преградой воле Божией, свой разум простер завесою вечной Премудрости, или, по образу денницы, мечтая свои силы сравнять с силами Вышнего, мечтая быть, как Бог, пал с этого неба на землю и низверг с собою весь род человеческий. С этих пор в каждом человеке что ни находится собственного, есть «плоть, рожденная от плоти» ([Ин. 3:6](#)), и земля, заимствованная от земли. Сердце, соделавшееся источником злых помышлений, на столь низкой степени поставило человека, что он, когда творит своими силами и по своей воле, творит только противное и враждебное Господу.

Бог есть Истина, а все дела человеческие— «ложь», хотя бы многие им верили как несомненной истине, поскольку древний корень лжи, неисторгнутый из сердца, произрастает их. Бог есть Любовь, а дела человеческие есть зависть, хотя бы многими опытами доказывалась их любовь, так как в них созревают плоды эдемской зависти. Господь есть Мир, а дела человеческие есть возмущение и мятеж, хотя бы примирялись ими целые народы, поскольку возмутитель царствия Божия тайно внушает им в чаянии достигнуть своего намерения. В Господе — радость, а в делах человеческих — печаль и скорбь, хотя бы во все дни им радовались, потому что на них лежит печать небесного осуждения: «в болезнях и скорбях жить на земле» ([Быт. 3:16](#)) и в довершение всех болезней «умирать смертью» (2, 17). Таким образом,

дух человека и весь человек, погрузившийся в себя, сколько бы своими силами ни возвышался в очах человеческих, есть земля «неустроенная», и до тех пор останется землею, пока снова весь не покорится силам Вышнего; иначе снидет в бездну грехов последнюю.

Навсегда сокрылось бы от нас блаженное небо, если бы Иисус Христос не приклонил его нисшествием Своим, и не открыл всемогущим Крестом, «убив вражду на нем». Во Христе «благоволил Бог всему исполнению» Божества «вселиться, и тем примирить с Собою мир, избавившего нас от власти- тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего» ([Кол.1:13](#)). Отец, почивающий в Сыне, почивает и там, где Иисус Христос вселяется, где «кровью Его» ([Ефес.1:7](#)) погашается пламень вечного гнева, течет во исцеление плоть, распятая и погребенная, приемлется в одежду нетления и святости. Ибо Иисусом Христом восстанавливаются святыня, правда, любовь, мир и радость божественные. Поэтому там отверзается и там есть небо, где Иисус Христос. Святые Божии, победив на земле мир под «завесою, то есть плотью» ([Евр.10:20](#)) Иисуса Христа, приступили ко Свету неприступному, взошли во Святая, во Христе и со Христом торжествуют ныне, и потому они — небо.

Живущие на земле, когда собираются не во имя земли и человека, но во имя Господа Иисуса, тоже составляют небо. Тогда Он пребывает между ними: «ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди их» ([Мф.18:20](#)). В каждом собрании во имя Христово на земле есть небо. Сердце человека, если столько укрепляется в вере и возрастает в любви, что все открывается для Иисуса Христа, и Он, нисходя к нему, Своєю святостию «творит обитель Себе» ([Ин. 14:23](#)), то и сердце человеческое есть небо. Слово Божие уверяет нас в тайне пребывания Христова на земле до скончания всех времен: «Я с вами во все дни до скончания века» ([Мф.28:20](#)). Поэтому и небо с нами и посреди нас, хотя бы мы не касались его. Если это божественное небо может открываться когда-либо в чувственных образах и для чувственного человека, то здесь, когда преломляется Хлеб небесный и подается Чаша жизни, некоторым образом часть этого неба открывается и для нас. Но, размышляя о небе, если мы возводим к нему только умственные взоры, оставляя на земле желания наши, то обращаем к себе укоризненный вопрос, слышанный некогда свидетелями вознесения: «Мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо» ([Деян.1:11](#)). Христиане! Почто, размышляя о небе, не желаете его? Взирая на его славу и величие, не возвышаете к нему сердец ваших? Столь близко приклоненное к нам небо, не для того ли всюду простирается, чтобы от всех стран и мест можно было восходить к нему, и не в чувственных только действиях, но и в «сердце полагать» непрестанные «восхождения» ([Пс.83:6](#))? Столько благ вечных, которые объемлет небо, и из коих каждое превышает цену всего видимого, предлагается на земле, чтобы там было сердце наше, туда стремилось и там успокоивалось, где сие вечное сокровище. «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» ([Мф.6:21](#)). Но сколь близко к нам небо, столько, по-видимому, мы далеки от него, и столь же трудно к нему восхождение. Рождаются иногда желания к сему возвышению, но, как слабые искры в густой мгле, в то же время, когда возгораются, погасают. Стремится иногда ум отвлечься от суеты, но, как темничный узник, меняет только место темницы, а не освобождается. Подлинно, тяжелые узы пригвождают нас к земле, и столь же многочисленные, сколько земных предметов, нами желаемых, столь же крепкие, сколь крепка любовь, к ним возбуждаемая. Но если ничто земное само собою к воле нашей не прилепляется, — напротив, мы прилепляемся ко всему земному; если твари превратностию и тлением удаляют нас от себя, прекращая наше к ним стремление,— напротив, мы не перестаем устремляться к ним своими желаниями, то не земные предметы, но желания, в воле нашей рождающиеся, есть узы наши, пригвождающие к земле. Апостол в наставлении искать небесного все эти узы рассекает единым словом: «чтобы остальное время жить не по человеческим похотям, но по воле Божией» ([1 Петр. 4:2](#)). Итак, не от внешних сил, не от насильственного влечения зависит

то, чтобы от земли освобождались сердца наши, но от внутренней силы воли, которая может развязывать узы, ею составляемые, может пресекать желания, от нее рождающиеся. Впрочем, эта великая мощь ничтожна, когда мечтаем силами нашего разума подкрепить ее, но делается истинно великою, крепкою и непреодолимою тогда, когда одушевляется верою, могущею победить не себя только, но царствия; когда подкрепляется упованием всемогущей помощи, приобретается и возобновляется в молитвенных подвигах. Маловерие колеблет нас между небом и землей, между похотями человеческими и волею Божиею, и потому мы «ни холодны, ни горячи» ([Апок.3:16](#)), но тот, в чьем сердце возгорается пламень веры, чтобы пресечь в себе похоти человеческие, и волю свою истощить до того, чтобы в ней действовала только воля Божия, вступает на путь Иисуса Христа. С Ним нисходит в ясли уничижением всего собственного; с Ним восходит в пустыню, туда, где искушается сила веры и упование; с Ним алчет и жаждет, постоянно умерщвляя плоть свою; за Ним следует в пустое место, или в гору для молитвы; Его крест приемлет на рамена свои — в любви терпения и скорби; с Ним погребается в умерщвлении всего человеческого. Сей путь Иисуса Христа есть единственная на земле стезя, ведущая на небо: Он есть воля Божия, открытая в действиях Христовых. Нам неизвестно, когда приходит всемогущая помощь от Господа к тем, кто вступает на путь сей. Впрочем, не таится от нас, что «наше жителство на небесах» ([Флп.3:20](#)), хотя телом на земле пребывают, и поелику Иисус «Христос в них есть» ([2 Кор.13:5](#)), то в них и небо. Отсюда обращаюсь к себе и миру: что можем найти столь славного и великого в себе и на земле, почему отлагаем восхождение на путь небесный? Тлен земли, превращающий все в тление; суетность мира, вихрем кружащая мысли и хотения наши; бренность тела, непрестанно разрушающегося и умирающего; низость ума, в самых великих деяниях не восходящего выше самого себя; повреждение воли, посредством которой любим только себя и этой любовью, как лстивым лобзанием, сами себя предаем врагам нашим — эти ли преграды удерживают нас от пути небесного, ведущего к вечному «торжествующему собору и Церкви первенцев, написанных на небесах» ([Евр.12:23](#))? Но если подвижники неба слышат, что вся «тварь стонет и мучится, ожидая освобождения от рабства тлению» и своей «свободы» ([Рим.8:20-23](#)), то сия же тварь вздыхает и от нас, порабащующих ее суетности, и тело наше, как тварь, повинующаяся нам, вздыхает о своем и нашем порабощении. Особенно же сколь многими и сколь сильными вздыханиями, иногда укоризнами и обличением, иногда стенанием и воплями убеждает нас искать свободы от рабства тлению тот остаток небесного в нас дыхания, который ничем временным и земным не насыщается. О, если бы превратность всего видимого волнения мира, вздыхания внешние и вздыхания внутренние, совокупно поражая и взаимно усиливаясь, наконец, подвигли нас искать покоя от земного смятения, внутри и вне нас непрерывно увеличивающегося! И подвигли так, чтобы не языком только, но и сердцем от всея силы и от всея крепости возопили ко Господу: Христе вознесшийся! Твоею силою вознеслись от земли «подобные нам человеки» ([Иак.5:17](#)); «дажд» и нам «крыле», да от этой суеты, от этих мятежей «полетим» к Тебе по стезям Твоим, и на них почием ([Пс.54:7](#))! Аминь.

Произнесено 17 мая 1815 года

**СЛОВО ПЕРВОЕ В ДЕНЬ СОШЕСТВИЯ
СВЯТОГО ДУХА**

О действиях Духа Божия и духа вражьего

В этот день, по свидетельству Писания, слышен был во Иерусалиме внезапный шум, подобный бурному дыханию, исшедший от небес на одну горницу, в которой виден был огонь, покоющийся на головах людей, подобных нам, и не опаляющий. Такое необычное явление привлекло народ, живший в Иерусалиме, который собрался и слышит:— какое удивление!— низкие пред очами его галилеяне говорят на разных языках. Что с ними сделалось? И притом они напоминают слова Божий, Иоилем изреченные: «излию от Духа Моего на всякую плоть» ([Иоил.2:28](#)). Ужасались все, недоумевали, говоря друг другу: «что это значит?» а некоторые ругались и, указывая на апостолов, говорили: «они напились вина» ([Деян.2:15](#)). Слушатель! Мы в этот день не слышали внезапного шума, подобного бурному дыханию, не видали огня, сходящего с небес, но собрались в сию горницу, свидетельствующую нам истинное событие того, что слышали и видели иерусалимляне. Между тем слышим, что Дух Святой истинно сошел на апостолов, а через них- на всех нас, поздних преемников христианства. Сей Дух объемлет всех и все наполняет Собою: «ибо мы Им живем и движемся и существуем» ([Деян.17:28](#)). Верите ли, слушатель, мы в Духе Божием живем, в Нем движемся и существуем? Нет места, где бы нам можно было укрыться от Него; нет движения, которое бы происходило без Него; жизнь, бытие и силы каждого существа Им сохраняются; Он все видит, все знает, везде присутствует, следственно, и здесь, во храме сем. Снова спрашиваю, верите ли этому? Живущие по плоти, как иерусалимляне, думаю, ужасаются, мудрствующие по стихиям мира недоумевают, порождения отца лжи изощряют язык на злословие, исполняются желчью, при этих словах, Церковью повторяемых: «в Духе Божием живем и движемся и существуем» ([Деян.17:28](#)). Впрочем, еще ужаснее, если угождающие плоти или дышащие тлетворным дыханием мира спокойно продолжают свои удовольствия, уверяя себя, что или милосердие превышает все их оскорбления, или, обеспечиваясь рассеянностью, не внимают ничему Божественному, или мечтают, что Бог, Дух всенаполняющий, наполняет и их сердца. Нет, слушатель, в них нет Духа Божия. Сердце их наполнено духом, но враждебным Божию, как то научает нас Св. Богослов: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» ([1 Ин. 4:1](#)). Есть злые духи, которые внушают все враждебное Духу благому. Они жаждут нашей гибели, не столько телесной, сколько душевной, бросают жребий между собою о душе нашей, как бы удобнее погубить ее: «испытывайте духов, от Бога ли они» ([1 Ин. 4:1](#)). Мы находимся в теле, препятствующем ясно разуместь все духовное. Самое утонченное понятие о духе, до какого только разум сам собою может возвыситься, есть гадание. Если бы свет Небесный не озарил омраченных сердец наших, то грубая плоть до сих пор бы ослепляла очи ума нашего и, может быть, не позволила бы и гадать о духовном. Ныне сокрыт от тела нашего дух — удален от чувств; но действия его ощутительны даже и для слабого понимания. Я сказал, действия духа ощутительны для понимания, потому что тело ничего не может ощущать духовного. Дух удобнее всего действует на дух же: Возлюбленные! «не всякому духу верьте, но испытывайте духов» ([1Ин. 4:1](#)). Христиане! Каждый из вас имеет дух разумный и свободный, и на каждого могут действовать враждебные духи — различайте их. Через слово «дух» здесь разумеется не что иное, как сила, влекущая нашу волю на свою сторону и порабощающая разум властью своей. Обратите внимательный слух ко внутреннему человеку вашему: услышите слова, которые влекут вас в различные пути. Плоть, этот ближний, неразлучный собеседник наш, приятными словами внушает негу, прелестный мир — суетность, дух злобы — все жестокое и пагубное. Плоть неусыпно трудится запутать свободный дух в гнусные сети свои. Каждый день, почти каждый час внушает нам: «И пища, которую употребляем, невкусна, непитательна.

Надобно переменить, растворить сладостию или питием, подкрепляющим силы телесные, питие можно разнообразить. Избирай то, которое может рассеять скуку, прогнать унылость. Сон краток, можно прибавить еще несколько часов, для удобства же почивай на мягком ложе». Вот что внушает плоть! Когда такие помышления входят в сердца наши, все они произведения плоти. Помните ли, слушатели! Плоть и кровь не «наследуют царствия Божия» ([1Кор. 15; 50](#))! Помышления плоти надобно прекращать в самом начале. Каждый раз, как хитро шепчет нам сей дух льстивый, надобно отражать его словами Небесного Учителя: «Отойди от Меня, сатана! потому что думаешь не о том, что Божие» ([Мф. 16:23](#)). Но если усилится разум наш и преодолеем нападения плоти, ускорит предстать сильнейший и опаснейший враг — мир прелестный. «Что делать?— размышляем мы сами с собою.— Мне одному обыкновения всех почти людей не переменить. Тщеславие ныне такой порок, который редкие осуждают, если он хотя бы немного свойствен лицу и времени; корысть овладела сердцами всех для поддержания нынешней благопристойности в одежде, в пиршестве, в собраниях. Это и нужно, и мне можно взять преимущество перед низшими, и мне можно ослепить глаза многих блеском своим, пусть и меня хвалят, пусть прославляют имя мое». В таком привлекательном виде многое подобное представляет уму нашему суетный мир! Возлюбленные, я скажу словами апостола: сему «духу» не «верьте» ([1Ин.4:1](#)). Но что я, многие, может быть, из вас, слушатели, учение это по нынешнему времени почитают неуместным; слова эти — словами, только бьющими воздух и в нем теряющимися. Христиане, чада Церкви! к вам смею обратиться слова мои. Христиане! Пролитый за вас кровь Свою Христос советует вам это, дав образ презрения всего суетного. Когда показаны были сему Учителю и Другу нашему все царствия и слава мира, и все это во власть обещано, тогда сказал Он искушителю: «Не искушай Господа Бога Твоего»; потом: «Отойди от Меня, сатана! Господу Богу Твоему поклоняйся и Ему одному служи» ([Мф. 4:10](#)). Мир существует на службу нашу, нам велено господствовать над ним. Как же слуга наш, мир, хочет господствовать над нами? Самые первые помышления о суетности, какими пресыщает нас мир, отвергнем, слушатели, сказав: «Сатано! Не искусиши Господа твоего, но Ему послужиши». Плоть и мир, которые нам преодолевать надобно, нередко так сближаются с духом нашим, так себе поработают его, что мы не узнаем, враг ли мечет на нас стрелы или уже это собственность наша. Если духовная брань не прерывается с врагами, и они с часу на час с большим усилием против нас вооружаются, то можно назвать их ангелами князя тьмы, который, в случае ослабления слуг своих, сам усиливается и нападает. Апостол Павел уведомил христиан, что их «брань против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» ([Ефес.6:12](#)). Брань внутренняя, невидимая, но самая опасная. На ней умирает не одно тело, но и душа. Между тем, как удобно этот дух побеждает нас! Он уже победил и торжествует, если в нас виден гнев, зависть и ненависть. Успех его победы особенно велик, когда воздается мщение, не только за явные обиды, но и за то, что по некоторым только признакам для нас оскорбительно. Все это есть великое и славное торжество духа злобы над человеком.

Но дух злобы, жаждущий погибели нашей, и этим не насыщается, для него мало повинования верных рабов плоти и мира, не довольствуется он и своим против нас ополчением, но, к дополнению скорости в успехах, чтобы больше было число погибающих, употребляет орудием своим человека, особенно по уму и дарованиям способного действовать сообразно злобе. Вникая в различные произведения высоких умов века сего, и нам бояться должно. Слушатели! не о нашем ли времени сказано: «в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским» ([1 Тим. 4:1](#)). Дух лживый, как ангел тьмы, преобразующийся во светлого, неприметно улавливает неопытность нашу правилами превосходными, тонкими, высокими. Его учение кажется божественным, только не основано на

воле Божией. Верный признак духа сего есть тот, что он открывает новое, откровением умолчанное, силится изъяснить непостижимое. Всякий дух есть антихристов, который не есть Божий. Дух Божий дышит вопреки духу злобы, мира и плоти. Когда помышляем об истощении тела для удобнейшего действия разумом, тогда мысли не наши, но беседует с нами Бог, дышит на нас Дух Святой. «Не потому, что мы способны были помыслить что от себя» доброе, слова Писания ([2Кор.3:5](#)). Но» Бог производит в вас хотение и действие, и по Своему благоволению» ([Флп.2:13](#)). Нам осталось только не сопротивляться силе и влечению Духа всеблагого. Он родит и мысли, и желание, и дает силы наступать на аспида и василиска, попирать льва и змия адского. Все производит один и тот же Дух разделяя каждому особо; а потому Он все разделяет на пользу нашу властью Своею: кому хочет, дает «слово премудрости, слово разума, другому — веру; одному — дарования исцелений, другому же — действия сил, одному — пророчество, другому — рассуждение о духах, иному разные языки, иному истолкование языков» ([1 Кор.12:10](#)). Все делает один и тот же Дух.

Чистые сердца, удостоившиеся такого таинственного веяния Духа Божия, перед очами плоти и мира — чудо. Апостол [Петр](#), простой рыбак, силою Духа исцеляет болящих, воскрешает умерших. Стефан, под грудю камней умирающий, но Духом подкрепляемый, молится за кидающих на него камни: «Господи! не вмени им греха сего» ([Деян.7:60](#)). Павел, гонитель Церкви, но потом вдохновенный свыше, в слезах, в ранах, в волнах, в темнице, в страданиях радуется. Какие силы, какая тайна, сколько чудес в действиях Духа Божия! Кто бы из нас, слушатели, по видимому не пожелал удостоиться осенения Небесного? Так! Мы все желаем, чтобы Дух Божий действовал в нас, но вместе с тем боимся оскорбить плоть нашу — расстаться с удовольствиями мира. Всему божественному верим, но если рассмотреть жизнь, ничему не верим. Различаем свет от тьмы, Дух благой от духа злого, но жертвуем собою последнему. Утешитель благий! Ты в эту минуту веешь над главами нашими, зришь сердца нечистые и гнусное ослепление наше. Приблизься к нам, Дух Святой! Светом Твоим или огнем, только научи познавать Тебя и всем Тебе жертвовать! прииди, Господи! Прииди, и вселись в нас. Слушатель! Он придет, если мы престанем сопротивляться Ему. Аминь.

Произнесено 7 мая 1809 г.

**СЛОВО ВТОРОЕ В ДЕНЬ СОШЕСТВИЯ
СВЯТАГО ДУХА**

Дух Святой созидает все на земле

«Послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли».([Пс. 103:30.](#))

В этот день, слушатель, Дух Святой почил на апостолах в виде огненных языков, не только для того, чтобы им говорить разными языками, или чтобы собрать рассеянное, но и обновить лицо всей земли, состарившееся и разрушающееся. Огонь светит и производит теплоту, сжигает и очищает, истребляет и изменяет. Дух Святой сошел в виде огненных языков, дабы просветить людей, во тьме сидящих, согреть холодные сердца их, сжечь нечистоту и очистить, истребить беззакония с лица земли и изменить человека «в паки-бытии» ([Мф. 19:28](#)). Именно это предсказал пророк, возвещая: ибо Он (Дух Святой), «переплавляя и очищая» сердца наша, «переплавит как золото или серебро» ([Мал. 3:3](#)). Давно совершилось это на земле. Апостолы, наполненные Духом, облеченные силою свыше, силою огненною, «горели и светили» ([Мал. 3:3](#)) перед лицом всего мира, раздавая дары Святого Духа, очищали землю от беззакония, смягчали сердца жестокие и пожигали встречавшиеся плевелы нечестия. Их руками собрана, воздвигнута и украшена Церковь верующих, «прекрасны ноги благовествующих благое» ([Рим. 10:15](#)) так, как называет Писание, прошли всю землю и всюду разнесли мир Божий и блага небесные: «по всей земле прошел голос их, и слова их услышаны в концах вселенной» ([Ис.52:7](#)). Дух Святой, к ним посланный, совершил то, что издревле о Нем предсказано было: «Послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли» ([Пс.53:30](#)). Дух Святой и ныне нисходит на землю, хотя мы того не замечаем; делает на ней все, хотя мы многое, Им совершаемое, приписываем деяниям человеческим. Он разрушает и созидает, возвышает и унижает, обогащает и обедняет, умерщвляет и оживляет не только в людях и людей, но и в самих вещах неодушевленных и тварях, которыми обладает. Духом Господним небеса утвердились и до сих пор утверждаются; Им сохраняется земля и все, что на ней. «Отнимешь Духа Твоего, и исчезнут» ([Пс.53:29](#)). Дух Божий устраивает общества малые и великие, поставляя и переставляя царей, князей и властителей, без Него разделится общество, рассыплется царство, хотя бы оно возвышалось своею силою и славою: «отвращу же Тебе лице, всяческая возмьются» ([Пс.53:29](#)). Духом Господним созидается и земля сердец наших. Он один очищает и превращает их в сосуды благопотребные, обновляет лицо этой земли, внутри нас находящейся, обновляет сердца наши, обветшавшие от грехов, состарившиеся в беззакониях. Видите, слушатели, Дух Святой созидает все на земле, нами обитаемой, созидает общества человеческие, созидает и сердца наши. Чтобы от всей силы и от всей крепости воззвать к Нему в молитвах, предлагаемых ныне Церковью, подумаем об этих действиях Его. Дух Святой созидает всякое на земле. Мы трудимся над землей, сеем, насаждаем, собираем жатву и плоды, и думаем, что все это производится руками нашими, или, возвышаясь в умствовании, приписываем природе, ее закону и силам.

Правда, земля возвращает семена, посеянные всегда одинаковым образом, деревья приносят плоды только по роду своему. Но какой земледелец надеется, что по его воле богатая ныне будет жатва, что земля наградит его труды сторицею? Если затворится небо и не даст благорастворения воздушного, если «оно будет как медь» ([Втор. 28:23](#)), как во дни пророка Илии, и земля станет жесткой, высохнет и будет как железо — возрастут ли тогда семена посеянные? Произведет ли рука земледельца обильную жатву? Что принесут древа плодоносные? Но пусть и небо не затворяется, и Господь не посещает нас таким жезлом наказания, все равно бесчисленными остаются способы к разрушению надежд наших в собирании плодов и жатвы. Мороз губит травы и цветы, зной иссушает их, червь приходит и пожирает, излишний дождь обременяет и творит бесплодными, ветер исторгает из корня и сокрушает, град бьет и убивает иногда уже готовую жатву и плоды созревающие. Итак, не

нашей волей и не нашими силами производится на земле все потребное нам. Не силы наши, не труды многопопечительные, но «рука» Божия, которая, когда «отверзается» для нас, тогда все преисполняется благ, и не мы только, но и звери земные, и птицы небесные, и птенцы к Небу вопиющие, деревья, травы,— все ждут от Господа пищи себе: «вся к Тебе, Господи, чают даты пищу им во благо время» ([Пс.103:27](#)),— поет Псаломник.

В первый день творения, когда «земля была не видима и не устроена» ([Быт.1:1](#)), «Дух» Божий «носился» ([Быт. 1:2](#)) над нею, подавая силу каждой вещи, для нее нужную, оплодотворяя их семенами и жизнью. Он и ныне веет над всеми тварями, над небом и землею, не обходя ни одной травинки, попираемой ногами нашими. И ныне Он дает «снег яко волну» ([Пс.147:5](#)), сыплет иней, как пепел, облаками одевает небо, и готовит в них дождь земле, растит траву на горах и злак в полях, изводит ветер из кладовых своих, посылает молнии и громы.

Псалмопевец, поставляя себя между Духом Господним и тварями и видя, что Его Божественные силы в беспредельном обилии непрестанно нисходят на все творения, чтобы сохранить их бытие и жизнь, восклицает: «Хвалите Господа, небеса небес; хвалите Его солнце и луна, хвалите Его вся звезды и свет» ([Пс. 148:3-4](#)). Потом, низводя взоры к земле, тем же гласом восклицает: «хвалите» Господа и вы: «огонь, град, гнев, голодь и дух бурный; хвалите его» и вы, «горы и еси холмы», и вы, «древя плодоносные и еси кедры; хвалите Господа» и вы, «звери, и еси скоты», и вы, «птицы пернатый и гады; хвалите Господа» и вы, «змиеве и все бездны» ([Пс.148:7-10](#)). Хвала от всего творения восходит ко Господу, потому что от Господа происходит все на земле: «послеси, Господи, Духа Твоего, и созиждутся, и обновишь лицо земли» ([Пс.103:30](#)). Как земля не своей силой устраивается, но силою Духа Божия, дающего ей жизнь, дыхание и все, так человеческие общества, малые и великие, строятся или разрушаются от силы Духа, все животворящего. Художник созидает дом, мудрый из людей собирает общество и устраивает город, мудрейший соединяет целый народ во единое общество. Кажется, здесь только человеческие силы и человеческое искусство и действуют. Но что есть человек? Богодуховный царь, глядя сам на себя, на свои силы телесные и душевные, сознавался, что он «есть червь, а не человек» ([Пс.21:7](#)). Как червь роется в земле, питается землею и никогда от нее не возвышается своими силами, так и человек роется в земле, хотя бы созидал великие груды земли и устроил их в жилище себе. Червь ползает и не знает путей своих, подавляется тогда, когда не ожидает, падает там, где думал возвыситься, издыхает в то время, как начинал дышать. Так и человек, сколько ни умудряется земным разумом, сколько ни совершенствует умение, всегда по земле ползает и не знает, что будет завтра и что наведет час последующий. Поэтому великое или малое число народа есть собрание как бы червей, подобных между собою, взаимно подавляющихся и, может быть, взаимно угрызаемых. Какая же сила может быть в одном человеке, чтобы соединить силы других, подобных себе? «Да не хвалится сильный силою своей, крепкий крепостью своей; богатый богатством своим и мудрый своею мудростью» ([Иер.9:23](#)). Человеческая сила есть бессилие, потому что он «как трава утром процветет, а вечером отпадет и изсохнет» ([Пс.89:6](#)). Человеческая крепость есть немощь, потому что человек смертен. Земное богатство есть нищета, потому что самое великое имущество его есть только груда земли и для земли. Человеческая мудрость есть безумие, потому что «называя себя мудрыми, обезумели» ([Рим. 1:22](#)). Это-то бессилие телесное и душевное утверждает истину того, что «если не Господь создаст дом» ([Пс.126:1](#)), если не Он пошлет силы к созданию и сохранению, то напрасно трудились создающий; «если не Господь сохранит город» ([Пс.126:1](#)), если жители города будут надеяться на стражу и защиту человеческую, а не на Божию, то тщетна всякая защита и стража: «всуде будет стерегущий» ([Пс.126:2](#)). Да и кто из нас, слушатели, не видит в городах, по крайней мере, часть того, что видел царь Израилев? «Видел», говорит он, «беззаконие и пререкание в городе; беззаконие днем и ночью обходит по стенам его» ; днем и ночью содевается «труд и

неправда посреди него; на площадях его лихва и лесь» ([Пс.54. 11:19](#)). Что же сохраняет города от разрушения, соблюдает в них тишину и спокойствие? Притом «суетны и лживы сыновья человеческие от суеты» ([Пс.61:11](#)). Человек везде человек. В городе и вне города все живущие суетны и лживы. Кто же покоряет их закону царствующему, приклоняет к подножию престолов земных так, что, любя ложь, повинуются истине, живя в беззаконии, чтут закон и им управляют? Подлинно, слушатели, «если не Господь созидает город или дом» ([Пс.61:10](#)), малое и великое общество, если не Дух Его одушевляет созидающих и созидаемых, не Его слава полагается во основании, но человеческая, то «напрасно трудятся строители» ([Пс.126:2](#)). Всяк уклоняющийся от Господа, кто бы он ни был, по уверению Писания, погибнет. «Отъймешь», Господи, «Духа Твоего, исчезнут и в прах свой обратятся, но когда пошлешь Его, вновь создадутся» ([Пс.103:29](#)). Мы видели, слушатели!, что человек сам собою ничтожен, при всем величии, как червь, при всей крепости, как трава, при всем богатстве, нищ, при всей славе, бесчестен. Но когда же сей ничтожный человек удостоивается посещения от Духа Божия, когда очищается от грехов дыханием Святым, тогда, будучи мал в себе, ничтожен перед подобными людьми, велик у Бога. Тогда человек бессильный и немощный приобретает такие силы, что все может, поскольку в нем действует Дух Всемогущий. Тогда бедный и нищий имеет сокровище драгоценнее всего мира, потому что Господь — Источник всех щедрот — с ним есть. Тогда и бесчестный в обществе, и презренный от всех людей имеет славу вечную, потому что Господь славы обитает в нем. Эта неизмеримая высота человеческая устраивается Духом Божиим. Мы до сих пор в вере или маловерии не перестаем поднимать рук наших с молением: «сердце чистое создай во мне, Боже» ([Пс.103:31](#))! Даруй нам Дух целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви, и в то же время повторяем устами Церкви: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою, от Него подаваемой, возвышается», и потом какая слава, какое величие низкой душе человека! Она, будучи мрачна, как земля, светлеется сама в себе, и вне себя ощущает свет вечный Троического единства, Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа. Кажется, нет человека на земле, который бы не желал очистить своего сердца, который бы не хотел возвысить души и духа своего. Но кто очищается? Тот ли, который просит от Господа очищения, не надеясь на свои силы, или тот, который, зная свое искусство, сам собою мечтает очиститься, хотя и помрачен сквернами греховными? Тот ли истинно возвышается между людьми, кого возвышает Господь Своею десницею, или тот, который, пресмыкаясь по земле, собирает множество праха и на нем поставляет сам себя? Но если «беззаконие увидишь, Господи, кто постоит» ([Пс.129:3](#))? Если обратишь лицо Твое на грехи наши, кто стерпит взор Твой, как огонь поедающий? Кто устоит против Тебя, чьи очи во множество раз светлее солнца? Поэтому умножаются только беззакония наши, увеличиваются только грехи, когда мы думаем очиститься от них без Духа, все очищающего. «Дунет Дух Его», — повествует Писание, — «и потекут воды» ([Пс.147:7](#)). Когда Сей Дух дохнет на человека и на сердце его, тогда потекут слезы раскаяния. Сей Дух Святой непрестанно вздыхает о нас вздыханиями неизреченными. Он желающих молитвы научает молиться и Сам молится о нас; ищущим Ходатая, дарует силу веры в Ходатая и Сам о нас ходатайствует: «Пошлешь, Господи, Дух Твой; устроятся» ([Пс.103:30](#)) сердца наши, «и обновишь их», как обновляется лицо земли. Мы знаем, слушатели, что земля, нами обитаемая, требует обновления, не только ежегодного, но и ежедневного — обновления росой, дождем, теплотою и благорастворением воздуха. Знаем и желаем обновления обществ наших, в которых беззаконие непрестанно делается, везде слышатся пререкания и частые вопли, злоба непрестанно алчет и неправда возвышается над правдою. Мы желаем сего обновления, но особенно должны желать обновления сердец наших. Они, будучи исполнены неправд, мертвы для правды Божией, будучи стесняемыми суетою и сжигаемыми страстями, иссохли и ожесточились. Их собрание, если уподоблять видению пророка, есть поле костей мертвых,

сухих, не имеющих ни плоти, ни духа. С каким пламенем веры, с какою силою любви, с каким рвением мы ныне должны молить Господа, да пошлет Духа Своего во обновление земли, домов и обществ, а особенно — сердец наших.

Утешитель, Дух истины! Прииди и даруй нам жизнь истинную, прииди и создай в нас сердца чистые, неустрашимые, прииди и вселись в нас, воскреси нас в жизнь истинную и дух праведности обнови в нас. Аминь.

Произнесено 6 июня 1815 года

**СЛОВО В ДЕНЬ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО
КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО**

Каждый человек рожден для неба и для наследия славы

«Побеждающему дам сесть со Мною на Престоле Моем» — ([Апок.3:21](#)) — вещает Христос устами возлюбленного ученика своего.

Престол Божий на небесах уготован для земных победителей. Царь славы, в образе раба совершив победу на земле и оставив знамение, с которым восходить должно к Престолу величия, удостоивает возводить с собою победителей, подобных Себе: «побеждающему дам сесть со Мною, как и Я победил и сел с Отцом Моим» (там же, стр. 22).

Сей праведник, чьи останки до сих пор побеждают тление, свою победу торжествует во Христе. Ублажаемый Победителем смерти на небесах, он прославляется и нами, еще воинствующими на земле сей. Пока нужно будет ополчаться против врагов Отечества земного и небесного, сокрушать стрелы, носящие смерть временную и вечную, до тех пор образ сугубой победы св. Александра будет знаменем, путеводящим сынов Церкви; до тех пор защитники Отечества будут научиться, что оружие царевое не препятствует, но способствует действовать оружием Божиим, и победа над самим собою, над врагами внутренними, есть несомненное условие торжества внешнего. Воин, готовый запечатлеть кровью любовь свою к Отечеству, пренебрегает теми обязанностями, которых требует от него мирское благоприличие, отмечает те узы, которые возлагаются суетными обычаями, отрекается от вожделений, гасящих пламень ревности его и, занимаясь одними успехами оружия, не занимается самим собою. Такое состояние воина есть самоотвержение; под руководством же истинной веры есть самоотвержение евангельское. Оно, одушевляясь благословениями неба и упованием на всемогущую помощь, всегда венчается успехами и истинною славою. Так, герой, воспоминаемый ныне, увенчавший оружие Отечества победами, венчается славой истинной. Так слава его, начавшись на земле, продолжается на небесах, и временное величие соединяется с величием вечным. Слушатели благочестивые! Воинствующие под знаменем Христовым, или вместе с тем и под знаменами Отечества, кто бы мы ни были, истинная слава и величие нам предназначены. Достояние сего праведника должно быть нашим достоянием, небесный Престол — нашим наследием, Бог всех — нашим стяжанием. Происхождение каждого человека, его внутреннее величие и обеты Божий свидетельствуют о столь высоком назначении. Суетное величие да смиритя пред величием истинным и временная слава да умолкнет пред славою вечною! Происхождение человека обязывает его к стяжанию небесной славы, так как слава предков, даруя некоторые права на преимущества и уважение, служит потомству благородным побуждением соответствовать их величию. Плоть и кровь есть древнее наследие, передаваемое нам от первого человека. Горсть, взятая от земли, преобразованная в состав телесный, человеку сообщается человеком, как орудием творящего Промысла. Мы от плоти заимствуем плоть, от костей кости; но человек не есть и не может быть творцом человека. Иов, признавая себя рожденным от жены, показал небесное свое происхождение, воскликнув: «Господи! помяни, яко Ты создал мя еси, Ты облек мя кожею и плотию» (10, 9). Если эта тленная горсть, столь обыкновенная нам, столь близкая взорам и удобная разумению, не есть произведение искусства человеческого, но дело рук Творческих, то дух, живущий в нас, едва объемлемый, едва разумеваемый самим собою, не есть ли произведение небесное? Он, поскольку есть жизнь, происходит от Виновника жизни, поскольку есть дух, началом своим имеет Духа всеоживляющего: «и вдунул Бог в лицо человека дыхание жизни» ([Быт. 2:7](#)). Таким образом, от сидящего на престоле царя до пресмыкающегося в пропастях земных невольника, от просвещенного эллина до грубого варвара, без различия богатства от нищеты, величия от унижения, седины от пелен, каждый человек по происхождению своему есть небесный,

духовный, Божий. Суший в лоне Отчем, в происхождении своем по плоти указал высоту нашего происхождения и назвался «сыном Авраа-мовым, Божиим» (Ак. 3, 38). Ежели сыну Царя одна порода дарует право на престол и обладание, то чадо неба не предназначается ли к обладанию и наследию небесному, духовный к духовному и Божий к Божественному?

Такое величие недостойным человеком может быть потеряно, но не истреблено: своеволие и страсти скроют его, но не изгладят из естества человеческого. Обращая мысленные взоры на себя самих, через многочисленные роды и века, или через все изменения пороков и страстей, всегда можем созерцать Бога — Виновником, небо — назначением нашим. Денница, произвольно отделившийся от Света, погас и падением своим произвел бездну мрака, но не погасил Света. Падший человек пусть еще глубже падает и вместо возвышения к Свету светов нисходит в мрачную область тьмы, плоти и мира, в посрамление себя самого и Бога, но судьбы Божий всегда пребудут Божиими, от сложения мира уготованное человеку достояние останется человеческим. Потомки Адама перстного с продолжением времени, продолжая распространять племена, и с умножением племен умножать срамоту и нечестие, столько унизили и, по-видимому, извратили свое происхождение, что пришедший возродить человека Адам Небесный поразил их неслыханною истиною: «отец ваш диавол» ([Ин. 8:44](#)); но между тем открыл пути к восхождению в первое достояние. «Дал власть быть чадами Божиими» ([Ин. 1:13](#)). Мы, по большей части, унижаем эту высоту происхождения плотскою порокою. Каждое состояние, каждое семейство производим от своего родоначальника. Временные отличия, нужные только во времени, предпочитаем отличиям вечным, и звание происхождения небесного предоставляем только низкому сословию людей, как единственную, впрочем, маловажную отраду в их унижении. Но внутреннее превосходство человека, вопреки суетному величию, непрестанно напоминает как высоту общего происхождения, так и назначение к истинному величию. «Господи, Господь наш», — восклицает пророк, — Ты «поставил человека над делами рук Твоих» ([Пс.8:7](#)). Земля и воздух, огонь и вода, покоренные человеку, повинуются ему, как повелителю, служат, как владыке, приносят нужную дань, как Царю своему. И кто не испытал господствования своего над землею? Где только воздвигаем стопы наши, куда только простираем руки, всюду оставляем следы владычества, так что на земле сей, в мире естественном уже видим, если можно сказать так, сотворенный нами мир искусственный. Обладателю тварей не свойственно быть обладаемым тварью. Не для того ли «все покорено под ноги» (Там же, ст. 8) человеку, чтобы он не покорялся своему положению? Не с тем ли твари приносят нам дань, чтобы мы не платили им нашим достоинством, попечением, унижающим нас, так как, успокаивает Евангелие, — «не заботьтесь» ([Мф.6:25](#))? Обладание позорнее рабства, когда повелитель служит тем тварям, которые не внемлют его служению. Бесчувственный истукан имеет поклонников только бесчувственных. Несмышленные твари, какими являются серебро, золото и плоть наша, обладают только несмышленными. Но дух разумный, живущий в человеке, повелевает ими, а не повинуется. Древнее учение язычников предписывало, чтобы дух повелевал, а тело повиновалось. Святой учитель Церкви указывает нам более высокую степень власти, чем это (Наз., том 2) учение: что Бог в мире видимом, — говорит он, — то должен быть дух разумный в теле чувственном; что Бог — для души нашей, то она должна быть для тела. Тот, который не мог венчать нас большею честью и славою, как образом и подобием Своим, положил закон этот в основание души нашей. Глас, проповедывающий волю небесную, пробуждает дух наш от усыпления в похотях, поработивших его себе: «духом умерщвляйте дела плотские» ([Рим.8:13](#)). Дух Божий, веющий над бездною мрачных сердец, привлекая к себе дух наш, рождает в нем силы побеждать страсти и пожелания, дает власть над каждым помыслом и движением сердца, чтобы на месте царства тьмы внутри нас устроить Царство света. Единый Бог есть закон праведнику. Его страсти, вожеления, разум, мысли

управляются тем духом, который «есть один дух» с «Господом» ([1Кор.6:17](#)). С Богом, в нем царствующим, он царствует над самим собою. Это-то и есть истинное величие, поставляющее нас царями над нами самими. Без него все недостойно духа бессмертного, низко для его величия, бесчестно для славы истинной.

Суетный мир, зная закон духа, живущего в нас, привлекает к себе не тела, но сердца наши, и более уважает те деяния, в которых заключается больше духовного. Но, чтобы суетное величие, без явного насилия, не поработило нас, мир осужден на то, чтобы никогда не насыщать духа нашего. Достоинства и почести, при всей высоте, низки для духа, превышающего все земное. Обладающий возможными дарами счастья, пока не доволен самим собою, ничем не доволен. Дух его ищет непрестанного возвышения. Громкая слава, народные рукоплескания, пышные торжества немного времени занимают слух и взоры, потом оставляют пустоту в сердце, ничем не наполняемую, кроме Бога. Поэтому занятый суетной славой, испытав все мирские способы к успокоению духа бессмертного, наконец, придумывает для себя земное бессмертие, временную вечность, в памятниках, в отзывах потомства или в заблуждениях его. Прочие временные блага сам мир считает недостойными человека великого, и тех, по большей части, презирает, которые мечтают приобрести все в корысти, в насыщении плоти и в человекоугодии. Подлинно, какое унижение, какое насилие духу бессмертному, живущему в нас, носить узы, возлагаемые тлением, рабствовать рабыне своей — плоти, быть мучеником страстей своих и чужих! Напротив, какое величие и успокоение для духа на земле этой возвращать плоды небесные, престол или хижину озарять светом Божиим, жезл или меч или перо одушевлять упованием славы вечной: мы «хвалимся», — восклицал апостол, — «упованием славы Божией» ([Рим. 5:2](#)). Вечный завет Бога с человеком, возвещенный в древности пророками, а в конце дней Словом воплотившимся, ныне возвещаемый нам словом письменным, есть союз славы Божией в человеке со славою человеческою в Боге. «Прославляющих Меня прославлю» ([1Цар.2:31](#)). Человеку невинному, человеку падшему и человеку искупленному «оставлено вечное субботство» в Боге ([Евр.4:9](#)), в которое не внидет только непослушание и противление. Слово, которым до сих пор говорит к нам Бог, столько же общее, как свет видимый, всюду проповедуемое, призывает всех к славе, начинающейся на земле и не оканчивающейся на небесах. Кто бы ты ни был: человек порочный, раб греха, осужденный миром и самим собою, внемли, ежели желаешь, Богу, тебе говорящему: Он «освободил тебя от рабства тлению в свободу славы» ([Рим. 8:22](#)) Своей. Сознаешься, что не столько Богу, сколько человеку и себе угождаешь, не скрываешь сам от себя, что сердце твое, по большей части, там, где твое сокровище, где твое удовольствие, там, где честь или корысть твоя. Но Бог сердца твоего к тебе призывает: «Сыне! дай Мне сердце твое; Я в тебе и ты во Мне пребудешь» ([Прит.23:26](#); [Ин.6:56](#)). Тело измождается страстями, предается нечистоте и осквернению, но голос правды призывает к тебе: «или не знаешь, что тело твое уже не твое, ибо куплено дорогою ценою» ([1Кор.6:19-20](#)) и должно быть храмом Божиим. Такое величие, предлагаемое нам во времени, хотя превышает человеческую славу, даже соразмерную продолжению всех времен и бытию мира, есть только начало славы, которую засвидетельствует всякое колено небесных, земных и преисподних. Царь славы обещает нам царское величие; «наследуйте», — говорит, — «уготованное вам царство» ([Мф.25:34](#)). Судья веков дарует нам участие в Суде над миром: «не знаете ли, что святые будут судить мир» ([1Кор.6:2](#))? Сидящий на Престоле величества разделяет с телом нашим Престол Свой: «дам сесть», — говорит, — «со Мною, как Я воссел с Отцом Моим» ([Апок. 3](#); 21). Боже великий! Что есть человек, что так помнишь его? Или мы — сыны человеческие, что посещаешь нас столькими обетованиями? Бог хочет, слушатели, чтобы ни единое небесное зерно, вверенное земле, не погибло, но возросло в жизнь и славу вечную, чтобы человек смертный на земле жил для бессмертия. Вместо суетных надежд, из которых состоит вся жизнь наша и

которыми ежеминутно обманываемся, Бог дает упование вечное, с которым каждый воин есть победитель, каждый судья — живой образ земного правосудия, каждый гражданин — защита Отечества, каждый человек превыше всего тленного, всего человеческого. С упованием на славу Божию, «отребя мира» возобладали всем миром, безоружные воины, побеждая все ужасы мучений, наконец, покорили себе самих мучителей. На этом уповании починут сии кости праведника. О! Почивайте, драгоценные останки, посреди нас в утешение или обличение нашего упования! Вы некогда восстанете из гроба сего, и, может быть, часть из предстоящих возведете с собою на облака, на встречу Судии, чтобы произнести Суд над прочими, нам подобными, в неверии, в слабостях наших. Но, праведниче Божий, Александре, продолжай еще покой останков твоих, для покоя нашего отечества и для славы монарха, соименного тебе, по твоему образу соединяющего временное величие и земной престол с величием вечным и Престолом небесным. Торжествуй с ним над врагами веры и прославленной тобою России, с ним и в нем посрами лютость нечестия, угрожающего посрамить святой прах твой! Да почивают святые останки эти не в земле только, не в гробе, но в умах и сердцах наших, чтобы мы, памятуя, что рождены для неба и для наследия славы, подобной славе праведника, продолжили нашу ревность, верою и жизнью пред Богом и Царем нашим свидетельствовать, что мы — Христовы, чтобы, наконец, слава праведника и собственный опыт уверили нас в исполнении слов Божиих, изреченных апостолом: «если вы Христовы, то мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее,— все ваше» ([1Кор. 3:22](#)). Аминь.

Произнесено 30 августа 1812 года

**СЛОВО В ДЕНЬ ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ**

Начало и конец нашей веры есть жертвоприношение Богу

«Умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую и благоугодную Богу». ([Рим. 12:1](#))

Начало и конец нашей веры есть жертвоприношение Богу. Апостол, готовя нас к этому, молит нас щедротами Божиими. Указывая на них, он возводит мысли и сердца наши к той беспредельной любви, которая не пощадила Единородного Сына принести в жертву правосудию и даровать в жертву человеку. Сын Божий, однажды принеший Себя на Кресте, вечно приносимый на Престоле суда в оправдание наше, до сих пор приносится нами на бескровном алтаре, и, как «Хлеб небесный» ([Лк. 51:52](#)), питает нас «Телом Своим, живой Водой» ([Ин.4:14](#)) поит, очищает и освящает Своею Кровью. Сын Божий есть жертва человеку — отречется ли человек быть жертвою Богу? «Умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую и благоугодную Богу».

Непорочная Отроковица, Которую ныне Церковь ставит с нами во храме молитвенном, принимая от нас жертву хвалы, подает нам образ жертвы живой, святой и благоугодной Богу. Она есть жертва живая. Не тело только приносится в жертву Богу обетом девства и чистоты, но сам дух предается в руки Божий и Богу обручается. Жертва святая. Не присутствие только во храме святыни, но чистота и непорочность сердца, как приготовление Престола Божия, освящает девство Ее. Жертва благоугодная. Пламень искренней любви встречается с любовью Божией и низводит ее на свою кротость и смирение. Всевышний, после благодатного осенения, избрал утробу Ее престолом Божества, плоть и кровь — одеянием неприступного света.

Нет человеческого воздаяния, достойного Бога, кроме жертвы. Ветхозаветные приношения, как образы, изменились, при совершении образуемого; но их сущность, состоявшая во внутреннем всеожжении, в «обрезании сердца и сокрушении духа» ([Рим.2:29](#); [Пс.50:19](#)), осталась неизменной. «Умоляю вас, братия, представьте тела ваши в жертву Богу».

И мы, слушатели, приносим жертвы Богу, но как часто они только плоды уст, воздеяние рук без сердечного участия! Как часто приносим само сердце, но без плода и чистоты, или приносим в жертву то, чего не принимает от нас мир, что отвергаем сами. Приносим, по словам пророка, «больное, хромое и слепое» ([Мал.1:8](#)). Апостол, зная тщетные труды многочисленных приношений, молит нас переменить тщетность на истину. «Умоляю вас, братия, представьте тела ваши в жертву Богу».

Жертва, Богу приносимая нами, одна и не разделяется на жертвы многообразные. Все телесные и духовные силы, все человеческое существо в то самое время, как начинает истинную жизнь, освящается; начиная освящение, благоугождает Богу. Но для очей телесных, не привыкших во множестве видеть единое, отделим жертву живую от святой и святую от благоугодной. «Представьте тела ваши в жертву живую». Нет духа жизни в теле нашем, пока оно орудие неправды. Узы греха, связывающие сердце, подобно смертным болезням, поражают ум и чувства. Они умерщвляют всякую благую мысль своею смертностью. Помрачают разум, оставляя ему одну поверхность вещей и не позволяя проникнуть в глубину собственных пороков, чтобы все труды его были тщетными, обширное знание — неведением, так как «мудрость мира сего есть безумие пред Богом» ([1Кор.3:19](#)). Помрачают внутреннее око, и «свет истинный, всех просвещающий» ([Ин. 1:9](#)), не просвещает их, заграждают слух, и «действенное слово Божие» ([Евр.4:12](#)) для них недействительно. Греховное повреждение ставит человека в такое состояние, что он «видя не видит и слыша не слышит» ([Мф. 13:13](#)). Пока жизнь Христова не начнется в нас, мы, по слову Писания, «мертвые по грехам нашим» ([Ефес.2:1](#)). Но семя жизни, оставленное внутри воли, в продолжение земного бытия не умирает в нас. Дух, поработанный

плоти, усыпляется чувственными удовольствиями, но в нем не истребляется желание благ совершенных. Учитель народов, как ангел жизни, возбуждает нас от этого смертного усыпления: «встань, спящий»,— благовествует он,— и «воскресни от мертвых». Дух, спящий в то время, когда вечная смерть постигает тебя, когда плоть и кровь бдят о твоей гибели! Дух спящий, «воскресни» от мертвой не деятельности, открой глаза для света Божия; плотские желания, как тяжкую дремоту, смахни с век твоих, да начнется и совершится желание жизни ([Ефес.5:14](#))! Очищаются чувства и тело, просвещаются разум и мысли, когда воля наша от видимого устремляется к невидимому, от временного переносится к вечному, от мира — к Богу. Пламенное желание жизни, возбужденное словом Божиим, утверждаемое обетами, непрестанно возвышаясь в возвышении молитвенном, влечет за собою чувства, чтобы и видеть, и слышать, и вкушать плоды только небесной жизни. Оно, хотя встречает преграды, предлагаемые миром, но ими не удерживается, ослабевает от слабости естества, но не погасает. Такая стремительность воли не успокаивается, пока не ощутит свободы от греха, свободы от смерти. Доколе не «вообразится Христос» ([Гал.4:19](#)) в мыслях, даруя им направление ко благу, в уме, исполняя его разумением Себя, и в деяниях, производя их Своею силою. Этой ревностью духа совершается тело наше в жертву живую; впрочем, так, что живем уже не мы, но живет в нас Христос. «Уже не я живу», — свидетельствует испытавший это жертвоприношение,— «но живет во мне Христос» ([Гал.2:20](#)). Тело наше, совершаемое в жертву живую, должно быть вместе с тем святою жертвою. Все-святой не приемлет никакого приношения, кроме святого и чистого. «Будьте святы»-говорит Он, — «ибо Я свят» ([Лев. 11:44](#)).

В минуту спокойствия, обратив беспристрастный взор на себя самих, увидим, сколь малочисленны и убоги дары, приносимые нами Богу истинному. Напротив, сколь многочисленны и богаты жертвы, посвящаемые чужим богам, которые и, по нашему суждению, достойны попраiania, а не жертвы. Страсти, которых гнушаемся в других, но одобряем сами в себе, как некие божества, в каждый час, в каждую минуту требуют и получают от нас в жертву себе если не деяния, то слово, если не разум, то сокровища, если не сердце, то чувства, если не должность, то спокойствие. Они всего требуют от нас, чтобы ничего в нас не осталось Богу истинному. Страсти, обладающие человеком, составляют внутренний его закон, обязанности и как бы дух человека. Поэтому пророк, желая прекратить это идолослужение и очистить текущую скверну, во время своего очищения восклицал: «жертва Богу дух сокрушен» ([Пс.50:19](#)). Когда кумиры страстей в нас падают и сокрушаются, когда не остается камня на камне от того внутреннего строения, которое непрестанно создается в нас похотию плоти, украшается похотию очес, прославляется гордостью житейскою, когда разрушается в нас само основание «вражды на Бога» ([Рим. 8:7](#)) и, по сердечному сознанию, все, что от нас зависит, является ничтожеством, тогда (не по нашему усилию, но по беспредельной любви) Творец, из ничего созидаящий все, из нашего ничтожества «творит человека нового, не имеющего пятна или порока, обновляемого в правде и истине» ([Ефес.2:10](#); [Ефес.5:27](#)). Созидаемый во святою жертву Богу не в одно мгновение совершает свое очищение, но с продолжением временного бытия продолжает его. Он отрекается от мира, который привлекает его, сопротивляется желаниям плоти, которая требует отдохновения от непрерывных подвигов, прохлады от внутреннего всеожжения. Умерщвляет помыслы, которые, как насекомые, по разрушении жилища, быстро восходят и нисходят в сердце его, взаимно подавляются и взаимно усиливаются затмить свет, возгорающийся при очищении образа Божия. Он, предавая дух свой Духу Божию и волю свою воле Его, нисходит до той степени смирения, что ни чужих, ни своих взоров не обращает на собственность, и, чтобы ни в чем не видеть себя самого, непрестанно имеет Бога пред очами своими. Богочеловек, показавший образ смирения в нисхождении на землю, снова нисходит для такого смиренного сердца, нисходит в него Своею славою, освящает Своею

святостию, и, восполняя лишение сил его, приемлет на Себя обязанность жреца и жертвы Богу Отцу. «Одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых» ([Евр.10:14](#)), совершенствует каждого в примирении с Отцом. Человеческая мудрость сочтет невозможным столь низкое смирение и столь высокую святость. Или к достижению их предложит свои правила и средства, но такие, которыми более устроит наши немощи, нежели облегчит сердечные скорби. Небесный Учитель, вопреки мудрованиям, не возлагает на нас неудобноносимого бремени, не требует нашего искусства и мудрости, но только сердечной простоты, младенческого верования и кротости. «Если не будете как дети, не войдете в царствие Божие» ([Мф.18:3](#)). В простоте сердца, в кротости и смирении приносится Богу жертва святая и, наконец, благоугодная. «Представьте тела ваши в жертву благоугодную Богу». Бог наш, будучи «всесовершенная любовь» ([1Ин.4:8](#)), благоугождается любовью: «возлюблю любящего Меня», — говорит Он ([Прит.8:17](#)). Основание всех деяний человеческих, благих и порочных, есть любовь. Но порочные основываются на любви человеческой, поврежденной в естестве своем. Деяния же благие — на любви Божией, которая «изливается в сердца наши Духом Святым» ([Рим. 5:5](#)). Когда полагается начало жизни и святости, пламень любви, столько же крепкой, как и святой, исполняя сердце, не заключается в телесных его пределах, но открывается в разуме, является в словах, во взорах, в слухе и во всех движениях телесных.

Открывается в разуме. Мысль, питающаяся созерцанием вечной любви, обогащает разум средствами разделять небесное стяжание с неимущими его. Разум, движимый любовью, не имеет нужды в вымыслах, не затрудняется изобретениями, но открывается по мере того, сколько имеет внутреннего света, открывается весь, без остатка, для блага ближних. Является в словах. Безмолвие любви прерывается только прославлением Бога и назиданием ближних. Когда говорит любовь, уста ее источают искренность, изливают елей на раны душевные и телесные, изрекают мир и истину. «Беседа ее», по выражению Писания, «прекрасна» ([Песн.4:8](#)). Является во взорах. Когда видимые творения не останавливают их, как только для возвышения к невидимому. Они обращаются на убогих для вспоможения, на страждущих — для облегчения, на благочестивых — для подражания, на равных — с благорасположением, на низших — с кротостию, на всех — с чистотою сердечною. «Пленила», — глаголет Небесный Жених души, — «ты сердце мое одним взглядом очей твоих» (Пес. 4, 9). Является в слухе. Когда не внемлет оскорблениям, поражающим сердце, но издали слышит и единый вздох невинно страждущего. Заграждается от мирского шума, внушающего ложь, но открывается для услышания правды, и сама «душа исходит в слово Божие» (Пес. 5, 6). Является во всех движениях телесных. Когда, работая Богу, в теле своем творит плоды духовные. Руки, воздеваемые к Богу, простирает на благотворение и общение. Стопы, воздвигаемые в храм молитвы, утруждается направлять в дом сетования и плача. Всегда нося мертвость Господа, распятого на Кресте, состраждет и сраспинается Ему. Таким образом, всякое благое дело совершает в жертву Богу и, между тем, в служение ближнему. «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе» (Пес. 4, 7). Небесный огонь нисходил на ветхозаветные жертвы в знамение благоприятия их. Свет светов нисходит на жертву любви, живую и святую. Сказал Сын Божий: «Если кто любит Меня и слово Мое соблюдет, того и Отец Мой возлюбит»; от Престола славы и величия «приидем» под низкий и убогий кров его «и обитель у него сотворим». ([Ин. 14:21](#)) Такие щедроты Божии изливаются на нас, когда пробуждается наш дух, усыпляемый плотью, когда освобождаемся от ветхого, греховного одеяния и беспредельной любви жертвуем своею любовью. Ум наш, слушатели, не перечит словам Божиим, признавая их истинными, но не перечит ли сердце наше своею холодностию и бесплодием?

О, любовь вечная, победившая вечную вражду мира! Тебе одной предоставлено победить сопротивление сердец наших. Силою щедрот твоих воскреснет в нас жизнь умирающая,

освятится внутренняя нечистота и бесплодие, свойственное нашим немощам, совершится пред тобою в жертвенное всеплодие. Аминь.

Произнесено 21 ноября 1812 года

**СЛОВА В ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА**

Сколько благочестивая верность народа возвышает царство, столько царь, верный Богу, возвышает народ свой и самого себя

«И Я положу первенца его высоко выше всех царей земных». ([Пс.88:28](#))

Этот завет, исполнившийся над домом Давидовым, столько раз исполняется на земле, сколько раз являются мужи, избранные по сердцу Божию. Царь вечный не ограничивается тесными пределами известного времени — от Престола величества на небесах простирает скипетр Свой на землю в царства человеческие. Он, «поставляя царей» ([Иов. 36:7](#)) на престолы, Сам воцаряется в них, когда Ему одному вручают «царство», воцаряется Своею «силою», когда уповают на силы человеческие. Воцаряется и «славою» ([Мф.6:13](#)) Своею, когда глубокое смирение царя возводит все к славе вечной. Невидимое царство Божие делается «видимым и осязаемым» ([Деян.17:27](#)) в той высоте, которую дарует Господь по судьбам правды Своей: «Я положу первенца его высоко выше всех царей земных». Не древние предки возвещают нам, слушатели, но мы поставлены свидетелями дел Божиих на земле, которые описаны в книгах царей древних. Мы — свидетели той славы, которою венчает Господь благочестивейшего Монарха нашего Александра Павловича. В первые дни, когда он восходил на престол всей России, возвышались с ним и надежды наши, но они не простирались далее безопасности и благоденствия внутри Отечества. Мы видели высоту престола его, в славе и силе равняли ее современным владыкам земли, но не видали высоты внутренней. Кто не сознается себе, что ужасом исполнялось сердце, когда многочисленные племена шумом враждебного оружия наполняли всю Россию? Кто не помышлял с собою, что сотрясается все Отечество от падения градов великих и помрачается блеск его от дыма, восходящего из развалин и из пламени, разливаемого по градам и весям? Чей взор мог проникать в будущее и видеть, как враг, восставший на низложение России, делается орудием ее возвышения? Как высокомерие, оскорбляющее кротость, карается ею в праведном мщении и силою оружия желавший похитить себе славу всех народов готовит путь к славе перед всеми народами монарху, ищущему только славы Божией? Пути Господни, в начале своем сокрытые от взоров человеческих, едва примечаемые самими теми, кто избран идти по ним, наконец, так проясняются для всех, что и ослепленные вольномыслием ощущают шествие Господа Сил в неожиданной превратности войн, возвышающей и унижающей сильных земли. «Десница Господня сотворила силу» ([Пс.117:16](#)), которой смиренномудрие монарха прославлено первенством между первенцами народов, и «кротость вознесена» перед всеми «во спасение» ([Пс.149:4](#)) их. «Я», — говорит Господь,— «положу первенца его высоко выше всех царей земных»

Высота Божия не измеряется пядию человеческою, земное око не восходит до пределов величия, Богом даруемого, впрочем, нам дано, слушатели, ведать, какую силою привлекается и какими путями низводится сила и слава Божия на царя, на оружие и на Отечество. Лицо Божие отвратится от нас, когда мы отвратим от Него взоры и сердца наши. Следы войны, по которым мысленно сопровождаем движение оружия, запечатлены кровью собратий наших, по голосу велений не щадивших живота своего. Запечатлены блистательностью вождей, которые знают, что каждая капли крови, падающая на землю, взыщется от рук их. Запечатлены мудростью монарха, который, не надеясь на силы человеческие, взыскал всемогущей «помощи от Господа, спасающего правые сердцем» ([Пс.120:2](#)) от восстаний неправедных. Возвращаясь к мирным селениям, мы видели, что бескорыстная любовь усердствовала в молениях за царя и Отечество, жертвовала не только избытками имущества, но всей собственностью. Не временные награды одушевляли в таких подвигах, не слава двигала сердцами и оружием, но ревность к защите правды и к приобретению мира миролюбивым соотечественникам. Кто эти знаменательные

события, как буквы, перстом Божиим начертанные на земле нашей, слагает воедино, тот понимает, что верность народа к царю и Отечеству, утверждаемая благочестием, и верность царя к Богу, соединенная с любовью к народу, возвышают царя и царство.

Истинное возвышение и твердое величие царства есть тайна, которой всегда искали обладатели народов. Иногда замечали и находили ее, но на краткое время. Часто радовались обретению, но имели только тень ее. До сих пор многие с мерцающим светильником своего разума мечтают возвести народ свой на высоту, но тем самым приводят его на край бездны, в которую, как предшественники, низвергаются прежде своего народа. По суду человеческому, высота земного царства состоит в мудрых законах, которыми все управляются, в изобилии богатства, которое находится в руках народа, в высоком просвещении ума, во множестве побед и обширности Царственных пределов. Но, да откроются книги бытия человеческого на земле! В них начертаны имена великих царств. Само же величие служит только памятником человеческой суетности и гибели народов. Все, что создается силами человеческими, создается, по слову Божию, «на песке, и в» самом возвышении готовится к падению, которое, по мере тяжести и высоты своей, будет «падением великим» ([Мф.7:27](#)). Сердца, пригвожденные к земле, не возвышаются от нее; народ, ходящий по путям страстей своих, может показать жестокость и неистовство, а не величие. Пусть для него пишутся мудрые законы, какие может изобрести человек, но они для всегдашних похотей не что иное, как золотые сети для муравьев, через которые без вреда можно проникать. Для неукротимых же страстей красивые, но слабые преграды, как для львов яростных. Человеческие страсти сильнее всех законов. Вручите народу сему обилие богатства, получаемого на земле. Оно произведет роскошь и корыстолюбие, но не облегчит тяжести сирот и беспомощных. Пусть явятся редкие дарования и возвысится просвещение в народе сем, но великие умы, помрачаемые страстями, всегда были великими врагами отечества. Их правила сеяли семена несогласия и раздоров, их преимущества и слава руководили в распрях и междоусобии. Человеческое просвещение без света Божия есть только повреждение народа. Пусть вознесутся среди него герои, удивляющие всех мужеством, и они, одушевляясь личною славою, до тех пор стараются о победах, пока слышат рукоплескания себе в народе. Когда же умолкнут гласы торжественные в похвалу их или перенесутся к сподвижникам, тогда личная слава предпочтется всему отечеству. Вождь, любящий только свою славу, ненавидит славу своего народа, когда она не им приобретается. Наконец, сама обширность границ, многочисленность народа без единомыслия есть бремя, подавляющее само себя и разрушающееся от собственной тяжести. Не эти ли плачевные останки древних царств передаются из века в век, из потомства в потомство, не это ли есть скудное наследие величия после славных и великих народов для настоящего времени?

«Запустеет» всякое «царство», в котором несогласие «разделяет» города от городов и «дом от дома» ([Мф.12:25](#)). Где нет союза, связующего сердца народа, там нет крепости ни в каких твердынях. Равно где гражданский союз не укрепляется силою Божиею, расторгается той самой рукой, которая прикасается к нему для укрепления. Впрочем, и беззаконные племена иногда столь крепко связываются, что поднимаются на высоту перед лицом многих языков. Но они, по словам пророка, «не разумея совета Господня, связываются», как пожатые колосья в «снопы на гумно», и поднимаются на высоту «для измолота» ([Мих. 4:13](#)). Рука Господня, собрав от них добрые зерна, потребит остаток их; плевые же развеет по лицу земли, в народы неизвестные. Утверждается царство, когда в нем вселяется единомыслие, возвышается перед всеми, когда благочестие укрепляет и совершенствует верность народную. Только такой союз душ и сердец есть непреоборимая твердость народа и высота неизмеряемая. Он не прерывается среди возмущений, не рассекается острием меча, укрепляясь страхом Божиим, не сокращается в тесноте и скорбях, расширяясь по мере заповеди Господней, но прославляется в мире и войне,

любовию «производя вечную славу» ([2Кор. 4:17](#)) истинной. Этот союз, соединяя между собою грады и веси, царя и подданных, от земли простирается до неба, поскольку от «Бога начало» и в «Боге коней» ([Апок.1:8](#)) его. Верность, утверждаемая благочестием, содержит все высокое, что одобряют и чему удивляются все племена земные. Она, упованием вечности возвышаясь над всем временным, когда является в судье, есть правота, не взирающая на лица человеческие, в рабах — благородство, превышающее все чаяния; в гражданах — общение, уравнивающее бедность избытками. В воинах — непреодолимое мужество, в вождях — мудрое геройство, во всех сословиях — повиновение «не за страх», как свойственно невольникам, «но за совесть» ([Рим. 13:6](#)), как прилично чадам Отца Единого. Во всем народе — единодушие и та «любовь», которая внушает «полагать жизнь свою за ближних своих» ([Ин. 15:13](#)), «любовь крепкая, как смерть» (Пес. 8, 6). Там, где этой верностью соединяются сердца народа, все постановления и законы сияют премудростью, так как искренность блюдет их, как святыню, и если находит в них недостатки, которые необходимы человеческим произведениям, восполняет законом Божиим и правилами любви своей. Города, богатые общением, а не золотом, не блистают роскошью, но и не страдают общественными болезнями — убожеством и притеснением. Довольство, царствующее в них, есть такое обилие, которое, хотя похищается рукою вражиею, но мгновенно восполняется взаимною помощью. В таком народе нет мудрости, ослепляющей легкомысленных, но свет Божий просвещает всех; «умудряет» даже «младенцев» ([Пс.15:8](#)), в посрамление хвлящихся земною премудростию.

В нем если не у многих, то, по крайней мере, у некоторых, находятся столь чистые души, которые, как звезды, движущиеся по земле, являются не столько во дни — при всеобщих радостях, сколько в ночи, — когда народные торжества помрачаются сетованием и благоденствие прерывается бедствием. Хотя бы никто не замечал их подвигов для блага общественного, но «их ради спасается град» ([Быт. 43:32](#)) и, может быть, ради десяти таких не потребляется целое отечество. Пусть вооружатся на этот народ многие племена и царства. Тогда он поколеблется от насилия, вытерпит удары, но восторжествует над беззаконием. В нем прославятся геройством не только те, кого державная рука изведет на поле битвы, но и мирный земледелец исполнится геройским мужеством. Плуг и серп обратятся в орудие казни над противниками, и слабые Руки слабого пола вооружатся в защиту правды отечественной. Вам, слушатели, россияне, известны эти подвиги, до сих пор носимые в сердцах и устах ваших. Не случай, которого ищут слепые, не искусство человеческое, которое стараются снискать долгим учением, но благочестивая верность так возвысила сердца соотечественников. И, если земным оком можно проникать в тайны небесные, правда человеческая (по образу, явленному во Израиле) низвела на себя правду Божию, силою которой «пять поражают сто, и сто прогоняют тьму» ([Лев. 26:8](#)). В нас исполнилось предсказание, проповеданное некогда народу Божию: «притеснителей твоих накормлю собственной их плотью, и они будут упоены кровью своею, как молодым вином; и всякая плоть узнает, что Я — Господь Бог и избавитель твой» ([Ис.49:26](#)). Сколько благочестивая верность народа возвышает царство, столько царь, верный Богу, возвышает народ свой и самого себя. Престол царский есть такая высота, на которую обращаются взоры всего народа. От этой богатой трапезы непрестанно ждут пищи себе умы и сердца подданных. То, что видят окружающие ее, слышится в отдаленных пределах. Что заимствуют от нее стоящие на высоких ступенях, передается тем, которые по земле ходят. Земные владыки почти ничего не имеют тайного. Не столько они наблюдают движения народные, сколько народ наблюдает их движения, повторяет их слова и уподобляется их нравам. Когда благочестием украшается престол царский и страх Божий управляет движениями скипетра, то не человеческое, но Божие царство распространяется на земле. Блистательная наружность, с которой являются к престолу слуги столь великого царя, рано или поздно

обращаются в душевное величие. Частое уподобление против воли, наконец, превращается в добровольное подражание. Там бессильно всякое искусство лжи, где непрестанно все измеряет, взвешивает и исчисляет истина. От взоров благочестивого царя исходит свет и огонь, который если не просвещает и не согревает, то опалает сердца нечестивые. Никто не может быть слугою царя, верного Богу, разве «слуга Божий» ([Рим. 13:4](#)) и другом его, разве «друг Божий» ([Пс.138:13](#)). Где утверждается такое величие престола, там не одни воззванные на проповедь Евангелия, но и возвестители воли царевой проповедуют благочестие. Не пастыри только, поставленные на страже Господней, но и блюстители гражданской правды блюдут правду Божию в людях. И воин, очищая меч от праха, очищает наипаче сердце, по любви к царю своему и отечеству. Посреди людей этих заграждаются уста беззаконию, не только силою законов, но и тем, что пренебрегаются все искусства его. Вольномыслие, лишаясь покровительства сильных, скрывается в неизвестности и исчезает. Тем самым утверждается единомыслие, возвышается правда, воздающая каждому по его трудам и способностям. Если величие народа измеряется благочестием, то истинная любовь Царя к народу состоит в покровительстве и возвышении благочестия. Этой силой царь вводит миллионы подданных своих в покой Божий и дарует благоденствие, изъясняемое в Писании «днями неба» ([Пс.88:30](#)). «Царь правосудием утверждает землю» ([Притч. 29:4](#)). Но пусть многие из сонма народного, покорившиеся суете, не покорятся истине и в след вождя своего не пойдут на высоту, им указанную, — он верностию к Богу возвышает сам себя, хотя бы никто за ним не следовал. Служение Богу не есть служение самому себе. Впрочем, и не есть рабство, которого боятся малодушные, но свобода, утверждаемая Духом Божиим. В нем погашаются страсти, чтобы свет Божий воссиял в сердце, отвергается страх человеческий, поскольку приемлетя страх Божий, истребляющий все страхи. Верный Богу сокрушает дух свой в жертву Ему, на место своей воли поставляет Его волю. Утро и вечер, день и ночь, сидение и восстание, вхождение и исхождение — все освящает Божиею славою. Кто не сознается, что такое служение Господу и в низком человеке есть высота небесная, есть союз, простирающийся от человека до Бога? Но если все добродетели тем вожделеннее, чем обширнее круг, в котором они распространяются, и тем более славны, чем больше преодолевается трудностей в достижении их, то каким величием и славою облачается верное служение Богу в царе, сидящем на престоле, на которого и страсти действуют сильнее, являясь во всем блеске и утончении; которому и искушения предстоят многочисленные, по мере множества окружающих; который, благодаря своей независимости, может не бояться того, чего боятся подданные, которого и обилие увлекает ко всему, от чего другие удерживаются неимением многого? Сама высота христианства, если принимает возвышение от людей, в царе возвышается, поскольку прославляется Богом и целыми народами. Государь, верный Богу, верен в любви к народу своему. Он, предав дух и сердце в руки Божий, сердца народа принимает в свои руки, «да направит их, куда захочет» ([Притч.21:2](#)). «Господь дарует это сокровенное и невидимое сокровище» ([Ис.45:3](#)), которого нельзя приобрести ни золотом, ни искусством, ни силами. Если ближе рассматривать следствия такой верности к Богу, то Он «помазанного Своего держит за правую руку, укрепляет во всяком деле и на всех путях хранит его» ([Ис.45:1-2](#)). Какой человеческий совет научит кротости, когда ничто не препятствует употреблять всю строгость суда и силу власти? Какой разум внушит смирение, когда отовсюду слышатся похвалы и рукоплескания, когда все внушают облечься в красоту мира и принять воздаяние, достойно приносимое великим подвигам? И можно ли ожидать отвержения славы, когда любовь к своей чести и славе ставится наравне с гражданскими доблестями? Но проникнем далее в пути сокровенные. Когда этот верный слуга Царя царствующих исходит на поприще войны, то «начинает распространять страх и ужас на все народы под небом» ([Втор.2:25](#)), да узнают, что всех сильнее есть «благочестие» ([Прем. 10:13](#)). Если же ослабевают мышцы, носящие оружие,

или щадится кровь невинная, с неба падают камни в помощь его, воздух ополчается силою зноя и мороза, или, как некогда для Израиля, земля разверзает недра свои и изводит неожиданное воинство — миллионы пресмыкающихся в победу над сопротивляющимися ему. Царь, верный в делах Господних, как Моисей, поставляется Богом над гордостью, подобною «фараоновой» ([Исх. 7:1](#)). При оскорблениях кроткий, как Давид, помазывается тайным и непрерывным помазанием Духа Божия, миролюбивый и попечительный о славе дома Божия, как Соломон, прославляется во всех концах земли. Верен ему закон Господень: «Я положу первенца его высоко выше всех царей земных».

Не торопитесь ли вы, слушатели, эти черты величия, Богом даруемого, рассматривать в благочестивейшем монархе нашем? О, благословенные россияне! Благословим Бога, ущедрившего и ущедряющего нас. Но чувственным оком невозможно идти в след духа, водимого Духом Божиим. Для нас довольно поучаться оправданиям Промысла, силою которого «воссияла правда в днях» ([Пс. 71:7](#)) монарха нашего. Когда и между христианами умолкала слава Христа Спасителя, монарх гласом силы своей исповедал ее, дав обет воздвигнуть храм и памятник этой славы по образцу царя Израилева. Язык общественный не был свободен от уз, положенных самонадеянием, и, боясь оскорбить человека, оскорблял Бога, приписывая все события искусству и силам человеческим. Кроткий победитель буйного врага, подобно Давиду, перед сонмом людей своих возвестил истину: Сам Бог управляет нами! «Твое, Господи, величие, могущество и слава, и победа, и великолепие, и крепость» (1Парал. 29, 11). Не только в пределах отечества, но и в чужих народах воссияла правда от скипетра царя нашего. Узы рабства, возложенные насилием, разрушены праведным движением оружия. И, может быть, освободитель от ига временного своею правдою многим иноплеменникам дает свободу от уз вечных. Воссияла правда в днях его. Уже десятью язвами в освобождении десяти царств поражена, по-видимому, глава нового Египта, но еще не низложена гордость, не довершено дело великое. Прольем, слушатели, моления наши к Богу мира, да по следам правды воссияет и множество мира! От пределов Востока до Запада, от краев неба Северного до Южного да успокоятся народы мятущиеся и перестанет проливаться кровь человеческая!

Если не в чужих царствах, то между нами, слушатели, воссияет множество мира, когда мы соблюдаем благочестивую верность царю и Отечеству, когда искреннее служение Богу не изменим на служение суете и самим себе. Слово вечных судеб уверяет нас: «Господь благословит людей Своих миром» ([Пс. 28:11](#)). Аминь.

Произнесено 12 марта 1814 года

Путь, дела и слова праведные примиряют человека с Богом

«Возсияет во днях Его правда и множество мира». ([Пс. 71:7](#))

Царь-пророк в молитвенном возвышении созерцает юного царя, во дни которого воссияет правда, сокрываемая и угнетаемая неправдами, и мир, как обильные воды, от престола изольется во все пределы царства. Не будем ныне исследовать, слушатели, на какие времена упадет взор пророка и кому из царей этими словами предвещает возвышение правды и обилие мира. Сыну ли своему — наследнику престола, в котором сияла «мудрость Божия, чтобы производить суд» ([3Цар. 3:28](#)) и» в те дни был у него мир со всеми окрестными странами, так что Иуда и Израиль жили спокойно» ([3Цар.4:25](#)). Или Тому Царю, Который от престола славы на небесах, как тихая роса, сошел на землю, «кроток, праведный, спасающий» ([Зах.9:9](#)) от неправд вечных, и Который есть «Царь мира» ([Ис.9:6](#)), разрушающий «вражду» ([Ефес.2:16](#)) между небом и землею, примиряющий не только человека с человеком, но и льва с ягненком, и скорпионов с младенцами ([Ис.9:6-12](#)). Или, по беспредельности видения, Давид прорицает совокупно на мирные дни Соломона, в которых видит «тень будущего» ([Кол. 2:17](#)) царства Мессии, и на то «царство» ([Лк.2:17](#)), по образу которого должны устраиваться все престолы царей земных. Кто бы ни был сей предмет, привлечший на себя богопросвещаемые взоры, только пророк изображает то истинное величие царства, в котором, подобно «новому небу» ([2 Пет. 3:13](#)), сияет одна «правда» и то вождеденное благоденствие, которое строится и венчается «множеством мира».

Но, может быть, эти желания кажутся обветшавшими и не свойственными сегодняшнему торжеству, в которое взоры и слух должны быть наполнены одной радостью о том, что уже воссияла правда во днях царя нашего, и мир дарован его рукою не только Отечеству, но и другим державам. Подлинно! Воссияла правда во дни благочестивейшего монарха в таком избытке света, что видели ее миллионы воинов, носящих вражеское и отечественное оружие, когда Господь Сил поражал и миловал воюющих, ослаблял и укреплял руки их, умерщвлял и оживлял их по предызмеренному шествию гнева и благости. Видели ее мы, слушатели, когда победные знамения, как плоды правды, свыше являемой, предлагались нашим взорам и осязанию. Видели ее многие цари и народы, когда сверх чаяния низлагалось иго, тяготившее их, вновь воздвигались сокрушенные престолы и разрушались узы насильственного рабства, носимые стонущими народами. Видели ее сами враги наши, когда им вместо мщениия, по образу Божественной любви, даровано помилование.

Эта правда воссияла правотою монарха нашего. Но, кажется, наподобие молнии, освещающей концы вселенной, осветило сердце царя, как средоточие своего сияния, а через него излилась на сердца, готовые к ее принятию. Для прочих же сокрылась как бы в ночной тьме и погасла, не оставив следов своего сияния. Мера времени, отделяющая нас от сего явления правды, столь кратка, что еще не исцелились раны соотечественников, еще не умолкли голоса свидетелей гнева Божия, поразившего полчища вражий. Мы должны бы еще трепетать о судьбах вечных, в наши времена потрясших вселенную. Но от этой страшной правды мы хладнокровно переходим к неправдам нашим, как будто небо, поразившее врагов, с нами примирилось и уже не оскорбляется нашими неправдами. Поэтому кто, истинно преданный монарху, не прольет молений: «Да воссияет в днях Его правда» во всех сынах России!

Рукою монарха дарован мир Отечеству. Праведно! Он до сих пор не имеет покоя для успокоения нашего. Подъемлет все труды путешествия, всю тяжесть умов разномыслящих, чтобы приобрести нам множество мира.

Но мир царственный не может иметь большей силы и лучшего жребия, нежели мир Божий.

Раздаятелем сего возведено: «Если дом будет достоин» мира, который вы даете, мир «ваш придет на него; если же не будет достоин, то ваш к вам возвратится» ([Мф.10:13](#)). От престола царского мир исходит на каждого россиянина, во все пределы Отечества, но везде ли и на всех ли почивает он? Не возвращается ли снова к престолу от тех людей и селений, которые непрестанно мнутя своими неправдами? И какой мир может почивать там, где нечестие, как море, по Писанию, «взволнованное и не может успокоиться» ([Ис.57:20](#))? Или там, где роскошь и корысть, как голодные львы, с равным усилием ищут добыч своих? Где гордость и зависть, как раздраженные исполины, не терпя соперничества, подавляют все, им сопротивляющееся? Где ложь и суеверие, как тайные язвы, свирепствуют в сердцах и умах? Если бы среди таких настроений слышны были непрестанные восклицания: «мир! мир!» ([Иер.6:14](#)), и тогда бы не было мира, так как неправдами приготавливается «внезапная пагуба» ([1Сол.5:3](#)). Без сомнения, слушатели, мы не желаем, чтобы под кровом общественной тишины продолжалось волнение умов и сердец, но желания наши устремлены к тому, чтобы с царственным миром умирились все вражды и несогласия, чтобы всюду умолкли плач, вопли и пререкания, словом, чтобы «мир Божий» почил в умах и сердцах наших.

Таким образом, желания мира ведут нас к свету, который издалека видел пророк, к тому, чтобы «возсияла правда» в нас, поскольку правдою только приобретается множество мира. «Дела правды — мир, правосудия — спокойствие и безопасность» ([Ис.32:17](#)). Чтобы тщетное ожидание мира от неправд наших, или ожидание беспечное от некоторого насилия к миру, не увлекли нас к большим неправдам и не низвели в глубину бедствий, да ведаем, слушатели, что правда каждого человека дарует мир внутренний, примиряя его с самим собою. Дарует мир внешний, примиряя с ближними и Отечеством, наконец, дарует мир с Богом, привлекая на себя правду Божию. Правда примиряет человека с самим собою. Может быть, мы не видим нужды в таком примирении, но потому, что живем вне себя, в предметах, нас окружающих. Или потому, что последняя искра небесного света, которая, иногда загораясь, сжигала нас изнутри, терзала душу, подавляемая множеством преступлений, погасла и оставила в душе одну тьму, все истинное скрывающую от взоров наших. И тот, кто ощущал «тело свое храмом живущего Бога» ([2Кор. 12:16](#)), и тот видел в себе «противостояние плоти, воюющей на дух» ([Гал.5:17](#)). И богодухновенный царь, обращая некогда слух к себе самому, слышал внутренний мятеж, сокрушающий даже кости его: «Нет мира в костях моих»,— восклицал он,— «от лица грехов моих» ([Пс.37:4](#)). Если мы, живущие по плоти, не замечаем никакого борения внутри себя, то уже не совершилось ли в нас всегубительство — истребление самого желания сопротивляться беззаконию, так как пределом гибели Писание полагает «глубину зол, низшедши» в которую, «грешник», вместо упокоения, впадает в нерадение о спасении. Но и сей беспечный грешник, пока имеет плоть, попечениями о ней возмущается, и возмущает всех. Он в самом бедствии тяготит общество, подобно камню, когда же действует, подавляет его. Или от сопротивления возгорается в нем, как огонь в сухой траве, и всеми силами губительного духа разжигает несогласия, распри и мятежи. Столь убийственные плоды приносит беззаконие! Напротив, хождение в законе, которое есть правда наша, начинается тишиною и спокойствием, сопровождается радостью и увенчивается множеством мира. Закон Господень есть закон покоя, поскольку силою его погашается пламень каждой страсти, снедающей душу, укрощается волнение каждой похоти, возмущающей сердце, удерживается стремление каждой мысли, удаляющейся от истины. Господь наш есть «Бог мира» и покоя, «Сам есть мир» ([Ефес.2:9](#)) и покой вечный. Может ли что исходить от Него для нас, кроме научения, побуждения и средств к покою? Державный пророк, уже просивший некогда «воздаяния по правде своей», впрочем, многократно возвращался к молению об этой правде: «Господи, научи меня правде Твоей; вразуми меня, и испытаю закон Твой» ([Пс.118:34](#)). Не бдительность только от греховного

искушения побуждала его к таким восклицаниям, но и то блаженство, которое находится в испытании и исполнении закона. Испытывающие закон Господень ощущают в нем сладость, бесконечно превышающую всякую «сладость» чувственную — «меда и сома», обретают «благо, вожделеннее золота, серебра и многоценного камня» ([Пс.18:11-12](#)) и драгоценнее, нежели весь мир. Сердце наше, когда проникает в него закон Господень, исполняется радостью. Не потому ли, что тогда встречается «правда Божия» с правдою, в нас возникающей, снова пишется закон, «начертанный», но потом изглаженный «на плотяных скрижалях» ([2Кор. 3:4](#)) сердец наших. Правда от Бога и правда от нас производят то, что в глубине сердца совершается тайное лобзание вечного мира, воссоздается разрушенная скиния — жилище и престол Божий. Какое «радование» ([Пс.118:64](#)) и какой мир сердца, когда в нем утверждается сам престол мира — Божие царство! От этого небесного, впрочем, внутри нас утверждаемого престола исходит веселие, умиротворяющее все существо человека, разум с волею, волю с деяниями, дух с телом. И не ограничивается только внутренним примирением, но распространяется на все внешние действия. Наполненный такой радостью, по описанию испытывавшего ее, «благодать имеет в устах; покой на лице; безопасно пойдет по пути; если сядет, не будет бояться; когда уснет, сон будет приятен; не убоится внезапного страха и пагубы от нечестивых» ([Прит.3:23-24](#)). Таким образом, не «пища или питье» ([Рим. 14:17](#)), не веселие чувств и плоти, не слава и богатство, но правда наша, управляемая законом Божиим, производит мир внутренний и радость неотъемлемую. Правда дарует мир внешний. Если бы мы могли иметь покой внутренний, ничто бы видимое не могло нарушить его. Когда сияет правда, при свете ее можно видеть, что нарушители и враги покоя нашего лишь орудия невидимой ими руки, подающей нам скорби для возвышения или только восстановления покоя нашего, и что они в поисках своего покоя увлекаются суетою, достойной сожаления, а не гнева и мести. При свете правды открывается и то, что время и место рождения нашего не нами избраны, но по сокровенным судьбам дарованы свыше, и что в них, хотя бы возлагались на нас неудобноносимые тяжести, содержатся все блага, которые только можем приобрести. Тот, чьи взоры так просвещаются, видит, что всякий жребий, вручаемый отечеством, тайно определяется Небом, и весь круг действий, извне касающихся его, чертится и измеряется Измеряющим пути каждой твари. Отсюда не только укрепляется, но и освящается союз с Отечеством. Не страх суда и законов, но верность и любовь соблюдают и возвышают его. Правда, сияя в праведнике, не ограничивается им одним. Мир, в котором почивает он, как сияние света, разливается столь далеко, что взор чувственный не может видеть границ его. Впрочем, если бы нужно было положить известную Мэру благ мира, которые праведный творит для Других, надлежало бы расширить ее дальше земли, поскольку он, минуя все земное, «просвещает путь на небо» ([Прит.9:15](#)), пространнее всего времени, поскольку вечные блага подает душам бессмертным. Больше всякого числа, поскольку он есть сосуд, через который щедроты Божий изливаются на землю, превыше всякой меры, поскольку правда, от него исходящая, «может все» ([Мф.21:22](#)). «Господь будет упованием во всех путях его» ([Прит.3:26](#)). Не на это ли величие праведника указывает премудрый, запрещая веселиться о множестве сынов нечестивых: «лучше один праведник, чем тысяча грешников» ([Сир.16:3](#))? Правда одного устраивает город. Какой обильный мир и какое вожделенное благоденствие может быть там, где умножаются праведные? Впрочем, если бы возрастало между ними хотя бы не число праведных, но число правд, мы вкусили бы многие плоды мира. Отложите одну неправду в приобретении корысти — сколько умолкнет жалоб и оскорблений, воплей и стенаний, распрей и клевет, возбуждаемых лишением и приобретением корысти? Или пусть пресечется одно неправедное ее употребление, сокрушающее дух и тело — не процветет ли тогда обилие в домах наших и вокруг нас. Не водворится ли тишина на рынках и площадях, не пресечется ли само желание, непрестанно алчущее умножения корысти? И сколько бы тогда

успокоилось рук, трудящихся день и ночь для удовлетворения пагубных похотей! Но не в делах только, правда и в слове утверждает тишину и спокойствие. Там, где ни одно слово гнилое не исходит из уст — не слышится язык льстивый, поучающий и поучающийся неправде, не открываются уста для злословия и смеха, изгоняются клевета и лжесвидетельство, умолкают пререкания и проклятия. И кто исчислит все плоды одной правды в слове, когда ею приобретается мир с дальними и ближними, мир на распутьях и в судах, между продающим и покупающим, между рабами и владыками?! Правда дарует мир с Богом. Чудно и, по-видимому, невозможно, чтобы человек, будучи столь слаб и ничтожен, восставал на Господа неба и земли. Но, если всякая неправда человеческая в основании своем есть вражда на Бога, если всякое беззаконие есть сопротивление закону Божию, то как мало найдется среди нас искренних Божиих! Мы иногда гневаемся на неправду, вооружаемся на нее мщением, когда замечаем в других, но в себе самих любим ее. В делах наших находится свидетельство того, что внемлем и повинемся «вечной лжи» ([Ин. 8:45](#)), которая «день и ночь клеветет на Бога» ([Апок.12:10](#)), увлекая нас к богам бесчисленным. Клеветет на провидение, удаляя его от нас так, что оставляет место нашему самовластительству. Клеветет на всеведение, ограничивая его временем, местом, известными предметами, чтобы удалить от него сердца наши. На милосердие, покрывая им все злодеяния, хотя бы мы в том не содействовали. Клеветет и на правосудие, сокращая его милосердием или поражая им До отчаяния. Оставленные в руках произволения нашего, пока силой воли не расторгнем любимого союза с неправдами, до тех пор мы не ожидаем мира от Господа, поскольку охотно враждуем на Него, но Господь ожидает нашего с Ним примирения. Порфиноносный пророк, размышляя некогда об этом примирении и ставя себя на месте нашем, как бы так вопрошал Бога: Господи! Если Твой мир не предварит нас, кто может так примириться с Тобою, чтобы дерзнуть приступить к Тебе, огню поедающему ([Евр.12:29](#)), и так очиститься, чтобы мог «обитать» ([Пс.14:1](#)) там, где Ты обитаешь, или «вселиться в святую гору Твою», где Ты один неприступный? Но слыша говорящего в нем Духа, отвечает: «ходи непорочен и делай правду, говори истину в сердце своем» ([Пс.14:2](#)) и на земле обитает с Богом, т. е. «миру Божию нет предела» ([Ис.9:7](#)). Он касается и тебя, кто бы ты ни был, только ты не возмущай его, не сопротивляйся ему пороками. «Ходи непорочен» — нет нужды, что всякая правда твоя, и седмирицею очищенная, перед лицом Божиим есть смрад и нечистота, только «ты делай ее»: Господь ведает, как очистить твое нечистое и «убелить твое багряное» ([Ис.1:18](#)). Обращаешь ли слух к истине, обращай так, чтобы она касалась глубины сердца и никогда не умолкала в нем своею силою и властью: говори истину в сердце. Путь, дела и слова праведные примиряют тебя с Тем, Который Сам нарицается «праведным, любит правду» ([Пс.10:7](#)).

Истина Божия, руководя на пути правды, охраняет его так, что упование на милосердие Божие, чтобы соблюсти меру покоя, от него исходящего, растворяет страхом правосудия. Сей страх, низводящий до унижения любовью к бесконечной благодати, саму же любовь беспредельную и нескончаемую растворяет внутренней кротостью. Не тогда ли, как все это исполнится, приходит время, когда правда человеческая низводит на себя «мир Божий, который превыше всякого ума» ([Флп.4:7](#)) и составляет одно с правдою Божиею? Но, Господи! «Кто знает силу гнева Твоего» ([Пс.89:11](#)), и кто может узнать число и назначить время щедрот, подаваемых Твоею Десницею? Мы знаем только то, что «велик мир у любящих закон Твой» ([Пс.118:165](#)). Устами первого законодателя возбуждая к правде, вечный Законодавец говорит нам: «слушайте голоса Господа Бога вашего, тщательно исполняйте все заповеди Его: придут на вас все благословения сии: Благословен ты в городе, и благословен на поле, благословен плод чрева твоего, и плод земли твоей, и плод стада твоего и плод овец твоих. Благословенны житницы твои и кладовые твои. Благословен ты при входе твоём и благословен ты при выходе твоём»

[\(Втор. 28:1-6\)](#).

Если не беспредельная любовь, явленная нам в Единородном Сыне Божиим, если не вечные обеты, возвещаемые Евангелием, и милосердие, до сих пор терпящее неправды наши, по крайней мере, эти «благословения» да направят стопы наши на путь правый. Не множеством желаний и не молитвою уст, но правдою нашею, слушатели, исполнится радость этого дня, веселие отечества и монарха: воссияет в днях Его правда наша. Тогда внутри нас, над нами, во всех пределах России и вокруг почиет множество мира. Аминь.

Произнесено 12 марта 1815 года

Мир внешний утверждён внутренним, мир человеческий — Божиим, и земные царства посвящены единственно Царству Божию

«Господне есть царство, и Он обладает народами». ([Пс.21:29](#))

Царь неба и земли, не имеющий никаких границ, в такой близости к Себе поставил землю, что имеет ее «подножием ног Своих» ([Ис.66:1](#)). Если этой близостию земли хотя бы немного можно измерять ее зависимость, то создание и крушение престолов земных, восстание и падение царств, бытие и небытие великих народов столько же во власти Вседержителя, сколько прах, лежащий на подножии, или насекомые, «пресмыкающиеся» ([Быт.1:30](#)) по нему, во власти стоящего на подножии. «Не сказано ли вам от начала» ([Ис.40:22-23](#)),— обличал Израиля посланник вседержавного Царя,— «разве не слышали, не разумели, что Восседающий над кругом земли содержит живущих на ней, как саранчу; дает князей и обращает их в ничто, и судей земли делает ничем?» Впрочем, Этот же всеильный и великий Господь от Престола Своего на небесах иногда столько приклоняется к подножию, что Сам «вселяется» ([2Кор. 6:16](#)) среди людей со всею благостию; «укрепляет» ([2 Петр. 1:3](#)) их «всей Божественной силой» ([Ис.42:8](#)); и, не давая никому Своей славы, венчает их «великой славою» ([Пс.20:6](#)); так что их «ужасаются цари и народы» ([Ис.41:2, 5](#)), боятся сильные, надеющиеся на себя, и «посрамятся препирающиеся с тобой» ([Ис.41:11](#)). Благочестивейший монарх России видел тайну этого величия, перед которым исчезает всякое величие человеческое, и испытал то, как может «царь пойти перед людьми» своими, «а во главе Господь» ([Мих.2:13](#)) невидимым «вождем их». Он, преклоняя оружие, сердца и колена людей своих перед вождем Богом, и особенно преклоняя пред Ним свой скипетр и всего себя, среди войн почивал в уповании на всеильную помощь и мир. Глубокое смирение духа его открывалось во внешних действиях тогда, когда монарх со всем воинством опускался на землю в молении ко Господу, венчающему оружие благоволением, взоры и сердца зрителей обращались к Тому же Господу и к смирению, земные цари и владыки втайне поучались сей небесной мудрости, и многие ясно ей последовали. Мы, слушатели, очевидные свидетели оногo царственного смирения пред Богом, многократно в сем самом храме явленного. Все россияне слышали, по крайней мере, то, как кроткий Государь, дабы предварить и заглушить славу человеческую о себе, сам проповедал славу Божию и в успехах оружия, и в приобретении мира. Такое благо России тем более возвышается, что он, для распространения славы Божией в настоящие и грядущие времена приступил к тому священному союзу, в котором соединяются не столько престолы и царства, сколько сердца любовью Христовою, которым, вместо мудрости человеческой, богатой хитрыми вымыслами, но скудной в средствах к истинному благоденствию, избрана мудрость Божия и Евангелие поставлено Законом всех законов. Таким образом, мир внешний утверждён внутренним, мир человеческий — Божиим, и земные царства посвящены единственно Царству Божию. Видите, слушатели, в основание престола царя и нашего благоденствия полагаются не дела рук и умов человеческих, не силы оружия и народа, и не суетная слава, но Божие царство, Божия сила и Божия слава. Этой державной мудрости мы не удивляться должны, но поучаться и содействовать. Она не есть новое изобретение человеческого ума, но истина древняя и вечная: «Твое», Господи, «царство и сила и слава во веки» ([Мф. 6:13](#)). «Царство Божие» есть «праведность и мир и радость о Святом Духе» ([Рим.14:17](#))- так сокращает Апостол бесчисленные блага царства Божия в человеке. Когда и кто не желал, чтобы правда сияла окрест престола царя и оттуда освещала все пределы отечества? Чтобы царствовала в суде и в торговле, управляла пером и оружием, и во всей силе

открывалась в храмах Божиих? Но кто находил ее в людях неправедных, будучи сам неправеден? Ища правды в других и измеряя ее собою, мы почти всех осуждаем, равно и сами от всех достойны осуждения в неправде. Доколе сердце наше, само собою рождающее только ложь, не сокрушится до основания, и древнее семя греха, плодоносящее в нас, не будет отринуто и подавлено силою Креста Христова, до тех пор всякая правда наша нечиста по мере греховной нечистоты в сердце, непостоянна по мере непостоянных желаний, и всегда возмутительна по мере страстей, в нас мятущихся.

Единая правда Божия в человеке, подаваемая ему из небесного Царствия, «чиста и наполнена добрых плодов» ([Иак.3:17](#)). Она, слагаясь из истины и любви, силою Духа Божия, по внутреннему человеку «возрастает в святой храм» ([Еф.2:21](#)), во внешних же действиях принимает столь многие образы, сколь многообразны пути человеческой жизни, на которых она является. Когда находим ее в судье, есть правосудие, не взирающее на лица, в виновном — признание без обмана, в воине — мужество, не щадящее своей крови; в торговце — бескорыстие и праводушие, во владыке — отеческая снисходительность, в рабах — повиновение за совесть, в страждущих — терпение без ропота, в сиротах — великодушие с довольством. Правда Божия в человеке есть Божие царство. Этой правдой, когда одушевляются многие члены общества, тогда истинный мир утверждается в них и ею одною сохраняется в большей безопасности от нарушения, чем всякой человеческою стражею, чем всеми законами. Мир истинный есть союз любви, соединяющий человека с Богом, потом человека со всеми людьми, и, когда «возможно, — с врагами» ([Рим.12:18](#)). «Любовь Божия, излившаяся в сердца» ([Рим. 5:5](#)) столько укрепляет их, что никакая скорбь не нарушает их покоя, никакая теснота не сжимает, никакое гонение не разделяет, никакая сила оружия и времени не прекращает их союза, который, утверждаясь во Иисусе Христе, простирается далее всех времен, не ограничивается ничем настоящим, ничем будущим, ни смертью, ни вечностью. «Бог есть мир наш» ([Еф.2:14](#)). По мере того, как умножается обилие мира, возрастает духовная радость. Ею исполненный пророк ощущал такое довольство, что ничего не желал на земле, и даже на небе; «что мне есть на небе» ([Пс.122:25](#)), восклицал он, «и от Тебе, что восхотел на земле?» Апостол учил верующих «всегда» ([1 Сол.5:16](#)) иметь ее, и сам в темнице, в узах и «в страданиях радовался» ([Кол.1:24](#)). Как ни скрыта от нас радость сынов Божиих, как ни удалена от сердец наших, радующихся только суетности, впрочем, и мы можем гадать о ее величии потому, что она есть «от Бога, перед Богом, во Христе, о Духе Святом» ([2 Кор.2:17](#)). «Царство Божие есть правда и мир и радость о Духе Святом».

Престолы земные, если не на этом основании утверждаются, то колеблются на неправдах человеческих. Вместо мира имеют ту опасную тишину, под кровом которой непрестанно мнутятся умы и сердца народа и, вместо истинной радости, властители и подвластные на время забываются в шуме веселящихся и в чувственных удовольствиях, но когда истины царствия Божия умаляются от сынов человеческих, когда оскудевают преподобные на земле,— «спаси меня, Господи» ([Пс.11:2](#)), восклицал заметивший это царь Израилев, тогда Господь воцаряется гневом Своим и являет его, «посылая на землю скудость и голод, или зной и стужу, или меч и опустошение, или неистовство и исступление ума» ([Втор. 28:20-22](#)). Тогда и огонь, вооружаясь неизвестною силою, все поедает; и воздух душит, и ветер приносит болезни, и вода топит. Тогда, если милосердие Божие не откладывает до времени «чашу гнева» ([Пс.74:9](#)), все твари посылаются ангелами гнева Божия как мстители за неправды человеческие. О! Кто из нас, слушатели, всех сил души и всего сердца не изольет перед Господом, да придет царствие благодати Его на царство России. Да воцарятся в нас правда и мир и радость о Нем одном, ибо Господне есть царство.

Земные царства, в то же время как создаются на благодатном царствии, укрепляются

Божию силою. Царство и сила в мире духовном так же нераздельно соединены, как солнце и свет в мире видимом; они и в устах Бога Слова не разделяются: ибо Твое есть,— говорит Он,— Царство и сила. Царь Израилев, испытавший немощь сил своих, все благо царя полагал в силе Божией: «Господи, силой Твоей возвеселится царь» ([Пс.20:2](#)), и когда обращался к народу, учил его укрепляться этой же силой: «положите сердца ваши в силу Его» ([Пс.47:14](#)). Сила царя, как человека, и силы каждого человека, если рассматривать их в порядке естества, малы и ничтожны. Они даются скудною мерою и на краткое время, притом скорее истощаются, нежели возобновляются. Ослабевают одинаково от напряжения, как и от бездействия, пресекаются так же насилием, как и своевољством, внезапностью и самой природой.

Сильные земли мечтают иногда утвердить свое могущество естественными силами, и для того распространяют границы страны своей, увеличивают число народа и воинства, собирают дерево и камни, золото и железо. Напрягают все силы умов и все силы рук к художествам, к просвещению, к мужеству, примером и советами, благоволением и угрозами, искренностью и притворством, законом и наказаниями, стражей и силой. Но что создают они такими средствами и силами, не полагая Бога помощником себе, если не суету величия в царствах человеческих, которое называет премудрый только «крушением духа» ([Екк.2. 11](#)), и если не крамолу в царстве Бога Вседержителя, в руке Которого все силы творений видимых и невидимых? И до каких пор покоряют они суете своей землю и все владения? Пока,— отвечает Апостол,— «долготерпит о них Господь» ([2Пет. 3:9](#)). Когда же только «отвратит от них лицо — мнутяся, отнимет дух их — исчезнут» ([Пс.103:29](#)) и владыки и все владения. «Но да не хвалятся сильные своей силой» ([1Цар. 2 10](#)) и в то время как, по-видимому, медлит на них суд Господень, но втайне, в самих успехах неправды их, творится и, по словам провидевшего их судьбы: «еще немного, и не станет нечестивого, посмотришь на его место, и нет его» ([Пс. 36:10](#)). «Страшен Господь, Он укрощает дух князей» ([Пс.75:13](#)) и сильных земли, но также щедр и милостив, даруя божественные силы царям и народам, на Него уповающим. Царь, устами и сердцем исповедывающий себя только орудием невидимой руки Бога-Царя, и народ, полагающий все упование на единого «Бога» всякой «немощи» ([Пс.60:18](#)), имеют истинное могущество и неотъемлемое блаженство. Они, обретая «Бога крепкого посреди себя» ([Пс.65:6](#)), и тогда, как «мнутяся» сильные «племена, уклоняются» великие «царствия, не подвижутся». Если терпят от сынов чужих, тайно протягивающих руки на хищение, успокаиваются в Боге Судье, «дающем отмщения вскоре». Не страшатся неожиданных нападений, имея «хранителем» Бога, Который не «воздремлет, ни уснет» ([Пс.120:4](#)). Не оскудевают в видимых благах, надеясь на Господа, «богатого в милостях», Который «раскрывает сокровища невидимые и сокровенные» ([Ис.65:3](#)). Если же лишаются создателей внешнего благоденствия, Господь возводит им «судью, и смотрителя, и старца, и дивного советника, и премудрого начальника» ([Ис.3:2](#)). Если исходят на брань, «Господь браней» управляет их оружием, рукой крепкой прокладывает им пути и против всех усилий «препоясует Своей силой. Какой народ» ([Пс.42:33](#)),— восклицал вождь Израиля, руководимого Богом,— есть ли какой великий народ, к которому боги его были стол близки, как близок к нам Господь Бог наш» ([Втор. 4:7](#)) среди мира и войн, «когда не призовем Его?» Нет, подлинно, величественнее и сильнее народа, кроме того, которому Всесильный Бог — прибежище и сила, и который Богу есть орудие, являющее на земле Его величие и славу. «Господне есть царство и сила и слава». Трудно удерживать сердца людей в пределах такого смирения, чтобы не возмечтали о своем могуществе в то время, когда Господь являет ими Свою силу другим народам. Впрочем, необходимо, как потому, что может быть одно только естественное направление сил, Богом подаваемых, — направление к славе Подателя, так и потому, что закон истины неприменен, по которому Царь славы принимает Себе Одному славу от всего мира и «прославляет» только «прославляющих Его» ([1Цар. 2:30](#)). Человеческая

дерзость, по большей части устремляется на то, что из своего могущества создает себе кумира и, жертвуя ему всем, что имеет в руках своих, от прочих ожидает или требует, как фимиама, похвал и славы. Но Господь, «не дающий славы Своей иному» богу, рано или поздно сокрушает всякий кумир и ему поклоняющихся: «рассеял надменных помышлениями сердца их; низложил сильных с престолов» ([Лук. 1:52](#)), надмевающихся своей силою. Всякий царь, возвышающий себя, как царь Вавилонский, который мечтал «взойти на небо выше звезд, и быть подобным Всевышнему» ([Ис.14:13](#)), одинаковой с царем Вавилонским должен ожидать участи: «низвержен будешь в ад» ([Ис.14:15](#)), и всякий народ, который одной рукой приемлет щедроты Божий, другою создает идолов, уничтожающих славу «Щедродателя», столь же скоро и неожиданно поражается гневом Божиим, как народ Израильский. «Еще пища», которую послал Господь в земле необитаемой, «была в устах их» (израильтян) ([Пс.77:30](#)), гнев Божий взошел на них и убил многих, за неверие — за то, что «сердце их было неправо с Ним» ([Пс.77:31, 37](#)). Никакой человек по природе своей, без сомнения, не превышает Давида, царя Израилева. Но сей, обращаясь некогда к самому себе, в признании не достаивал себя и имени человека: я — «червь, а не человек» ([Пс.21:7](#)), или не превышает Авраама, отца верующих, который, впрочем, взирая на себя перед Господом, видел в себе только землю и пепел: «я решился говорить Владыке: я прах и пепел» ([Быт.18:27](#)). По этому описанию человеческого величия, как никакая слава собственно не принадлежит никому из людей, так, если кто возвышается, вся слава принадлежит одному Богу. Блажен тот человек, тот царь и народ, которые, уничижаясь в себе, не унижают славы Божией. Они, «смирившись под крепкую руку Божию» ([1Пет.5:6](#)), когда ее благословляют, ею взаимно благословляются. Обо всем воздавая славу Богу, от Него приемлют славу, во всем столь высокую, сколь глубоко их смирение. Царь славы, неистощимый в средствах к славе имени Своего на земле, дарует их в избытке, как только обретает достойных приятя. Иногда облачает Царя мудростию, как Соломона. Иногда — силою и мужеством, как юного Давида. Иногда — силою чудес и знамений, как Моисея. Иногда побеждает пред ним врагов рукою невидимою, как пред Иисусом — вождем Израиля, или оружием дарует силу, как оружием Гедеонову, или укрепляет союзом с другими народами, как Ездру. Но кто из нас, слушатели, не был свидетелем славы Божией, в недавнее время явившейся над царем, оружием и народом отечества нашего? И кто не научился из этого великого опыта, что вся «слава не нам», не человеку, но «имени Божию» ([Пс.108:9](#)).

В сей день, слушатели, когда мы благословляем Бога, благословляющего и укрепляющего престол монарха, особенно тем желанием сердца Его, чтобы утвердить и распространить в нас царство Божие, церковь, ненамеренно, впрочем, разве по намерению Промысла, поставляет перед нами крест, который есть единственное средство к приобретению и распространению царствия Божия. Он есть и оружие правды, как потому, что на нем пригвождены все неправды человеческие, так и потому, что нам свои неправды к нему же пригвоздить должно. Крест есть и оружие мира, который Иисусом Христом через него дарован нам от Бога, и который нами через него же приобретается с Богом. Он есть и оружие силы, поскольку «сила Божия» только «в немощи совершается» ([2Кор. 12:9](#)), только тогда, когда крест истощит все наши силы. Он, наконец, есть и оружие славы; от него и на нем сияет слава Иисуса Христа, слава Церкви, слава царей и царств земных. Возносись, Господи, силою Креста Твоего над нами и в нас, да не дерзаем ничему присваивать и даровать славу, и ни о чем «хвалиться, разве только крестом Господа» ([Гал.6:14](#)). Полагай его на плечи и особенно на сердца всех россиян, «ибо Твое есть царство и сила и слава во веки». Аминь.

Произнесено 12 марта 1816 года

«Блажен народ, у которого Господь есть Бог его!»

«Блажен народ, у которого есть Господь Бог, — люди, которых избрал в наследие Себе» .
([Пс.32:12](#))

Царь Израилев от беспредельной «бездны богатства, премудрости и разума» ([Рим.11:33](#)), обращая взоры на народ, который силой веры и упования дерзает приближаться к этой глубине и из нее одной черпать все для времени и вечности, уже не измеряет и не исчисляет благ его, но только удивляется ему, восклицая: «Блажен народ, у которого Господь есть Бог его!» Когда народ, отвергая над собою владычество всякой суеты и твари, весь покоряется владычеству Божию и, как на внешнем алтаре Церкви, так и на внутреннем алтаре сердца, непрестанно возносит Господу молитвенный фимиам, тогда приклоняет к себе небо со всеми его силами и благами, потому что все силы и блага свои Ему посвящает. «Отец светов», от Которого «всякий дар совершенный исходит» ([Иак.1:17](#)) на землю, столько приклоняется к искреннему стремлению народной воли, что за ее покорность Сам покоряется ей, удостоверяя, иногда предваряя ее во всяком требовании. За ее молитвенные восхождения в простоте и уничижении, Сам нисходит к ней всемогущою силою и славою, и таким образом народ этот избирает в Свое достояние: «Блаженны люди, которых избрал в наследие Себе».

Если бы воля всех россиян была едина с волею монарха, то мы, слушатели, уже не имели бы другого Владыки и другого Бога над духом нашим, кроме Господа Иисуса Христа. В священных обязанностях священного союза, которые принял на себя благочестивейший Государь наш, он возлагает на всю Россию и на каждого из нас не что иное, как Христово «благое иго» ([Мф. 11:30](#)), как преданность и любовь к Царю царей в мире и любви со всеми царями и народами? «Положивши сердце свое в силу Божию» ([Пс.47:14](#)), снизойдя духом своим на ту степень смирения, где дух человеческий окончательно приходит в единение с Духом Господним, Государь желаниями сердца и силою духа уже не может не увлечь за собою душ и сердца наших. Хотя мы не всегда слышим и разумеем, он всегда во гласе повелений и советов, в кротком суде и богатой милости внушает повиновение Господу. Между тем, как иные сильные земли сомневаются подвинуть перст на дело Божие, Господь отверзает руку щедрот для удовлетворения спасительному голоду и жажде Слова Божия, и во славу Иисуса Христа на земле не щадит ничего земного. Раскроем более тайну царских советов о благе отечества. Они — часть предвечного совета о каждом человеке. Царь наш во глубине сердца своего положил неперменное желание, чтобы в царстве его царствовал Иисус Христос. То есть, поскольку все царство слагается из закона, правления по закону и повиновения, то он хочет, чтобы Дух Христов одушевлял и закон, и правление, и повиновение. Столь великое желание монарха давно было в желаниях и молитвах Церкви. Ныне да будет оно желанием каждого из нас и предметом нашего размышления!

Закон общественный в мыслях законодателя и в желаниях народа есть путь, ведущий к благоденствию. Путь, ограждаемый более силою своей истины, чем строгостью суда и наказаниями, ускоряемый не столько обещанием наград, сколько внутренним достоинством. Такой закон должен быть зеркалом, для всех одинаково правильным, чтобы, в случае пристрастия судии, можно было искать беспристрастия в законе. Должен быть как для исполнителя, так и для самого законодателя ясным, чтобы разум закона был разумом всего народа. Должен быть хотя бременем, но удобным и легким, ибо в повиновении закону обыкновенно ищут облегчения, а не новой тяжести. Наконец, должен покорять волю всех — в противном случае все будут покорять его своей воле. Очищайте и возвышайте, сколько можно, человеческий разум для изобретения такого закона. Открывайте ему все тайны правления,

сердце и обычаев народных. Поощряйте, усиливайте, какими можете, пособиями и наградами: он составит только искусное произведение, но бесполезное для народа — напишет мысли, возбужденные различными предметами закона, а не закон для истинного благоденствия. Изложит свои слабости и, может быть, пороки, а не правила для жизни. Никакой разум человеческий не может превзойти своего предела, положенного собственным его повреждением и небесной истиной: «ходит во тьме» ([1 Ин. 2:11](#)), удаляясь света ([Ин. 3:20](#)); быть «всяческою суетою» ([Пс. 38:6](#)), «исполняя желания плоти и помыслов» ([Ефес. 2:3](#)) «не покоряться истине» ([Гал. 3:1](#)). Такой разум на время может только ослепить народ, а не покорить своему закону, ибо сердца человеческие недолго покоряются чуждому заблуждению. Он, если захочет дать ясность прежним законам, положит только новые преткновения, раскроет новые сети для уловления невинных. Если пожелает облегчить древние тяжести новым постановлением, то обновит только обветшавшие оковы, или освободит от них, чтобы после составить более тяжелые. Законы человеческие всегда нужно будет объяснять, изменять, сокращать, дополнять, по свойству времени, обычаев и страстей — пока не восполнит их «закон Духа жизни во Христе Иисусе» ([Рим. 8:2](#)). В Нем едином успокаивается бессмертный дух человеческий, не находя полнее блага ни в каких наградах и обещаниях, кроме блага вечного. Совершеннее и возделеннее права, кроме права на царство Божие. Тогда как закон Христов полагается в основание человеческого закона, всякая заповедь его светла, даже и для тех, кто на пути к просвещению во тьме ходит, или кто мало видит, мало слышит и еще менее понимает, ибо «заповедь Господня светлая, просвещающая» и помраченные «очи, умудряющая и младенцев» ([Пс. 18:9](#)). Никакое бремя тогда не тяжело для народа, когда оно утверждается на бремени Христовом, поскольку облегчается упованием всесильной помощи. Весь закон общественный, когда одушевляется силою Духа Христова, сокращается до одной заповеди любви, ничем не обременяющейся, не побеждаемой, но «все преодолевающей» ([Рим. 8:37](#)). Отпечатывается глубже, нежели как может мечтать человек, близ самого закона Божия, «на скрижалях плотных сердца нашего» ([2Кор. 3:3](#)), так что «сопротивление» этому закону будет уже «противлением Божьему установлению» ([Рим. 13:2](#)). Впрочем, и мудрые и божественные законы ослабевают, когда усиливаются страсти и когда стражи законов стерегут не столько их целостность, сколько свое спокойствие. Малая небрежность законоблюстителя есть уже такое преступление, за которым следует бездействие всех законов, по крайней мере, там, где умеют замечать его слабости. Народ обыкновенно меньше обращает внимания на законы, чем на законоблюстителей и, из их рук ожидая своего жребия, забывает о законах. Царь, вверяя им стражу законов, так опирается на них, что от одного непостоянства их может поколебаться престол его и нарушиться общественное спокойствие. Сверх того, поскольку чрез их уста исходит воля царская к народу; равно желания или моления народные восходят к царю, то всякая их слабость, а тем более страсть, в которую облачают чужую волю, каждое неуместное их слово есть или скорбь для царя, или тяжесть для народа, иногда гибель для многих семейств и многолетнее бедствие для целого сословия. Обязанности законоблюстителей сколько опасны, столько же обширны и тягостны. В одно и то же время, когда царь, посылая их к народу, требует верности и беспристрастия, народ ожидает снисхождения и милости, невинные — суда и правды, беззащитные — ходатайства и защищения, богатые — знакомства и дружбы, сильные — взаимной любви и покорности. Исполнение каждой из этих обязанностей имеет свои побуждения — чтоб не изменить царю и отечеству, не стеснить своей совести и закона, не нарушить общения и человеколюбия. Но превыше сил человеческих соединить и уравновесить между собою верность к царю с милостью к народу, примирить правду с дружбой, беспристрастие с любовью. Тем более, что страсти, действуя сильнее в законоблюстителе, скрывают его пороки от него самого, и потому «не знает, где споткнется» ([Прит. 4:19](#)). Да

сознаются сильные земли в бессилии поднять всю тяжесть, возлагаемую на них. Тем самым яснее откроется то, что не человеческою мудростью и силой, но «от Господа пути челодеку исправляются» ([Пс.36:23](#)) и страж закона тогда только истинно бодрствует, когда «закон Бога его» исполняется и царствует «в сердце его» ([Пс. 36:31](#)). Носить все немощи немощных и не ослабевать, падать под их тяжестью на высоких ступенях престола и не разбиваться может только тот, чья «воля» и вся жизнь «в законе Господнем» ([Пс.1:2](#)). Он, по словам испытывавшего такие падения, «егда падет, не разобьется: ибо Господь поддерживает его за руку» ([Пс.36:24](#)). Ни на каком пути «не запнутся стопы его, и во время течения не утрудятся» ([Пс.36:31](#)); потому что «сила Божия» ([Прит.4:12](#)), которая подняла на себя греховную тяжесть всего мира, даст ему свою крепость и «премудрость Божию» ([1Кор.1:24](#)), наставит его на пути правые и научит оправданиям своим. Сей законоблюститель совместит все, по-видимому, несовместимые между собою добродетели. Ибо, по внушению Духа Христова, «отвергшись себя» ([Мф.16:24](#)), научившись беспристрастию к себе, соблюдет беспристрастность ко всем. Милость его не нарушит суда и правды, подобно царю-пророку, воспевшему «милость и суд» ([Пс.100:1](#)) перед Царем Богом и — Иисусу Христу, на пути Которого «встречаются милость и истина» ([Пс.84:11](#)), и Который, примилив вечного Судью с вечным Преступником, показывает истинную меру суда без нарушения милости.

Верность к царю уравновесит с милостью к народу. Ибо «Дух Христов» ([Рим.8:9](#)), приведя его ко кресту, вразумит, что последняя, единственная степень верности к царю и народу есть любовь, полагающая за них душу свою. «Сия есть заповедь Моя», — говорит Дух, — «да любите друг друга», тою же мерою, которой «Я возлюбил вас» ([Ин. 15:12](#)). О, воцаряйся, Дух Иисуса Христа, во всех держащих судьбу народную. Озаряй судей и судилища, управляй жезлом и оружием. Пиши нам правду на сильных Твоих. Через них нисходи и в дальнейшие страны — к сердцам нашим, да и мы в них научимся повиноваться Тебе! «Без Меня», говорит Иисус Христос, «не можете делать ничего» ([Ин. 15:5](#)). Без Его содействия и управления как властители не могут управлять, так подвластные — повиноваться. Там нет истинного повиновения, где оно основывается на страхе бесчестия и наказания или на ожидании чести и выгод. Как скоро отдаляются или ослабевают сии побуждения, ослабевает и оканчивается повиновение. Страх бесчестия и наказания, обуздывая страсти, образует рабов и невольников, которые непрестанно ищут себе свободы. Страсти, не терпя долговременного стеснения, наконец, расторгают узы, связывающие их, отвергают иго, тяготящее их, по большей части, с таким напряжением и пагубою, как разрывается огнеметное орудие, когда уступает стремлению сил огненных. «Злодеяние», когда переступит за пределы страха, «ниспровергнет престолы сильных» ([Прем. 5:24](#)). Ожидание чести и выгод приносит почти такие же плоды беззакония, образуя, впрочем, не рабов, а наемников. Если мзда за нарушение закона превысит ту, которой наемник ожидает от исполнения его — то продает закон, отечество и самого себя. «Ахитофел, в числе заговорщиков» ([2Цар.15:31](#)) ожидая большей силы и власти при возмутителе, нежели при законном царе, предался в руки изменнику, предал и царство. Прочие, не заботящиеся о повиновении народному закону, по большей части, хотят, чтобы все им повиновались, а не они — закону. Роскошь не терпит закона, хотя сама почти всем дает свои законы, гордость производит великих или малых самозванцев, корыстолюбие — мятежников.

Народные страсти, подобно волнам великого моря, сами собою непрестанно мечутся, время от времени возрастают и усиливаются и, рано или поздно, будут, наконец, восходить до небес и нисходить до бездн, чтобы «опустошить всю землю» ([Прем. 5:24](#)), если повелевающий ветрам и морю Дух Иисуса Христа не повелит и этому морю умолкнуть и «перестать» ([Мк. 4:39](#)) во внутренней тишине и повиновении. Когда же великое волнение укрощается великими силами, и страсти не погашают, но возбуждают взаимно сами себя, то тем нужнее для нас молить Духа

Христовая, да укротит мысленное море духа нашего. Ведь совесть ([Рим.13:5](#)), которой Апостол повелевает руководствоваться в «повиновении», в нас так же засыпает при шуме страстей, как тело при сладкой музыке; и так же помрачается и слепнет, как слабые наши очи и рассудок ([Тит. 1:15](#)). Тот, кто духом своим истинно молит Духа Христова, непрестанно зрит на великий образ повиновения Его, сияющий в беспредельном образе любви к роду человеческому, день и ночь в благоговейном безмолвии поучается тому, что Иисус Христос «говорит» ([Ин. 12:49](#)) «как» исполняет «волю не Свою, но пославшего Отца» ([Ин.6:38](#)). Как Он, будучи «Царь славы и Господь сил, повинуется» ([Пс.23:10](#)) родителям; нищета и убожество не освобождают Его от повиновения.

«Лисы имеют норы» ([Лк. 2:51](#)), и «птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» ([Мф.8:20](#)),— сознается Он,— однако продолжает терпеть нищету и убожество. Слава и величие не отвлекают Его от предусмотренного повиновения. Когда народ «хочет взять Его и сделать царем» ([Ин. 6:15](#)), Он тайно уклоняется от народа. Родство не освобождает от воли Отчей: Он называет матерью и братьями всех, «кто творит волю Отца Небесного» ([Мф.12:49](#)). Тяжесть креста и страданий возмущает Его душу, однако не прерывает повиновения — и на сию горькую чашу Он просит ([Мф.26:37-42](#)) воли Отца Своего. Бог, наконец, «оставляет Его» ([Мф.27:46](#)): Он и в этот страшный час не оставляет повиновения; но, с последним вздыханием со всецелой преданностью запечатлевает Свое бесконечное повиновение: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» ([Лк. 23:46](#)). Если бы черты Сего великого Образа хотя бы помалу отображались в нас, то одного повиновения довольно было бы для нашего благоденствия. На нем одном, как на краеугольном камне, удержится престол царский и все царство, хотя бы не было никакой другой человеческой подпоры. Оно, укрепляясь силою Иисуса Христа, как всех соединяет между собою, так подвластного с властелином и властелина с царем связует неразрывной любовью, а саму любовь столько возвышает бесстрашием и преданностию, что воцаряется и пребывает в ней «любовь совершенная, Бог всяческих» ([1Ин. 4:16, 18](#)). Некогда, слушатели, «весь народ», пришедший к Иисусу Христу, «искал прикоснуться к Нему, потому что от Него исходила сила» ([Лк.6:19](#)). И мы ныне стоим перед Иисусом Христом. Дух Его среди нас, хотя сокрыт от взоров наших. Поищем и мы средств и сил коснуться Его, если не чувствами, то, по крайней мере, духом нашим. Если не в уединении, по крайней мере, в совокупном молении с церковью: да изойдет сила от Него в наши силы и да исцелит прокаженный дух наш, недуги всех страждущих и недуги всего отечества, какие только найдет, и да воцарится в нас и во всей России, как в Сионе Своем! Аминь.

Произнесено 12 марта 1817 года

**СЛОВО В ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА**

В каких видах открывается гневное посещение Божие на грешных и нечестивых

«Дела рук Божиих истина и суд». ([Пс.110:7](#))

Будучи образом Бога на земле, цари и владыки имеют печатью престолов своих истину. Предержавшая власть ни в чем столько не отличается от рабства и подданности, как судом. Россияне! Любезные соотечественники! Ваше торжественное в этот день веселье истинно. Тезоименитый сегодня Великий Государь Александр Павлович оправдывает его. Скажите, кто из вас не испытал, что рука его пишет истину и уста изрекают суд правый? Любезная кротость и милосердие, сопряженные с судом, не касаются ли вас, как лучи солнца через отдаленное пространство воздуха? Тишина и спокойствие, скипетром Его ограждаемые, не суть ли сладкие плоды, вами вкушаемые, — плоды истины, в сердце государя почивающей? Так! Праведно торжество для благочестивейшего монарха и отца нашего, но истинно ли для всех нас веселие? Ах, слушатели! «Мерзость для царей — дело незаконное» ([Притч. 16:12](#)). Что же они для Царя царствующих? Владыки земные имеют очи не свои, чтобы в отдалении видеть кровь, невинно пролитую. Имеют слух чужой, чтобы слышать мятеж преступника, кроющегося в деревьях и пещерах. Следовательно, если изрекают суд на преступление, то изрекают чисто чужим языком, и как люди, иногда не с точной соразмерностью преступлению. Владыка же небесный — вспомните слова, Давидом произнесенные: «Дела рук Его истина и суд» ([Пс.110 7](#)) — все видит, все знает, все слышит. Не только воздыхания наши, но и намерения, не только настоящее, но и будущее все, как настоящее. Следовательно, каким ополчается мщением, какой готовит гнев, какие изоцряет стрелы на нечестие! Страшно, слушатели, впасть в руки Божий. Не прерывая, впрочем, сегодняшнего веселья, посмотрим, в каких видах открывается гневное посещение Божие на грешных и нечестивых. Прежде было и ныне есть буйство, оправдывающее себя беспредельным милосердием Бога истинного. Медленность и отлагательство воздаяния за злодеяния буйные умы называют законом непреложного милосердия, которое никогда не обратится в строгость правосудия. Но для чего же написано Ангелам Церквей некоторых, прежде бывших: «скоро приду, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься» ([Апок.2:5](#)).

Всякий нарушающий веления Божий здесь слышит определения своей участи. Читающий послания Ангелам Церквей, читает будущую судьбу свою: «скоро приду». Мы, собирающиеся во имя Иисусово, слышим и верим этому. «Се гряду». Шествие Бога гневного различно. Близорукие мудрецы не видят его там, где оно уже свершилось. Упорные сердца, все относя к естественному течению вещей, не замечают его в то самое время, как исполняется. Ожесточенные уверяют себя невозможностью события. Напротив, боящиеся слов Божиих и явно и тайно встречают Бога, грядущего со гневом праведным. «Отец Мой доньше делает, и Я делаю» ([Ин. 5:17](#)), — сказал нам Бог воплотившийся. Что же Он делает? «Дела рук Его», — отвечает Давид, — «истина и суд» ([Пс.110:7](#)). Тот, Кто весь Истина, творит истину, зовет к ней, побуждает, советует, даже просит: «Придите, придите ко Мне все», вместе же с тем судит — и оправдывает или осуждает. Нечестие само в себе носит осуждение. Превращать пользу каждой вещи во зло есть уже совершившееся осуждение над волей разумной. Если мы пищу, вместо подкрепления сил, принимаем до пресыщения или только для лакомства, питье обращаем в пьянство, одежду, вместо прикрытия наготы — в пышность и великолепие, богатство — в знатность и честь, самые силы наши — в обиду и насилие — словом, если употребление каждой вещи извращаем, то, слушатели, это есть уже осуждение Божие в нас. Это горький плод беззакония. Вечный закон нечестия в судьбах непреложных. Подлинно, слушатели, нечестие

само себе есть осуждение. Но что еще? «Вот приду», — Бог говорит устами возлюбленного Своего. Не достаточно того, что беззаконие, как змей, само терзает утробу свою, но полагаются пределы пагубным успехам его, отнимаются средства к усилению. Небо, дающее дождь, земля, дающая плоды, нередко изменяются — и бывает небо как медь и земля как медь — поля не приносят обильной жатвы, источники не дают вдоволь воды, овцы немногплодны. Небо, вместо благорастворения, палит зноем, вместо теплоты — холод или вместо росы — дождь угрожают нам бесплодием. Знаете ли, слушатели, это есть тихое шествие гнева Божия — шествие, нами чувствуемое, даже осязаемое. Предательство и роскошь, соединившись вместе, поглощают потребности житейские. Обман и корыстолюбие возвышают цену каждой вещи, а через то тяготят нуждами, недостатками, питают теснотой семейства и, может быть, целые сословия. Если бы открыть срамоту алчных желаний предательства, показать ненасытность корыстолюбия, то мы увидели бы, что чудовища эти жаждут даже крови нашей, только бы овладеть останками имущества. Сознайтесь, слушатели, не есть ли это гнев правосудия, карающего народ, заблудившийся в путях своих? «Скоро приду — и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься» (Ап.2,5). Мир и спокойствие, как тихие светильники, освещают жизнь нашу. Безопасность возвышает состояние наше даже до славы и величия. Что, если и этот светильник двинется с места своего? Что, если спокойствие возмутят ближние наши, соседи или родные, если его прервут болезни, бедствия и лишение детей, лишение имущества, домов окончит оное? Если неожиданно враг ополчится на нас? Мы должны помнить, слушатели, слова пророка: «вот имя Господа идет издали, горит гнев Его и пламя Его сильно, как огонь поедающий» (Ис.30:27). «Ужас и яма и петля для тебя, житель земли. Тогда побежавший от ужаса упадет в яму; и кто выйдет из ямы, попадет в петлю; ибо окна с небесной высоты растворятся. Земля сокрушится и распадется и оскудеет» (Ис. 24:18), «восплачет земля и не будет ей утешения. Ярость Господня на все народы нечестивые, чтобы погубить их» (Ис. 34:2). Огонь с небес, так, как от руки Илии на посланников Охозии, может пасть на прогневающих Господа. Меч Господень упьется кровью, намочит горы и пожинать будет до скончания. Тогда-то и самые бесчувственные воскликнут, может быть, с Иеремией: «доколе будешь посекать, о меч Господень! доколе ты не успокоишься? возвратись в ножны твои, перестань и успокойся» (Иер.47:6). Слушатели, все это страшное возможно, все случится, если мы из беззакония в беззаконие, из нечестия в нечестие, из пагубной страсти только в еще более пагубную переходить будем, подвинется светильник наш от места своего, если не покаемся. Светильник наш, по-видимому, еще не угасает, хотя, может быть, и движется в спокойствии; свет жизни еще освещает нас; еще есть время; но «вот скоро приду, вот приду как тать ночью» (см. Апок.3:11; 2 Пет. 3:10), — говорит Писание. Скорость исключает всякое замедление. Может быть, все уже совершается над нами. Гнев Божий столько же приходит тайно и нечаянно, как разбойник стремится похитить чужое имущество. Здесь не ожидайте от меня угроз страшного Пришествия в тот великий день, когда откроется суд всей земли — но объявлю только пришествие гнева Божия тайное, скрытое от нас самих и от сынов непокорных.

Гнев Божий, как разбойник, постигнет нас. Тайное посещение Божие на грешников опаснее всех открытых казней, ужаснее самого меча, упивающегося кровью нечестивых. Гнев чувствуемый совершается над человеком, можно сказать, из любви к человеку. «Ибо кого любит Господь, того наказывает» (Прит.3:12), с тем, чтобы когда-нибудь, каким бы то ни было образом пробудить от глубокого усыпления в похотях плотских. Но гнев, не замечаемый самим страдальцем, есть гнев вечный, бьющий и невозвратно сокрушающий человека, как сосуд глиняный — гнев и вместе вечное осуждение. Псаломник вопрошает сам себя: «Чем прогневал нечестивый Бога?» И сам себе отвечает: «Тем, что сказал в сердце своем: Он не възыщет» (Пс.9:34). Как часто мы делаем себя беспечными этой мечтой: «Бог простит мне — либо не

взыщет. Грехи мои не превышают Его милосердия, еще поживу в удовольствии. Еще напитая Плоть мою, еще упокоюсь в моих занятиях. Авось Бог не взыщет, ведь я не один, но много мне подобных, — неужели нас Бог не помилует?» Жалкая мечта, пагубное умствование! Это самое возбуждает ярость Божию — это самое ослепление есть уже начало тайного посещения сынов непокорных. От этой беспечности, от этого ложного успокоения очень близко до нерадения, о коем говорит Премудрый: «грешник, придя во глубину зол, не радит о спасении». Представляйте ему препятствия, открывайте ему суетность его намерений, угрожайте бедствиями, постигающими его,— ничему не внемлет, нерадит обо всем. Для него нет честности и благопристойности, нет добродетели и святости, для него кажется все равно, быть нечестивым или благочестивым, только бы существовать на свете. Часто доброе называет злым, злое же — добрым, свет истинный почитает тьмой, тьму — светом истинным.

Боже мой! Это ужаснейшее, это крайнее Твое наказание — ослепить человека, чтобы, имея очи видеть, не видел, имея уши слышать, не слышал. «Огрубело сердце народа», — вопиет пророк,— «и очи свои сомкнули, и ушами с трудом слышат, да не узрят очами, и не услышат ушами» ([Ис.6:9-10](#)), «по причине невежества», — присоединяет апостол,— «и ожесточения сердец их» ([Еф.4:18](#)). Этот, слушатели, гнев есть гнев вечный — вечное осуждение; он-то, как тать в ночи, и постигнет нас, если не покаемся. Теперь вникните сами в себя, слушатели, постигнет ли вас гнев Божий, или исполнится над вами, или уже совершилось посещение Божие над главами вашими? Судите сами о себе; только помните, что сказал Бог устами св. Иоанна: «скоро приду, если не покаешься» ([Апок.2:5](#)). Но, слушатели благочестивые! Может быть, покажется вам непристойностью, что я дерзнул возмутить ваш покой, ваше в сей день веселие гневом Божьим. Нет! Благочестие, внимая гневу Божию, радуется, что верою от себя предотвращает его, а о прочих смело скажу: пусть их веселие в этот торжественный день превращается в сетование — нет нужды. Еще надобно нарушать всякое их веселье, всякое торжество, только бы пробудить от пагубного усыпления. Аминь.

СЛОВО В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ

Жить — значит ежедневно с усилием отражать нападения и стрелы врагов наших)

«В беззакониях зачат был и в грехах родила меня мать моя» ([Пс.50:7](#)),— восклицал царь и пророк Давид. Сердечное признание каждого христианина присваивает себе эти слова. Правда, что рождения во грехах никакой рожденный отрицать не может; впрочем, христианин знает, что живая вера и благие деяния, на основании заслуг Христовых, совершенно изглаживают пятно прародительское. Истинно верующий делается чище снега, его слух внимает веселию внутри себя, смиренные кости радуются. Любезные соотечественники! Если пламенная вера и благие деяния, с помощью заслуг Ходатая, разрушают положенную на нас печать смерти и от рождения греховного возрождают в жизнь новую, то родившаяся в этот день благочестивейшая государыня, достойнейшая мать достойнейшего чада ее, щедротами своими к сирым, покровительством к беспомощным, кроткою снисходительностью к бедствующим, нежным состраданием к страждущим доказывает свое высокое возрождение.

С этим светильником веры воззрим, слушатели, на самих себя. Многие из нас мало, иные совсем не имеют признаков той жизни, которую поручились в клятве вести перед Богом. Мы, зачатые в грехах, в беззакониях рожденные, избавлялись от ветхого человека, но и доселе еще носим его, даже любим, и, кажется, столь постоянно, что луч надежды к избавлению теряется во мраке ожесточения.

Впрочем, между плевелами часто растет и пшеница. Может быть, и в сию минуту из чьего-либо сердца исторгается тайный вздох: «Боже! Милостив будь мне, грешному» ([Лк. 18:13](#)), или, по крайней мере, есть еще те, кто ищет путь в жизнь вечную. Для этого им должно различать свойства жизни, которую они выбирают, и средства, приводящие на путь правый. Мы обыкновенно менее всего обращаем внимания на то, что ближе всего к нам. Все живем; но что такое жизнь наша, какой конец ее? Эти предметы столь же часто занимают нас, сколь часто обращаемся в самих себя. Все живем, и менее всего знаем, что такое жизнь наша. Знаем, может быть, только умственно, но сие знание есть не что иное, как возможность иметь огонь без теплоты и света. Жизнь есть искус, время, данное для испытания. Но, лучше, как говорит один Отец Церкви, жизнь есть непрестанная война. Жить — значит ежедневно с усилием отражать нападения и стрелы врагов наших. Надобно противостать сребролюбию, бесстыдству, гневу и тщеславию, бороться с плотскими восстаниями, с прелестями мира; и какое опасное борение!

Дух человеческий, отовсюду окружаемый силой вражией, едва сопротивляется, едва не падает. Как только ниспровергнет сребролюбие, восстает похоть, как только обуздает ее, является тщеславие. Презревши тщеславие, встречается с самолюбием. Когда и ему откажет, то гнев распаляет его. Надмеваает гордость, прельщает роскошь, ненависть возмущает его спокойствие, зависть расторгает узы дружества, вынуждается от него злословие, требуется клятва. Словом, мы стоим посреди мечей, отовсюду устремленных на нас врагами нашими. Такие-то опасности должно перенести всякому, кто вступает на путь правый. Но да не смущается кроткое сердце, устремляющееся на эту борьбу. Есть оружие, единым мановением низлагающее все усилия вражий. Только непрестанно должно быть в действии — упражнять тело, работать разумом, направлять волю к единому концу всех Желаний. Мы стоим посреди мечей, отовсюду устремленных на нас! Это домашний враг, вероломный изменник — плоть наша, сильнее всех вооружается на нас. Сии опасности, сии ужасы всегда будут нас преследовать, если господствование плоти не поработим под иго рабства. Порабощение плоти тем для нас тягостнее, чем продолжительнее ей рабствуем. Однако же столь скоро можно обуздать ее, сколь нечувствительно вкрадывается ее властительство. Первый и самый надежный

шаг к господствованию ее над нами есть праздность, первое и самое сильное сопротивление плоти — занятие тела трудами. Продолжительный труд с обильными каплями пота воспрепятствует всем прихотям плоти. Земледелец, весь день раздиравший плугом ниву свою, утомленный от зноя и жажды, не будет суетиться о вечерних урожаях, увеселениях, не помыслит о пышности и привлекательностях ложа. Воин, до истощения сил противоборствующий врагу, весь покрытый пылью, с потом смешанною, забывает все, всем пренебрегает, кроме сухого куска хлеба и для подкрепления сил краткого сна. Случалось ли и нам весь день провести в трудах или несколько раз обливаться потом? Если случалось, то мы знаем, что случается после трудов. Поверим, что трудолюбие, сократив изнеженность плоти, поработит ее под власть свою. Трудолюбие, я имею в виду, служащее не только в пользу собственную, сколько общественную и во славу Божию. Не думайте, чтобы какое-нибудь сословие могло извинять себя невозможностью заниматься трудами. Нет ни одной должности, которой бы точное исполнение не было сопряжено с трудностями. Сверх сего, истинное трудолюбие там только находит себе предел и невозможность, где опасается нарушить обязанности свои. Припомним, что полезные труды наши должны быть неусыпны. Плоть тогда только засыпает от власти своей, когда тяжестью трудов обременяется. Она, как злобный и хитрый неприятель, тогда лишь не воет, когда оковы тяготят руки и ноги. К трудолюбию присоединяется последний отказ плоти — воздержание в пище и питии. Опытном изведено, что пресыщение побуждает к сладострастию, сладострастие родит бесстыдство, бесстыдство же — наглость. Отсюда все виды нечестия делаются позволительными и, наконец, обыкновенными. Напротив, строгая умеренность укрощает пожелания, дает свободу мыслям, оплодотворяет разум, возвышает дух. Да и какое скучное беспокойство — употреблять пищу и питье, многими трудами приобретенные только для того, чтоб в единую минуту усладить вкус и в тот же час превратить в мерзкую нечистоту! Если не отказать в этом плоти, алчной и властолюбивой, то надобно ей уже рабствовать. Чтобы не ослабли мышцы, обуздывающие плотские вожделения, в то же самое время должно быть собрание сил внутреннее, разум, непрестанно Богу работающий, воля, с пламенной любовью устремляющаяся к Отцу Небесному.

Разум работает Богу тогда, когда поучается в законе Господнем, ищет средства укорить неукротимое плоти рвение, отвергает несправедливость ее требований, обнаруживает слепоту ее, пагубные следствия и непрестанно испытывает умерщвление ее оной. Работать Богу умом — значит, отвергнуть все мечтания, остроту и самонадеянность, сокрушенно возноситься до Голгофы и в ранах Распятого обрести успокоение от своих трудностей и скорбей. Это значит, по нынешнему времени, безумствовать. Мудрость, всеми обожаемую, променять на безумие креста, которую никто от князей века сего не понимает. Но скажут: «Есть ли возможность такая в нынешнее время? — говорить легко, судить обо всем можно, а исполнение того, о чем говорится, всякий оставляет другому». Это, к сожалению нашему, справедливо. Но тем-то мы и непростительны, что только все говорим правду да говорим. Видно, с того времени, как язык научился говорить несколько об истине, сердце совсем замолкло. Для сердца или, что то же, для воли нашей ни ныне, ни прежде, ни после никаких нет трудностей, никакой невозможности стремиться к естественному концу своему, кроме собственной изнеженности, кроме упорного ожесточения. Тот, Который кровью Своей омыл сердца наши, вчера и сегодня и завтра неотступно зовет нас: «всякий день», — глаголет Он, — «простираю руки Мои к народу непокорному» ([Ис.65:2](#)). Какой бы ты ни был грешник, еще Сам Бог зовет тебя; как Отец, простирает к тебе объятия Свои и называет сыном: «сын Мой, сын Мой! Прииди, Я сохраню тебя под кровом крыл Моих!» Когда зовет нас родитель или друг, мы идем, приглашают к пиршеству — спешим на оное, когда говорит человек, высший по званию, мы на все соглашаемся. Неужели, когда зовет нас Бог, мы должны сопротивляться?

Мы все христиане, все желаем идти на голос этот. Но позвольте сказать, что это желание есть только отвлечение ума, движение воли, естественное свидетельство кроющейся в нас истины, признак веры, ее искра, которая иногда от дуновения ветра, от каких-либо побуждений возгорается, а при первом же встречающемся неудобстве погасает. Истинное желание прийти в объятия Отца Небесного должно быть постоянным и пламенным. Начало его есть сердечное прошение словами Иисуса Христа: «Отче Небесный! Да будет воля Твоя» ([Мф.6:10](#))! Свойство этого желания есть унижение в обращении, твердость в вере, целомудрие в словах, в суждении — правда, в делах — милосердие, кротость в нравах, неведение мщения, но великодушное перенесение обид, мир со всеми, даже и с врагами, от всего сердца любовь к Богу, которая любит и страшится Бога, любит то, что есть Отец, страшится того, что есть Бог. Любовь, таинственно соединяющаяся со Христом, ничего Ему не предпочитает, так как Он ничего не предпочел нам, низким и нечестивым. Это-то желание должно быть постоянным, пламенным. Постоянное для того, чтобы непрестанно трудиться в деле спасения, пламенное, чтобы преодолевать все препятствия. Постоянное, чтобы, в случае преткновения на пути, восставать и затем идти далее, пламенное воодушевлять себя упованием на заслуги Ходатая и молиться не языком только, но огненными устами сердца. Решительное и постоянное желание воли — поработить себе плоть, побудить разум работать Богу. Пламенное желание — презирать все мелочи, среди которых мы стоим: и мир, и плоть, и диавола, непрестанно окружающих нас, — составит победу только знаменитейшей, торжество — славнейшим. Твердая решительность воли тайно беседует с Богом: «Господи! Все, чем тяготит мир, чем ни угрожает плоть, чем ни ужасает диавол, перенесу, чтобы дополнить лишение скорбей Твоих в теле моем»; пламенное желание вопиет: «Пусть пронесут имя мое как зло — это известная участь каждого христианина, пусть посмеются надо мной враги мои и ближние мои, я до тех пор не успокоюсь, пока буду искать Тебя, Сила и Крепость моя, пока внутреннего не услышу уверения: «Готово сердце мое к Тебе, Боже!» ([Пс. 107:2](#)) Готово — приди и вселись в него». Этот голос желания есть голос сына, которому Сердцеведец внемлет с высоты своей. Бог внемлет человеку и дает власть безвредно наступать на аспида и василиска, попирает льва и змия. Это Тот, от Чьего слова: «Это Я» ([Ин. 18:6](#)) — толпы вооруженных врагов падают ниц и рассеиваются; это Носящий всяческим словом силы Своей. Слушатели благочестивые! Нам известны печальные свойства жизни христианской. Также знаем и то, что учение Христово никогда не применяется к нравам времени. Что ж остается предпринять нам, что делать? Пусть это решит собственное произволение каждого. Я только присоединю: тот живет худо, кто всегда жить начинает. Аминь.

Произнесено 14 октября 1808 года

**СЛОВО В ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ВЕЛИКОГО
КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА**

Нечестие разливается всюду и, потопляя непорочность с добродетелью, угрожает страшными бедствиями

В эту минуту, слушатели, мы приносим жертву хваления Богу, ущедряющему на нас в благочестивейшем монархе и тезоименитом ныне благоверном Государе Цесаревиче и Великом Князе Константине Павловиче. К тому побудило нас спокойствие, которое до сих пор не прерывается в мирных селах и городах наших. Спокойствие, драгоценностью превышающее все блага земные, есть награда за благочестие или остаток милосердия, посылаемого на благих и злых.

Кто знает, слушатели, может быть, и наше спокойствие есть последняя капля милосердия, за которой изольется чаша гневного мщениа. По мере того, как умножается нечестие, иссякает милосердие. Умножение нечестия несомнительно, если во многих окружающих нас видны уже начатки беззакония. Эта душевная болезнь столько же прилипчива, сколько самая сильная зараза для слабого тела нашего. Она, внедрившись в одного человека, немедленно изливается на другого. Беззакония, услаждающие чувственность, лестные для слабости нашей, не могут начинаться и оканчиваться в одном сердце. Они удобно и неприметно заражают весь круг людей, в котором живет нечестивый.

Благочестивые сыны России, любезного Отечества! Вы знаете цену спокойствия, печетесь о благосостоянии не только вашем, но и общественном, а потому для предосторожности в сохранении вашего спокойствия не утрудитесь вникнуть, сколь удобно нечестие одного сообщается другому, вместе с каким бедствием для ближних и для самого Отечества.

«Помышления сердца человеческого — зло от юности его» ([Быт. 8:21](#)). Семя запрещенного плода, падшее на сердце первого человека и проросшее в нем, не могло не пустить побегов своих на весь род человеческий. Дети рождаются с теми же болезнями, с какими родители зачинают их. Зачатый в беззакониях, рожденный в грехах, как скоро начинает мыслить, желать и действовать, уже мыслит превратно, желает беззаконно, действует порочно. Младенец в пеленах, потом растущий перед очами родителей имеет склонности не свои, но отеческие, в самом начале стремящиеся уже ко злу — «помышления сердца — зло от юности его».

Строгое воспитание даже благочестивых родителей попечительными наставлениями, благоразумным побуждением, живым образцом, удобнее всего запечатлевающимся на юном сердце, этой пшеницей может только заглушить, а не исторгнуть плевелы прародительской склонности к нечестию. Но если этот строго воспитанный юноша вступает в свет — в толпу людей, мало пекущихся о благонравии, то благие наставления родителей остаются в стороне, плевелы снова подавляют пшеницу. Для него, по общему окружающих вкусу, добрая простота скоро покажется невежеством, целомудрие — неопытностью, скромность — диким свойством, воспитание родителей — воспитанием, для нынешнего времени совершенно неприличным.

В самом деле, мир, собрание людей, только наружностью отличающихся друг от друга, а порочной жизнью и развратным сердцем совершенно подобных между собою, не может терпеть благонравия. В нем добродетель есть отрасль (если можно так уподобить), отрасль дальних стран, для которой несносен самый воздух. Она в первые минуты бытия своего среди язвительного дыхания нечестивых должна увянуть, потом засохнуть. Не потому ли апостол Павел так строго учит не смешиваться с миром, что «если кто называясь братом», говорит он, «остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или хищником; с таким и не есть вместе» ([1Кор.5:11](#))? Павел запрещает даже и есть вместе с явными нечестивцами. Что это значит? Видно, слабость человеческая, укрепляемая добродетелью, недолго может сопротивляться врожденному влечению к порокам, особенно в присутствии и

усилении людей нечестивых. Апостол, зная свойства человеческие, ясно изобразил слабость эту, сказав: «Не знаете разве, что малая закваска квасит все тесто?» ([1 Кор. 5:6](#)) Неужели не знаете, что малое число нечестивых может всех вблизи находящихся склонить к нечестию? Квас заключает в себе много кислой остроты, которая скоро наполняет все собрание. Нечестие много имеет своей кислоты, также пронизательной и острой, которую разливает на всех окружающих — все собрание людей квасит. Известно, что и беззаконные люди стараются иметь своих последователей, нечестие — своих поклонников, своих обожателей. Враг Божий и человек, как лев, рычит, ища, кого поглотить. Нечестивый его слуга, его сын, как же не будет следовать господину своему, как же не будет рычать силой отца своего? Но, хотя бы мы не чувствовали насилия, влекущего нас к беззаконию, впрочем, находясь в обществе нечестивых, обыкновенно замечаем их пороки, мысленно исчисляем их. Между тем, неприметно сами себя извиняем в своих погрешностях, а таким образом позволяем себе большие. Если же уважаемое какое-нибудь лицо будет обезображено нечестием, если господин некоего числа люди, если властитель целого общества, даже если отец семейства будут заражены беззакониями, то погибли подвластные, погибло общество, погибло и семейство. Нечестие заразит сердца слабые. Пороки высших людей, возвышенных над прочими званием, не могут оставаться при них одних, хотя бы они того и не желали. Те, которые ищут их милостей, стараются согласовывать свои желания с желаниями высших, угождать их воле и, таким образом, следовать даже порокам их. Многие рабы даже хвалятся тем, что умеют в точности подражать какой-нибудь порочной страсти господ своих. Другие, видя беспечность своих властелинов, нечувствительно сами привыкают к беспечности. Прочие, желая соблюсти обязанность свою, нередко возбуждаются к негодованию, или злословию, или к неповиновению. Потому развратный господин может увериться, что рабы его, если не столько же, как он, то, по крайней мере, в половину его, развратны. Нечестивый властитель сам себе может ручаться за большее число в обществе подобных себе, если не во всем, то, по крайней мере, в некоторых чертах нечестия. Отец семейства может быть точным изображением всего дома, всех детей, если только все им воспитаны. Насколько это удобно, слушатели: «малая закваска квасит все тесто» ([1 Кор. 5:6](#)), — настолько удобно и передается нечестие сердцам нашим! Что, если мало находится сопротивляющихся ему от мира? Ах, слушатели! Едва ли, к сожалению нашему, не доказывается это подражанием гнусному обыкновению в одежде, во вкусе, в словах, в обращении. Нечестие, подобно сильному стремлению mnogой воды, разливается всюду и, потопляя непорочность с добродетелью, угрожает страшными бедствиями.

Любители обыкновений суетного мира, дополняющих успехи нечестия, достаточно почерпнули от потока этого или совсем погрузились в него. Жалкие! Неужели сами они не видят, что это есть собственное их бедствие, добровольное подвержение смерти не только телесной, но и душевной — вечной смерти, вечному лишению благ небесных?! Они знают, что нечестие есть повреждение ума и воли, есть произведение отца лжи, князя века сего, дьявола. Знают, что оно основано на неправде, поддерживается хитростью и пронырством; знают, что нечестием сокрушают жизнь свою, что умножают горести и без того горестного состояния; что лишаются истинного благородства — честности, оставляют детям своим в наследство болезни, гнусный образ жизни, в наследство также и вечную смерть. Наконец, знают, что раздражают Бога и побуждают Его на скорое мщение. Боже мой! Знают все это, однако, за необходимое почитают продолжать нечестие. Какое миролюбцев ослепление! Какое бедствие! Но это бедствие не есть только их собственное, они не могут существовать без пагубы для всех окружающих.

Кроме того, что нечестивые, дыша смертоносным воздухом, заражают ближних, они еще благо свое строят на бедствии сожителей. Завистливый никогда не успокаивается, видя соседа

более, нежели он, состоятельным. Зависть шепчет ему: «Ты можешь пользоваться чужим, пользуйся, только умей скрыть». Делаящий сделку, непрестанно ищущий себе прибыли, кого не обманет, кому не солжет, когда не стыдится жизнью своей обманывать и лгать Богу? Сребролюбец может ли распутать узел, запутанный неправдами? Может ли видеть истину, когда очи его ослепляются блеском серебра или золота? Самолюбивый, отличающийся каким-нибудь талантом перед прочими, чего не сделает в погибель ближнему, только бы угодить себе? Гордый непрестанно и весь болен. Каждое легкое, но неприятное ему прикосновение делает смертельную рану, за которую он готов всякому мстить, если можно, даже смертью. Богатый стяжание свое умножает бедностью весьма многих. Роскошный, пьющий драгоценность и сладость, едва ли не всегда пьет слезы ближних своих. Тщеславный герой ничем столько не насыщается, как погибелью нескольких тысяч людей или целого народа. А хитрые и злобные, сластолюбцы, клеветники, прелюбодеи... не для чего исчислять их злодеяния роду человеческому. Нет бедствия, нет обиды, нет оскорбления, причиняемого нам ближними, которых бы не был виною нечестивый. «Гроб открытый — гортань» ([Пс. 5:10](#)) нечестивого; «яд аспидов под устами его» ([Пс.139:3](#)); «преседит в ловительстве с богатыми, чтоб убить неповиннаго» ([Пс.9:29](#)), «и ловит в тайне, как лев в ограде своей, чтобы схватить бедного» ([Пс.9:30](#)), «ноги его спешат на пролитие крови» ([Прит. 1:16](#)). Вот черты нечестивых, черты, не человеком изображенные, но Духом Святым. Подлинно, слушатели! На что не решится, на что не отважится тот, который отважился презреть закон природы и совести, голос Церкви и живого Бога? Есть в некоторых пагубное ослепление — думать, что нарушение закона Божия не есть еще нарушение закона гражданского; но если всякий закон в христианском обществе основывается на законе Божием, то помыслите, слушатели, может ли не рушиться огромное здание при нарушении основания? Основание закона гражданского раскопано, нарушено. Может ли самый закон остаться целым, ненарушенным? Конечно, страх суда, ополченного строгим мщением против нарушителей закона, удерживает нечестивого в пределах, законом предписанных каждому гражданину. Но сей страх удерживает от законопреступления только явного. Если же нечестивый питает себя надеждою скрыть преступление от блюстителей закона или сами блюстители мало пекутся об изыскании законопреступника, то закон гражданский почитает он за паутину, удерживающую в пределах своих только слабых, робких и низких людей. Тогда нечестивому закон есть беззаконие его, или нарушение прав общественных. Если бывает нужно, он употребляет закон средством для лучшего притеснения невинных, для большей запутанности истины, удобнейшим средством к удовлетворению непотребным страстям своим. Верность в обязательствах, исправность в договорах для нечестивого гражданина есть не что иное, как надежное искусство обманывать и лучше придавать лицемерию вид истины. «Любящий другого исполнил закон» ([Рим.13:8](#)). Так свидетельствует Писание. Без любви никто и никогда в строгости не исполнял никакого закона. Но какая любовь в сердцах, исполненных коварства и злобы? Какая любовь в тех, которые любят только пагубу, в которых действует, по словам Апостола, дух сопротивления, дух злобы? Да и к кому, когда они сами себе несносны? Ужасное ослепление, особенно для блюстителей закона, думать, что нарушитель закона Божия не может почитаться нарушителем закона гражданского. Такое мечтание принуждает их терпеть заблуждения, позволять малые пороки, наконец, послаблять злодеяниям. Между тем, кто не сознается, что терпеть заблуждения — значит, угнетать истину? Позволять малые пороки — значит, оскорблять добродетель? Послаблять злодеяниям — значит, приносить в жертву невинность? Это поущение не позволяет им видеть, сколь близко до того, что их власть сделается недействительною или суетным кумиром, отданным в жертву безумному нечестию? Премудрый царь давно научил нас, что «развращенное сердце кует зло, умышляет зло во всякое время, сеет раздор» ([Прит. 6:14](#)). В самом деле, кто дерзнет нарушить

общественное спокойствие, кроме нечестивых граждан? Что бы побудило Саула искать жизни Давидовой, если б не было соревнования к славе? Кому свойственно вооружиться против отца кроткого и благочестивого, как разве не тщеславному Авессалому! Сверх того, бросьте легкий взор в бытописания, вникните, что было причиной возвышения государств и виною падения их? Ниневия, Вавилон, Иерусалим, греки и римляне, кажется, на развалинах своих, как бы на общей гробнице государств, оставили нам все единую, четкими буквами изображенную надпись: «Добродетель возвысила, нечестие нарушило их». Видно, сбылось над ними пророчество Писания: «злодеяние ниспровергнет престолы сильных» ([Прем. 5:24](#)). Тот, без воли Которого не падает и волос головы нашей, перед Которым все обнажено и явно, неужели не видит разврата? Неужели не оскорбляется нечестием, пускающим стрелы на милосердие и правосудие Его? Неужели притеснение сирых, слезы бедных, обиды беззащитных, гонение добродетельных сокрыты от Бога, знающего все тайны сердец человеческих? Неужели впустую сказал нам Бог Всесильный: «У Меня отмщение, Я воздам» ([Втор. 32:35](#)). «Неужели Я не накажу? И не отомстит душа Моя такому народу?» ([Иер.5:9](#)) Нечестивые отсрочкой гневного посещения Божия, долготерпением, продолжающимся единственно для сохранения душ праведных или могущих вырасти среди терния мирского, или выросших, но еще не переселившихся в покой небесный, — этим, говорю, долготерпением успокаивают себя нечестивые среди всех беззаконий, среди всех зол и ужасов. Но мы знаем, слушатели, что праведная десница Божия само же нечестие обращает на уничтожение нечестия. Знаем, что Божие наказание за беззакония там уже началось, где заметны несогласия в семействах, раздоры в соседстве, где слышны хищения, грабежи, убийства. Где бедность и недостатки с часу на час умножаются, где некоторые сословия уже теснотою питаются. Где, хотя с самым спасительным намерением, проливается кровь человеческая.

Как нам не верить, что если умолкает голос земного правосудия, то это предзнаменует близкое откровение правосудия небесного на земле. Бог наш сказал устами пророка Иеремии: «утучнились и ожирели, преступили всякую меру во зле, не разбирают судебных дел, дел сирот; благоденствуют, и справедливому делу нищих не дают суда. Неужели Я не накажу? И не отомстит душа Моя такому народу?» ([Иер.5:28](#)) «О горе, город нечестивый! Я, Господь, Я говорю: приду, и сделаю, и не отменю, и не пощажу, и не помилую. По путям твоим, и по делам твоим буду судить тебя» ([Иез.24:14](#)). Суд Божий сотворит на земле ужас и страх: разорится город, разрушится громада государственная и в развалинах своих погребнет нечестие. Любезные соотечественники! Мы до сих пор избавлены от таких ужасов. Еще благое небо посылает на нас щедроты свои. Но что последует с нами, если, примечая быстрый ход нечестия, великие успехи его, на все будем взирать хладнокровно или сами содействовать усилению нечестия? Да не будет, да не будет! Но, вознося на алтаре этом молитвенный фимиам к Престолу Всевышнего о благоденствии блюстителей спокойствия нашего, очистив руки и сердца, обратим их с детскою простотою к Отцу небесному: «Отче наш! Хлеб Твой небесный Дай нам сегодня. Как дети просим от Тебя хлеба — мирного спокойствия. Сотвори, да хлеб этот подкрепит силы наши к одолению нечестия». Аминь.

Произнесено 21 мая 1809 года.

**Слово по избрании судьей от Санкт-Петербургского
дворянства**

Об обязанностях судей судить со страхом Божиим

«Итак, да будет страх Господень на вас: действуйте осмотрительно, ибо нет у Господа Бога нашего неправды, ни лицепрятия, ни мздоимства». (2Парал. 19, 7) Слова эти заимствованы из уст царя Иудина, поставившего судей в крепких городах своих, и к вам, избранные судьи, обращаются. Иосафат открыл судьям, с одной стороны, величие суда, по которому входят они в права Божий над людьми; ибо суд их наименовал Господним, С другой — опасность унижить это величие неправдой, свойственной человеку, превратить права Божий перед людьми по требованиям человеческим и омрачить суд мздоимством. А потому, чтобы вразумить их, как стоять на такой высоте и не колебаться, как соблюдать права Божьи над людьми и не оскорблять Бога и людей, указал способ совершать все в безопасности, сказав: Итак, да да будет страх Господень на вас: действуйте осмотрительно! Он один удержит вас от неправды, защитит от лица сильных, отвратит от корысти, так как нет у Господа Бога нашего неправды, ни лицепрятия, ни мздоимства. Тот же высокий подвиг суда предстоит вам, слушатели судьи, и те же опасности, какие судьям Иудиним. До сих пор те же страсти обременяют землю и сердца наши, которые обременяли древних предков. На земле, растленной беззакониями, под небом, еще поражающим проклятиями, от семени греха нельзя ожидать плодов правды и бесстрастия. Следовательно, и ныне есть тот же путь суда — в безопасности от страстей, который показан судьям древним: только страх Господень может сохранить от неправды, от лицепрятия и принятия мзды. «Итак, да будет страх Господень на вас: действуйте осмотрительно!»

Да не смущается сердце ваше, что страх полагается в начале путей ваших. Он не есть скорбь, потрясающая душу, чтобы низвергнуть ее в отчаяние, но есть начало покоя, ибо от него рождается бесстрастие. Оно есть начало премудрости, которой просил царь Израилев, дабы «судить народ Твой праведно» ([3 Цар.3:9](#)). Свойство этого страха, если можно изъяснять тайны небесные земным языком, есть свойство Жизни ангелов, которые в пламенной любви трепещут перед величием всемогущего и правосудного Бога. Происхождение этого страха не должно искать на земле между делами рук и сил человеческих — он с неба приходит на землю и есть Дух от дыхания Вседержителя так, как нисхождение его на судью кроткого описывает пророк: «И страхом Господним исполниться, и будет судить не по взгляду и не по слуху, но будет судить по правде» ([Ис.11:3-4](#)). Этот страх да будет на вас, слушатели! Судья, принимая суд над подобными себе, дает обещание судить в правде. Но без страха Божия вся правда его есть тайное или явное пристрастие к самому себе. Ибо тогда он более всего боится себя, т. е. своих невыгод. Или, по-видимому, ничего не боится, но в таком случае всем должно его бояться, как врага всякой правды. Око судьи, даже проницательного, не освещенное светом Божьим, еще темно, хотя бы просвещено было многими законами человеческими, потому что еще возмущается удовольствиями, ослепляется вожделениями. Суд естественный, сколько бы ни утверждался на законах, еще колеблется от вражды и дружбы, уклоняется на сторону своих нужд и выгод, изменяется по временам и желаниям. Оправданием своим он не успокаивает судимых, и обвинением не устрашает их. Тогда законы только скрывают или защищают недостатки судьи, а не удовлетворяют судимых. Тщетно мы будем надеяться, что ищущий правды своими силами найдет ее, по крайней мере, по указанию сердца. Сердце человека, не сокрушенное страхом Божьим, страшно не только в судье, но и во всяком человеке, если будем взирать на него очами Сердцеведца. «Из сердца исходят помышления злые», — говорит Он, — «прелюбодеяния, любоддеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, лесь, завистливое око, богохульство, гордость, безумство» ([Мк.7:22](#)). Если не все эти ужасные черты внутреннего безобразия вмещаются одновременно в каждом неочищенном сердце, то, по крайней мере,

многие. Надежда правды в суде несомненна только тогда, когда судью одушевляет дух страха Божия. «Страх Господень чист» ([Пс.18:10](#)), следовательно, чисто и сердце, им охраняемое. Этот страх, как страж, стоит при вечных вратах души нашей, чтобы сохранить чистоту ее. Как херувим, с пламенным оружием стережет ее от повреждения, отсекает каждую незаконную мысль, как скоро она является. Опаляет или совсем сжигает каждое хотение, которое рождается от плоти и крови. Страх Господень есть сила божественная, подаваемая душе человеческой. Он, как свет от Отца светов, освещает внутреннюю мглу души нашей. Как теплота от беспредельной любви, согревает холодность нашу к истине. Как огонь от огня всежигающего, разрушает и истребляет все преграды к правде, и в то же время воспламеняет все желания сердца к непрерывному действию, к терпению и ревности по правде. Таким образом, страх Господень человека — судью творит орудием Божиим перед людьми, устами судьи изрекает суд Божий на людей, руками его подает или отнимает спокойствие граждан, мечем его карает или защищает судимых. Страх Господень все творит в любви, трепещущей перед величием праведного Судьи-Бога и, однако, так возвышает судию-человека, что присваивает ему даже имя Бога ([Пс.81:1](#)), дабы явить на земле царство и славу Божию. Этот страх да будет на вас, судьи! И храните и творите! Другая опасность в суде, от которой царь Иудейский предостерегает судей своих, есть лицепритие. Никто не терпит лицепрития, но, без страха Божия, почти столько же лицепритителей, сколько судей. Пока мысли и желания наши так пригвождены к земле, что все надежды наши не простираются далее земли и основываются только на силах человеческих, до тех пор судом нашим управляют люди, а не закон и истина. Тогда наша польза или вред, сила судимых или бессилие решат всякое дело. С этой слабостью, если приступим к суду над сильными земли, то, боясь их сил или надеясь на их благоволение, ослабляем силу закона в пользу их. Если приступим судить наших знакомых, то обязанности судьи превращаем в обязанности ходатая и в законе ищем защиты беззаконию любимых нами людей. Если же будем судить наших врагов или оскорбителей, то, вместо судьи, делаемся их гонителями, хотим карать их прежде суда, или в том же законе, где они ищут защиты, мы ищем им обвинения. Но пусть это малодушие свойственно душам малым и низким. Есть другая слабость душ, почитающихся великими, которая носит тоже имя лицепрития: защищать на суде сирых и вдовиц, ходатайствовать о бессильных и беспомощных, подлинно, есть дело великое, но отступить для них от истины, искать им защиты, когда закон не защищает их, искать помилования, когда закон не милует, есть лицепритие. Ибо отступлением от правды для человека ставим правду ниже человека. Впрочем, и то есть уже лицепритие, когда мы праведно осуждаем преступления, но в отсутствии преступника, чтобы скрыть руку, написавшую осуждение. А общество праведно осудит нас в лицепритии. И тогда, когда мы, облеченные силою законов, будем молчать, когда надлежало бы говорить о законах, или будем говорить о них в домах наших к уху, когда надлежало бы проповедовать их на крышах. Для избежания от этого осуждения не довольно страха законов царских, которые связывают только руки и язык, но не ум и волю, не довольно сил рассудка, который ослепляет страсти. Не довольно всего нашего желания, которое непостоянно и нетерпеливо, будучи же обращено само в себя, во всем и везде только себя любит и только себя ищет. Следовательно, для избежания лицепрития нам должно избежать самих себя, т. е. любви к себе, ибо от сего корня растут все страсти. Должно стать выше всякого земного страха, чтобы ни для чего земного не отступать от закона, ни в каком случае не взирать ни на какое лицо, взирая на одну истину. На этой ступени беспристрастия можно поставить один страх Божий. Боящийся Бога не боится ничего человеческого: «Господь Спаситель мой»,— сказал один из боящихся,— «кого убоюся?» ([Пс.26:1](#)) «Господь мне помощник: что сделает мне человек?» ([Евр.13:6](#)) Страх Господень ставит нас в присутствие Бога всемогущего и справедливого, Бога богов и судей. И, чтобы приблизить нас к Его

неприступному величию, страх держит перед Его лицом, перед лицом, видящим каждую мысль нашу, слышащим каждое ее движение, перед лицом страшным и праведным, утверждающимся, однако, внутри души нашей. Кто перед этим лицом в душе своей дерзнет мыслить неправедное, и какое лицо человеческое может скрыть нас от этого лица всевидящего? Чем постояннее пребывает дух наш в этом Божественном ужасе, тем безопаснее взирает на все земное. Этим страхом укрепленный Пророк без страха всюду свидетельствовал истину: «буду говорить об откровениях Твоих перед царями, и не постыжусь» ([Пс.118:46](#)). Этим же страхом одушевлены были бесстрашные проповедники Иисуса Христа, возвещая о Нем на сонмах и сборищах, перед царями и владыками, среди мучений и смертей. Они не боялись людей, «убивающих тело, души же не могущих убить» ([Мф.10:28](#)). Не боялись ничего, кроме истины, и никого, кроме Бога. Этот спасительный страх да будет на вас; и храните и творите! Если бы судьи всегда были одушевляемы этим страхом, то никакая корысть не отягчала бы их рук и совести и никакая мзда не входила бы в судилища. Без страха Божия корысть в суде есть бог, которому служат судьи и судимые. Этот бездушный истукан иногда не может даже скрыть гнусности своей от судьи, но, владея его сердцем, управляет судом. Хитрость виновных, дабы избежать законной строгости, изобрела столько корыстей, сколько судьи имеют прихотей. Оправдание на суде они покупают не всегда серебром и золотом, но иногда похвалами, иногда боязнью и ласкательством, иногда увеселениями и пиршеством, а иногда слезами и сетованием. Каждому судье приносят свою корысть и каждому его идолу свою жертву; мудрый и терпеливый судья, наконец, уловляется корыстью. Пока истинный Бог не сокрушит всех идолов в нашем корыстолюбивом сердце, до тех пор мы невольно любим приношение жертв, любимых нами. Те, которые живут на земле для земли и чувств, рано или поздно пленяются корыстью земной и чувственной; а живущие на земле для неба пренебрегают всеми корыстями: «у Бога нашего нет мздоимства». Поэтому Валаам, исполненный страха Божия, не принимал никаких богатых обещаний царя земного, чтобы не оскорбить Царя Небесного. «Если даст мне Валак», — отвечал он царю через посланников, — «Если даст мне полный дом свой серебра и золота, не могу преступить повеления Господа Бога» ([Числ.22:18](#)). Эту же крепость в страхе Божьем соблюдал судья и первосвященник Израилев. Всю жизнь творя суд над Израилем, он в конце Дней своих засвидетельствовал чистоту суда от мздопрятия перед всем Израилем: «Вот я», — говорит он ко всем мужам Израилевым, — «вот я! Свидетельствуйте на меня перед Господом: у кого взял я вола, или осла, или кого обидел, или кого притеснил, у кого взял дар» ([1Цар.12:3](#)). Всеми силами укрепитесь, слушатели, в страхе Божиим; он укрепит вас в чудном могуществе отвергать всякое приношение, хотя бы величием равнялось оно царской палате, полной серебра и золота. Сохраните постоянно любовь к справедливой любви всемогущего Бога — она сохранит вас в правде и преподобии истины, которыми оправдаетесь перед судом Божиим и человеческим. Страх Господень, или Сам Господь, творит сердце судьи таким чистым, что судья всю жизнь отрясает руки от даров, а мысли от вожделений. Наконец, страх Господень открывает судье, что всякая и малейшая в суде мзда есть часть цены за невинную кровь, пролитую на кресте. Если и ныне серебрянники считаются в суде за истину, то и ныне оценивается Тот же неоцененный Ходатай истины, Иисус Христос, в меньшей братии Своей. И этот страх Иисуса Христа да будет на вас: и храните и творите!

В этот день вы даете обещание в верности служения вашему Богу, отечеству и монарху. Вверившие вам суд над собой вас самих вверили суду Божию. Таким образом, поставили вас перед Богом для принятия от него суда и правды себе через ваши уста и руки. Сколь велико и славно, столь же опасно и страшно дело суда, которое вы на себя приняли! Отныне да воскреснет страх Божий в умах и сердцах ваших и руководит вами по опасным стезям суда в безопасности от неправды, лицепрятия и мздоимства! Прежде в тесноте и скорбях своих вы

могли прибегать к судьям и закону и у них искать помощи и силы. Ныне законы требуют вашей силы и помощи, а вам самим «Господь Сил да будет прибежище и сила и помощь» ([Пс.17:23](#))-
Аминь.

Произнесено 25 января 1818 года

Слово на случай приведения к присяге избранных судей

Богобоязненный суд, совершается по образу суда Божия над всем миром

«Выбери себе из всего народа людей способных, боящихся Бога, правдивых, пусть они судят во всякое время». [Исх. 18:21-22](#).

Совет Божий, произнесенный голосом искренности во днях древних, повторяется во дни наши. Та же самая любовь, которая изрекла его вождю Израилеву, водила рукою Монаршею в начертании права, по которому избираются мужи, достойные произносить суд над собратьями. В позволении избрания, которое могло быть совершено единым мановением скипетра, уделяется подданным часть державного величия. «Изберите себе с усмотрением: для покоя общественного устраивайте покой свой избранием мужей по сердцу вашему»- так повелевает державная искренность искренним своим. Монарх единый, нося на плечах своих труды наши, пререкания наши и тяжести всех россиян, тем самым внушает избирать «людей способных», которые бы могли понести всю тяжесть суда, возлагаемого на них. Он, осязая руку Божию, являющуюся в движении оружия и всех племен, рукой своею возвестил в слух всего Отечества и, может быть, всей земли, что «Сам Бог управляет оружием; и без Него ничто не начало быть, что начало быть» ([Ин.1:3](#)). Не для того ли всюду слышен этот голос благовествующего монарха, чтобы все научились страху Божию, а не человеческому, и чтобы наиболее вверялся суд «людям, боящихся Бога», а не взирающим на лица человеческие? Износя закон из глубины сердца и осуществляя его в себе самом, он есть образ правды и закона. Потому не желает ли, чтобы на высоте между подданными являлись «люди праведные», носящие в себе образ правды, которую должны сохранять силою закона? «Выбери себе из всего народа людей способных, боящихся Бога, правдивых».

Кто верный Богу не соединит своих желаний с этими желаниями правды Божией? Какой верноподданный откажется идти на голос зовущего монарха и в нем — всего Отечества?

Вы, кому Бог через собратий ваших вручил суд над ними, приняли его, как залог любви, который обязуетесь сохранить всеми силами ума и сердца. Вручившие вам этот жребий, а с ним и самих себя, ожидают и надеются испытать вас «способных, боящихся Бога, правдивых».

Ныне здесь, в училище суда и правды Божией, воззрим на оные обязанности суда с тем упованием, что избравшие и избранные оправдаются перед судом Божиим и человеческим.

Престол суда поставляется для хранения тишины и спокойствия от мятежных страстей человеческих. На нем полагается «меч» в защиту и отраду благим, «в страх и наказание делающему злое» ([Рим. 13:4](#)). Вход к нему открыт для всех, но, по большей части, наполняется изобретателями обид и клеветы, сильными и богатыми, предваряющими правоту немощных сирых, так что едва находят место истинно страждущие. Если сидящий на нем не будут простирает взоров вниз, куда стекаются беззащитные, то прибежище невинности обратится в пристанище клеветы, страж тишины — в скопище мятежное. На суде человеческом буйные страсти всегда ищут своего полномочия. Непрестанно усиливаются скрыть правду для своего оправдания, и тем успешнее пользуются силой закона, что многие слагаются воедино, укрепляются узами денег, находят покровительство в сильных и покрываются бесчисленными видами правоты. Чего не предпринимают они по мере нужд своих? То унижаются до гнусного рабства, или возвышаются до вида святости. То удаляются, чтобы привлечь в след себе, или приближаются, чтоб уловить в свои сети. То смиряются, но с такой хитростью, чтобы бросить тысячу стрел, и рука, мечущая их, была бы невидима. Или превозносятся с намерением устрашить малодушие судьи, которого замечают преклонность и легкомыслие. То рыкают, как львы, ярятся, как львицы, то ползают, как пресмыкающиеся, и безмолвствуют, как ягнята. «Сын

человеческий!» — восклицал Пророк, указывая на опасность путей человеческих,— «ты будешь жить среди скорпионов» ([Иез.2:6](#)). Среди сего непрерывного волнения страстей, среди сих скорпионов поставляется престол суда для защиты от них. Рано или поздно попрется эта тяжесть неправд на престолы сильных и, ниспровергнув их, подавит всю правоту и святость: «злодеяние рушит престолы сильных» ([Прем. 5:24](#)), если сидящие на них, видя шествие стольких зол, издали не противопоставят ему всех сил своих. Не крепость тела, не величие наружное, но крепость духа и сила внутренняя требуются от судей земных. «Выбери себе из всего народа людей способных, пусть они судят во всякое время».

Непостоянство вымыслов и клеветы пресекается неизменной твердостью в правде. Глубина хитрости открывается пронизательностью. Частые возмущения строптивых укрощаются терпеливостью, бдительностью. Этим оружием суда утверждается тишина в жизни общественной. Меч в руках судьи, уже поднятый на поражение беззакония, если не совершает удара, то дает новую жизнь и силу беззаконию. Когда же, будучи изошрен правдой, поражает преступника, тогда слышимый удар несется далее слуха осужденного, касается готовящих лукавство и останавливает на пути к законопреступлению. Достойное мщение преступнику не есть обида, но благодеяние. Оно, исцеляя язву одного, избавляет от нее многих. С этой твердостью соединенная пронизательность не оставит неразрешенным узла, сплетаемого хитростью. Клевета, долговременно умышляемая, подкрепляемая наемным свидетельством, усиливаемая извращением закона, до тех пор скрывается от пронизательных взоров, пока не все усилия и не все средства употребляются к обличению. Многократное падение дождевой капли пробивает камень; опытами сердца обогащенный ум многократным увещанием смягчит жестокосердие, откроет умышленную тайну и смирит клеветника. Глубокое исследование, с постоянством продолжаемое, обретает начало и конец всякого требования и улавливает виновного там, где он не ожидает. Также предусматривает бедствие невинного в то время, когда он покоится. Тот, кому вверено хранить мир и безмятежие, все силы имеет не для себя, но для общества, пока оно возмущается или страждет хотя в одном члене своем. Он поставлен на высоте для стражи, чтобы усматривать возмущение, готовящееся вверху или внизу, проникать в ближнее и дальнее, склонять слух к молве и воздыханию, взвешивать с одинаковой тщательностью легкое и тяжкое. «Вы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать» ([Рим.15:1](#)). Но где такое величие и благородство, которые бы в непрестанном напряжении удержали сильных земли для пользы других; и кто столько тверд, чтобы мог бы противостоять буре страстей человеческих, стирающей и камни в прах, прелагающей и горы в сердца морская? Человека ничто человеческое не может возвысить до такой степени благородства и заключить в столь тесных пределах верности, если страх Божий не будет поставлен стражем ума и сердца. Этой тайной возбужден был голос искренности к вождю Израилеву: «Выбери себе людей, Бога боящихся».

Сильные земли, как не ограничены во благах, когда руководствуются страхом Божиим, так равно беспредельны в ужасах и бедствиях, когда не имеют его. Низкая страсть судьи все, что имеют законы священного и грозного, обращает в свою пользу. Он, движимый любовью к своей славе или корысти, ею, а не законом управляется. Удовлетворение себе ставит всего выше и драгоценнее. Тогда только выявляет правду закона, когда надеется через то насытить свое желание или сокрыть свою гнусность от наблюдательных взоров. В противном случае без внимания взмахивает мечем, врученный ему,— нет нужды, хотя бы упал на выю невинного. Дремлет в судилище, не смотря на то, что с его вниманием останавливается жизнь гражданская, дышащая правдою и бдительным попечением. С полным восторгом чашу веселия приемлет в то время, когда воздыхают от него тысячи и чаша в руках его растворяется слезами сырых и притесненных. Чего можно ждать от судьи, ослепленного какой-либо страстью, кроме того, что

прочие пороки и порочные найдут в нем покровительство, усилятся самым законом и распространятся повсеместно? Опасность осуждения и страх царя должны, по-видимому, остановить такую пагубу. Но без страха Божия страх закона царского есть бремя, которое непрестанно стараются свергнуть. Не боящийся Бога не боится правды человеческой, от которой надеется скрыть свои преступления. Таким образом, небогобоязненный судья устыдится ли быть первым нарушителем того закона, по которому судит, возмутителем покоя, для охранения которого поставлен, и, наконец, гонителем правоты, в защиту которой получил общественное доверие? По мере ослабления или усиления страсти, усиливаются и ослабевают такие беззакония в судящих земли, но до тех пор не искоренятся, пока страх Божий не осветит глубины бедствий и не исцелит ослепления. Благо собственное и общее, польза временная и вечная, ужас следствий от своеволия должны возбудить в судье страх Божий, хотя бы жребий избрания пал на него прежде, нежели избран им жребий Божий. Само доверие народа, вручившее ему суд над многими, его самого вручило суду Божьему, испытывающему тайны сердечные.

Страх Божий не только сильного, но и малодушного человека поставляет выше всякого страха человеческого: боящиеся Бога всего боятся, что возбуждает гнев Божий; но ничего, чем угрожает человек. Они «уподобились горе святой», чья глава простирается далее облаков, не внемлет громам и молниям, поражающим мир нижний. Устрашится ли лица сильного, для угождения ему, тот блюститель суда, который верит, что рука Бога живого и крепкого «рассыпет кости человекоугодников?» ([Пс.52:6](#)), «глаголах»,— восклицает Псалмопевец,— «буду говорить об откровениях Твоих перед царями, и не стыдился» ([Пс.118:46](#)). Страх Божий есть та мудрость, «которой ради», по испытанию Премудрого, «будешь иметь славу в народе и честь перед старейшими, будучи юношей, окажешься проницательным в суде и в глазах сильных заслужишь удивление» ([Прем. 8:10](#)). Всего благого и истинного можем ждать от тех, которые отвечают за истину перед сильными земли, уповая только на истину вечную. Страх, который они имеют, ставит перед ними Бога непрестанным свидетелем, «слышателем» каждого слова, «зрителем» каждого движения, «исчисляющим волосы на голове, все шаги мои на пути моем» ([Иов. 32:4](#)), и непрестанным Судьею суда их. При свете солнечном все вещи бывают видимы. Когда свидетельство Господне, как не вечернее солнце, осветит мрачное судилище, обличатся все деяния правые и неправые. Это солнце и в полудне своим не сожжет сирого, но только согреет его; опалит преступника, сожжет преступления, но оставит человека. Под руководством Божьим милость и истина воссядут в судилище, правда и мир облобызаются в людях. Богобоязненный суд, ограничиваясь одним сословием, совершается по образу суда Божия над всем миром, в котором, по описанию Пророка, «милость и истина встретятся, правда, и мир облобызаются» ([Пс.84:11](#)). Трудно восходить до такой высоты, где суд человеческий уподобляется Божьему; но святость прав, которые возлагаются на судью, и величие обязанностей возводят и даже влекут на нее. «Вы творите не суд человеческий, но суд Господа» (2 Парал. 19, 6),— вещал сонму судей благочестивый царь Израилев. Человек, живущий в кругу подобных себе, имеет права, им равные, и если помыслит произнести свой суд, то слово Божие скажет ему: «кто ты, осуждающий» брата твоего ([Рим. 14:4](#))? Пока не имеете вашей обязанностью, «не судите»,— увещает Судья вечный,— «да не судимы будете» ([Мф.7:1](#)). Суд временный и вечный есть единственное дело Божие. «Бог Судия есть» ([Пс. 74:8](#)), а не человек. Те, кому вручается этот высокий жребий, принимают власть и образ Бога Судьи, вечно царствующего над землей. «Научитесь, судьи концов земли, что от Господа дана вам держава» ([Прем. 6:3](#)); «вы творите не суд человеческий, но суд Господа». Сколь священно и высоко право суда, столь святы и праведны должны быть принимающие это достояние. Для того-то верный советник внушал вождю, Богом избранному: «Выбери себе людей правдивых».

Никто не имеет столько побуждений являться в правоте перед людьми, как судящий их. Они, чем выше восходят из круга собратий, тем яснее открывают себя самих, тем более привлекают взоры на свои деяния. По мере возвышения, их образ жизни делается правилом для многих; они всегда, хотя бы не желали, имеют своих подражателей. Судия, нарушающий закон, охранение которого ему вверено, сам уготовляет нарушителей, собственным примером уполномочивает неправду, которую осуждать должен. И малые, едва приметные его погрешности есть семена великих злодеяний, которые рано или поздно возрастут, созреют и падут на главу его или на Отечество. Боже праведный! Не человеческая, но Твоя месть страшна для нас, готовимая на сильных земли, которые, принявши образ славы и суда Твоего, срамят его перед людьми. Они исторгают стрелы гнева Твоего не на себя лишь, но и на людей своих. «На пастырей воспылал гнев Мой» ([Зах.10:3](#)),— говорит Господь,— «и агнцев накажу».

Если не во отвержение суда грядущего на беззаконие и не для благословений, которые обещает и дарует Господь праведным, то для облегчения тяжести в суде должны быть праведными блюстители закона. Муж законопреступный не устоит перед судом праведного. Он, как тьма от света, удаляется от него, боясь обличения. В то самое время уже ощущает в себе осуждение, хотя и не замечает, когда слышит правду праведника. «Делающий беззаконие» ([Пс.13:5](#)), по слову Божию, «тамо боится страха, идеже несть страха, яко Господь в роде праведных». Когда же он приближается к судилищу, на котором восседает праведный, то суд, как оружие, проходит в сердце его, поражает в далеких, сокровеннейших намерениях. Из уст праведного «понесутся меткие стрелы молний, и из облаков, как из туго натянутого лука, полетят в цель» ([Прем.5:21](#)). Сколько страх праведного суда уменьшает наветников, столько образ правды, являемый судьей, умножает праведных. Его истинным величием и славой особенно распространяется величие и слава Божия на земле. Меч обоюдоострый в руках его, если силою кротости не победит безумного, силою закона воспретит ему полагать соблазны на пути праведных. Не только власть суда и Отечество, но сам «дух силы восстанет против них на безумцев» ([Прем. 5:23, 20](#)).

Не в особенности какому-либо сословию, но всем судящим земли предлежит Небесная заповедь: «Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела, и прославляли Отца вашего Небесного» ([Мф.5:16](#)). К таким подвигам обязуются и на такую высоту поставляются судящий людям. Вы, избранные для суда, приняв это звание от собратий, в совете воли вашей вознамерились оправдать их чаяния, являться и быть среди них и в судилище — сильными, Бога боящимися и праведными. Вождь Израилев, по троекратном обещании народа верности Богу, положил камень во свидетельство клятвы их. «Вот камень» ([Иис.Нав.24:27](#)),— сказал он,— «будет в напоминание вам, и свидетелем против вас в последующие дни, чтобы не солгали перед Господом». Вы, ныне принеся клятвы в верности и правде в этот храм, перед алтарем и церковью, сами поставляете их памятником обетов ваших и свидетельством на вас перед Судьею Богом, в последние дни, если преступите их. Да увенчает Господь желания ваши исполнением и дарует вам силу, страх и правду Свою. Аминь.

Произнесено 22 января 1814 года

**Слово по случаю введения инвалидов в дом,
устроенный князем П.А. и графом Д.А. Зубовыми**

«Блаженны милостивые»

«Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас». ([Мф.11:28](#))

Господь неба и земли, когда призывает к Себе всех труждающихся и обремененных на земле, обещая им покой небесный, тогда не отвергает ревности человеческой, готовой носить тяготы других, но еще больше утверждает и возвышает ее. Принимая на себя труды и бремена человеческие, Он являет, что милосердие есть дело единой бесконечной благодати, и те, которые простирают щедрую руку ближним своим, творят дело Божие. Они и немощными, будучи помощниками немощным, уподобляются Отцу Небесному, так как самый закон милосердия заключает в себе такое величие, даруемое человеку: «Будьте милосердны, как Отец ваш Небесный» ([Лк. 6:36](#)). Таким образом, и слово Бога, зовущего всех к покою Своему, тогда влагается в уста людей, когда они труждающимся даруют покой и обремененным облегчение, хотя их покой есть только телесный и облегчение — только временное. Вы, подвижники покоя нашего, принимаемые под кров этот, слышите ныне глас Божий из уст человеческих: «Придите, все труждающиеся и обремененные», вкусите покой после тягостных подвигов. Нося раны Отечества на теле своем, как бремя, возложенное на вас желаниями и руками нашими, примите ныне облегчение из рук ревностных сынов одного с вами Отечества. Дабы не на ваших только плечах тяготело бремя это — благотворительность, и разделяя его с вами, примет на себя столько, что ваше служение Отечеству вознаградится служением вам. Впрочем, этот голос милосердия не возражает слову Божию, призывающему всех к Своему покою, и предлагаемые дары не воспрепятствуют стяжания даров небесных. Но великие, даже бесчисленные благодеяния человеческие сократились бы в скудную меру ничтожности, если бы они, привлекая к себе сердце человека, отвлекали его от Бога. Если бы вспомоществуемый подобными себе только на их помощь надеялся, отлагая надежду на помощь всесильную и, на время успокоивая тело, не искал вечного спокойствия душе своей. По закону небесного милосердия, временные блага расточаются на земле для того, чтобы содействовать стяжанию благ вечных, и тот, кто в покой телесный вводит ближнего своего, указывает и облегчает путь к покою Божию. От начала милосердия, которое ныне видим, слушатели, обратим взоры к концу его, дабы видеть, что временные дары в руках приемлющих сияют светом вечным, согревающим не только тело, но особенно дух. Великое бремя снимается от души нашей, неисчислимы пресекаются попечения в то время, когда мы успокаиваемся от удовлетворения нуждам одного тела нашего. Естественное побуждение «питать и греть плоть» ([Еф.5:29](#)), столь простое и краткое в начале своем, распространяется на каждый день жизни нашей, слагается из многих, почти неисчислимых требований, которые есть различные виды пищи, питья и одеяний. Не только чувственные желания, которые чем более насыщаются, тем более алчут, но приобретение самых необходимых вещей для тела требует не только нашего, но и многих других попечений: сколько нужно рук и времени для единого нашего одеяния, сколько нужно трудов и орудий для приготовления простого хлеба? Житейские попечения, как тяжелые горы, подавили бы бессмертный дух наш и навсегда пригвоздили бы его к земле, если бы взаимное общение и благотворение не облегчали такой многосложной тяжести. Кто алчущему преломляет хлеб свой, или подает питье жаждущему, или нагого снабжает одеянием, тот освобождает их от всех трудов, которые необходимы для удовлетворения этих потребностей. Если же щедрая рука отверзается каждый день для страждущих, если обильное имущество назначается неимущим на все продолжение их жизни, то бесконечные попечения о теле оканчиваются, и дух, всегда ими порабощаемый, изводится от работы тлению в свободу деяний, ему свойственных. Следовательно, человеческое милосердие от приемлющих, так как заповедь Евангелия для всех,

одного ищет: «Не заботьтесь для души вашей, что есть или что пить, и во что одеться» ([Мф.6:25](#)). В дарах милосердия Промысел Божий невидимый, успокаивающий нас от телесных попечений, делается видимым. И то, чему учат слова небесного Учителя, проповедуют сами дары, подаваемые для телесного спокойствия: «не заботьтесь!»

Тело наше, как стихийный состав, разделяющийся снова на стихии, как земля, отходящая в землю, подобно телам прочих тварей, не заслуживало бы человеческого и, особенно, Божественного милосердия, если бы не было орудием души, и если бы щедроты, изливаемые на него, не переливались на бессмертный дух, живущий в нем. Потому Промысел Божий и человеческий, успокаивая нас от попечений временных, не оставляют в беспечности, в том мертвенном состоянии, где ослабевают тело и дух цепенеет. Но если, по всеобщему закону природы, тот, кого побуждают от сна, уже не спит, и кого разрешают от уз, действует свободно, то и дух человеческий, прерывая низкую работу для тела, как сонную болезнь, должен бодрствовать и, освобождаясь от попечений плоти, как всегдашних уз, должен действовать по стремлению воли своей. И нужно ли изъяснять направление духовного стремления, когда опыт уверяет нас, что, отталкиваясь от видимого, можем устремляться только к невидимому, и, возвышаясь от земли, приближаемся к небу? «Ищите горнего» ([Кол. 3:1](#)),— говорит Дух Божий и подтверждает естество Духа нашего: «Ищите горнего», да жизнь имеете, которая «сокрыта со Христом в Боге» (см. [Кол.3:3](#)). Итак, истинное намерение, с которым внушается и исполняется милосердие, состоит в том чтобы, спасая тело от трудов и болезней, содействовать духу в достижении вечного спасения. Апостол, обращаясь от этого намерения к величию, которое содержат в себе и малые даяния, возвестил нам: «Блаженнее есть давать, нежели принимать» ([Деян.20:35](#)) и засвидетельствовал учениками своими, что «ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал, нуждам моим послужили руки мои» ([Деян.20:33](#)) удовлетворяя «всякому требованию». Но суетные желания наши, изобретая излишние нужды и не имея собственных сил к удовлетворению, превращают эту истину и находят более выгод в принятии даров, нежели в раздавании. Но да просветится тьма эта истиною вечною и безрассудность человеческая судом Божиим! Пусть многие ныне заграждают слух от слов вечной Истины. Они услышат тайну эту тогда, когда последний суд засвидетельствует правду Божию перед небом и землею. Господь, явившись на суде, скажет во услышание всех земнородных: В лице человеков алчущих «Я алкал, и дали Мне есть» ([Мф.25:35](#)), в лице жаждущих «Я жаждал, и напоили Меня», с не имущими крова Я странствовал, «и приняли Меня»; с болящими Я «болен был, и посетили Меня. Так как Вы сделали это одному из братии Моих меньших, то сделали Мне» ([Мф.25:40](#)). Открытием этой тайны будущего суда Он изображает то, что до сих пор ходатайствует у каждого человека, часто немилосердного и жестокого, о милосердии к человеку же; иногда ходатайствует и о чаше студеной воды для жаждущего. Вечно ходатайствуя о нас у Отца небесного, непрерывно продолжает и земное ходатайство о милосердии, совершая его то заповедью: «Будьте милосердны» ([Лк.6:36](#)), то изъяснением Своего хотения: «Милости хочу» ([Мф.9:13](#)), то указанием на Свое милосердие к человеку: «Образ дал вам» ([Ин. 13:15](#)), то советами: «иди и раздай нищим» ([Лк. 18:22](#)), то обещанием небесных даров Своих: «будешь иметь сокровища на небесах». То угрозами на жестокосердие: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому жестокосердому войти в царствие Божие» ([Лк.18:25](#)), то обильным даянием, то отнятием даров земных; и, по-видимому, применяясь к воле каждого человека, всеобщим проповеданием Своего нисхождения: «Благотворящий нищему дает взаймы Богу» ([Прит.19:17](#)). Бог ходатайствует на земле о каждом действии милосердия, ибо приемлющие милость из рук человеческих приемлют вместе от Бога, исходатайствовавшего её. Господь наш даяние нищему вменяет в займ Себе и делается должником тех, которые милуют сирых, не паче ли сирые делаются должниками Господу и от Него взаим приемлют? Долг человеку возвращается

соразмерным воздаянием, но долг Богу, не имея ничего соразмерного себе, никогда возвращенным быть не может. Он беспределен по свойству беспредельного Подателя. Он вечен, поскольку исходит от вечности неизменяемой. Он бесценен, поскольку оценивается только то, чему есть другое что-либо равное. Приемлющие дары милосердия, имея такого Заимодавца, Которому ничем воздать не могут, и такого Ходатая, Который ходатайствует о них на небе и на земле, с каким благоговением к Нему должны проводить каждую минуту жизни, дабы не лишиться ходатайства Его, в какой чистоте и святости должны хранить слова и помышления, дабы не оскорбить Его святости, с каким благодарением должны принимать все от рук человеческих, как Его орудий, отверзающихся по Его действию и воле, дабы и их не отвратить от себя! Но сократим эти во всю жизнь несокращаемые обязанности так, как сокращает их Апостол: «Господь близко, не заботьтесь ни о чем; но в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом» ([Флп.4:5-6](#)).

Это великое предназначение милосердия наиболее в вас, воины, должно исполниться, поскольку закончив служения Отечеству, вы не имеете другого служения, кроме служения Богу. Сложив все телесные попечения на плечи попечителей, вам не остается трудности восходить к покою Божию. Не среди мирского шума или сует мятущихся вы вселяетесь, но в жилище уединения и безмолвия, да и вселяетесь между теми, которые дали обет служить только Богу до конца дней в кротости и смирении. В них, по крайней мере, по их обету, вы имеете сотрудников на пути к покою вечному, и если не их кротость вам, то ваша им «да будет известна» ([Флп.4:5](#)) ко взаимному поддержанию, укреплению и возвышению в избранных подвигах.

Дабы слабость плоти не ослабляла духа вашего и не отвлекала от молитвенного подкрепления и освящения, этот храм молитвы устроен для молитв ваших, так, что если бы вы не имели ног придти, то могли бы по земле привлечь себя, и видеть, и слышать, и возносить моления к Богу, в храме особенно являющему Свое присутствие и святыню. Если же, при всех усилиях духа, тяжесть плоти будет превозмогать благие желания и для своего покоя будет отвлекать от покоя вечного, то для облегчения и этой тяжести вам предложено всегдашнее и близкое вспоможение. Предложено то, что над прахом благодетелей преломляете хлеб, ими оставленный, над прахом безмолвным, но непрестанно возвещающим тление плоти, дни вечные, свое и ваше отшествие от земли. Не простые щедроты, но благочестивые желания собрали все это воедино, дабы не телу лишь, но и духу явить богатое милосердие. Благочестивейший монарх, утверждая в добре эти желания, с высоты престола своего низводил попечительные взоры на исполнение их. Благочестивейшая мать монарха недавно посетила готовое жилище это и на этом самом месте, где должны возноситься моления ваши, и там, где должно покоиться тело ваше, ранами обремененное, и там побывала, дабы разделить радость уготованного для вас милосердия. Она державным словом хвалы ознаменовала место это, тем самым утвердила исполнение благих намерений, которые ныне в вас совершаются. Столь многие и столь великие совокуплены попечения для вашего спокойствия: «не заботьтесь ни о чем» ([Флп.4:6](#)); но, всегда радуясь о Господе, столько благодеещем, молитвою, молением со благодарением возносите к Нему прошения ваша. Покой тела да совершится покоем духа вашего, и временный — вечным. Не мы только, свидетели благодетельства, и не благодетельства только, но и Отечество, и Церковь, и само Небо, при всех опасностях сохранившее жизнь вашу, благословляют вас, с таким же мужеством, как побеждали врагов Отечества, побеждать самих себя, и как некогда участвовали в низведении славы Божьей на оружие, силою молитв низводить ее на себя и на все Отечество. Когда исполнятся эти великие намерения и прежде исполнения, какая предлежит радость вам, благодетельства, приносящие жертву Отечеству и Богу. Какая радость в эту самую минуту, когда созерцаете перед собой радость страждущих, и покой обремененных ранами для Отечества: особенно же какую радость открывает вам Мздовоздаятель вечный в слове Своем: «ибо

сотворили сим братьям меньшим, Мне сотворили» ([Мф.25;40](#))! И вы, души благотворительные! Если от сего тления глас человеческий может восходить к нетлению, и вы внимлите восклицаниям нашим. Не касаясь земли, снисходите в радость соучастников и исполнителей благотворных желаний ваших. Для вас не нужно человеческое уверение, когда имеете Божие, яко «Блаженны милостивые» ([Мф.5:7](#)), но для нас нужен ближайший образ человеческого милосердия, дабы и мы ни единого от братии наших не оставляли, весь «день просящего хлеба». Аминь.

Произнесено 17 октября 1814 года

**Слово при отпевании тела графини Н. В.
Салтыковой, урожденной княжны Долгорукой**

При гробе более всего является цель бытия и немощь усилия человеческого

«Да живу я вечно в жилище Твоем, и покроюсь под кровом крыл Твоих, Господи!» [Пс.60:5](#).

При гробе более всего является цель бытия и немощь усилия человеческого. Погасли взоры сии — и усердие наше не могло даровать им более света видимого. Умолкнул язык — и беседа дружеская, вопросы попечительности не предохранили его от безмолвия. Отходил дух из груди — искренность и любовь не удержали его своими объятиями. Верности, всегда готовой к исполнению желаний, осталось только сопровождать молитвенными желаниями отходящий от земли дух искренней любви, предупреждающей все требования,— воздать последний долг и сокрыть от себя любимые останки. Так боярыня Наталия из селений временных перешла в селения вечные: от крова и помощи человеческой сокрылась под кровом Божиим. Она — в селениях вечных, дабы время более не возмущало покоя, которым наслаждалась она в часы молитвенного умиления; в покрове Бога Вышнего, к Которому взывала, переходя далекие страны,— дабы не удалиться от страны света вечного; в селениях Христа, Которому предлагала себя в селение, очищаясь покаянием и воздыханиями. Дух ее, «утреннеавый к Богу», не узрит более вечера. Любовь супружеская, укрепленная любовью веры, не разлучится никогда с Богом любви, обручающим Себе верные души.

Итак, душа, переселившаяся от нас! При гробе твоем нет места нашему сетованию. То, что для остающихся на земле есть потеря,— для тебя приобретение. Церковь, приемля на лоно смертные останки твои, венчает их надеждою грядущего воскресения. Знаемые твои, как благовоспитанные чада Церкви, низводя на тебя и на себя благословение Божие, утешают супруга твоего твоими и его добродетелями. Ты перешла в селения вечные, и твоим успокоением укажешь жилище покоя нашего.

Нет места, слушатели, сетованию при виде смерти, когда вся жизнь есть приготовление к смерти; когда земля сия есть путь на небо, то продолжение времени умножает только средства к приобретению благ вечных.

Мы живем во времени, но не для времени. «Какой человек поживет и не увидит смерти» ([Пс.58:49](#))? Быстро протекают часы жизни, унося с собою надежды наши; часто переменяются дни, переменяя наше здоровье и мысли; скоро проходят годы, увлекая за собою красоту и крепость тела и оставляют только следы, по которым можно исчислять степень приближения нашего к смерти. Таким образом, каждый час, каждая минута, поставляя нас ближе ко гробу, непрерывным изменением напоминают, что мы живем не для времени. Впрочем, сии же часы и минуты жизни, составившиеся из мыслей, слов и деяний наших, никогда не оставят нас. «Дела», по Писанию, «идут вслед за нами» ([Апок.14:13](#)). Книга Суда, которая раскроется перед нами в вечности, есть книга бытия нашего на земле. Доколе живем в стране земной, наполняем книгу сию к отраде или скорби нашей. В ней написуются помышления, которые от юности до последней минуты жизни рождаются в душе нашей; изображаются все слова, которые исходят из уст и сердца: начертываются желания, осуществленные и неосуществленные; в ней не остается неотмеченной самая праздность и бездействие: «Если человек проживет и много лет., то пусть помнит о днях темных; знай, что за все это Бог приведет тебя на суд» ([Еккл. 11:8-9](#)). Мы скорее искушаемся, а не живем на земле; то, что называется жизнью, составляет лишь приготовление к Жизни. Хотя беспечность не занимается бесконечным будущим, но она занимается будущим обманчивым; пусть не нарушает покоя своего приготовлением к жизни вечной, но непрерывно готовится к бытию временному. Если отделить прошедшие минуты от настоящих, и настоящие от будущих, то бытие наше есть время падения капли из сосуда в сосуд, единое

дуновение ветра, которое «является на малое время, а потом исчезает» ([Иак.4:14](#)). Отделим исполнение дела от того, что еще не исполнилось, от того, что принес час последующий — останутся только надежды и ожидания, продолжающие жизнь нашу. Наступает утро, мы ожидаем вечера так же, как при наступлении скуки — увеселения; терпим недостатки и неудовольствие — обещаем себе будущее обилие и удовольствие. Во время болезни ожидаем облегчения; во время бедствия — благополучия; в благополучии — возвышения; в возвышении — спокойствия; в спокойствии — нового благополучия, нового возвышения, новых радостей. Таким образом, мы непрестанно готовимся: готовим себе будущее, увлекаясь желаниями, надеемся — и не перестаем надеяться. Но — увы — «человек все мятется на земле» ([Пс.38:7](#))! Временные надежды имеют такое же постоянство, как время, приносящее и уносящее их; они являются с такою же твердостью, как горсть праха, вихрем возметаемого пред лицом нашим. «Все мятется человек на земле». Только чаянием бессмертия, упованием вечным не посрамляется жизнь временная.

Суетный мир ничего справедливо не оценивает и ни за что не награждает достойно. Для чего слезы страждущей невинности доселе не погашают пламени, который возбуждает рвение к невинности? Отчего стенания добродетели не заглушают голоса, зовущего на подвиги добродетельные? На что надеется тот, кто не надеется ни на что видимое? Чем услаждается горесть того, кто отрекается от наслаждений временных? «Насыщусь», — восклицал Праведник, — «когда явится мне слава Твоя, Господи!» ([Пс.16:15](#)) «Вселюся в селении Твоем во веки, и в тени крыл Твоих я возрадуюсь» ([Пс.62:8](#)). Сеющие упование вечное на земле с радостью пожнут плоды его на небе. И что есть вера наша, если не соединяется с тем упованием, которое устраивает на земле пути к небесной жизни? — С того времени, как мы вступили в завет со Христом, дали обещание жить для Него и смерть нарекли приобретением жизни. Крест и гроб, победные знамена над смертью, приобретенные Сыном Божиим, оставлены для стяжания победы каждому сыну человеческому, в веровании Богом усыновляемому. Мы облеклись в оружие Божие для того, чтобы непрестанную совершая брань, наконец, победить последнего врага нашего — смерть. Верую приняли обручение Духа, чтобы, исполняя житейские обязанности, не поработить им духа нашего, но соблюсти в чистоте и непорочности для наследия живота, который сокровен со Христом в Боге. Закон Божий избрали светильником ногам нашим с тем намерением, чтобы он, освещая мрачные пути жизни, наконец, осиял мраки гроба и не оставил нас видеть тление. Жизнь веры, укрепляющаяся обетованиями и помощью всесильною, по мере усиления брани столько очищает человека от всего человеческого, что нет времени, когда бы он не был готов разрешиться от тела смерти сей; нет времени, когда бы не мог присвоить себе праведное дерзновение праведника. «Готово сердце мое к Тебе, Боже, готово» ([Пс.107:1](#)). Ничто земное не удерживает меня, никакое сокровище мира не владеет сердцем моим: но оно готово к Тебе, Боже сердца. Тебя только ищет, Тебя только любит и в Тебе едином упокаивается. Когда же подвижник веры не видит близкого предела подвигов своих, но видит только усиление брани, превосходство врагов внутренних и внешних — то скорбит, как один из державных подвижников, который, обретая в Боге утешение и Утешителя, скорбел о продолжении бытия своего на земле: «увы мне! яко пришествие мое продолжилось» ([Пс.118:5](#))! В непрестанном борении с самим собою он часто восстает и часто падает, укрепляется и ослабевает; умерщвляет плоть — но питает и греет её; удаляется суетности — и всюду встречается с нею; преследует её и ею преследуется; превозмогает её и превозмогается ею; побеждает и побеждается; страдает от себя самого; все внешнее, привлекающее его к себе, умножает страдания. «Господи», — восклицает он наконец, изнемогая от трудов жизни, — «когда прииду и явлюся лицу Твоему!» ([Пс.42:3](#)) Ибо, разве не «блаженны мертвые, умирающие в Господе? ей! они успокоятся» ([Апок.14:13](#)) после трудов земных, после непрерывного

борения. Блажен их дух, соединяющийся с Господом, блаженно и тело, от греха и страданий отошедшее. Блаженна и ты, переселившаяся отселе в вечные обители! Превратности мира более не прикоснутся твердости духа твоего. Изменение общественных нравов уже не изменит того нрава, который ты, принявши от отцов, оставляешь в наследие чадам и знаемым твоим. Тело твое предается в «тление» ([1Кор.15:42](#)), но в нем есть «нетленное», предается смерти, но в нем умирает только смерть, дабы бессмертное предать бессмертию. Владыко смерти и жизни! Тебе оставлен дух, оставивший тело сие. Приими его, как приемлешь чад Твоих, которые с истинною верою приемлют Тело и Кровь возлюбленного Сына Твоего. Приими по благодати обетования и упокой его во светлостях святых Твоих. Аминь.

Произнесено 12 сентября 1812 года.

**Речь, произнесенная Преосвященным
Иннокентием, по пострижении его в монашество**

благодарения Владыке

Высокопреосвященнейший Владыко, — Друзе Бога распятого!

За несколько минут перед сим слышал я Бога, говорящего: «кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» ([Мф.16:24](#)). Слово сие, в частности, относилось ко мне — человеку плотяному, слабому, или — менее, нежели человеку. Как же мне идти во след Бога распятого? — Всемогущество ослабело под бременем креста Своего: что ж со мною будет? Не оскорбись, друже Распятого! Я пришел просить: «да дух, который в тебе, пусть будет во мне вдвойне» ([4Цар.2:9](#)),— дабы при слабостях моих там, где ты восходишь, я, по крайней мере, мог не падать; где ты прямо горе устремляешься, я мог бы ползти. Я не боюсь, что ты скажешь: «Ты жестоко спрашиваешь с меня» ([Иов. 30:21](#)) — поскольку юность моя заменена твоею мудростью, поскольку имею право называть тебя отцом моим, поскольку все мое от тебя единого. Пусть только продолжится на земле твое шествие по следам Крестоносца-Бога! Я же, повергаясь пред тобою, объемлю ноги твои и не отпущу, доколе не благословишь меня, доколе не привлечешь меня во след тебе. 13 октября 1809 года.

**Речь, обращенная к Преосвященным, при
посвящении во иеродиакона**

моление св.Иннокентия

Святейший иерарх, тихий свете от Света неприступного!

«Бог наш есть огонь поядающий» ([Евр.12:29](#)). Безбоязненно приступают к Нему только седмижды очищенные, только други Божии. В противном случае огонь сей палит — сжигает в вечное проклятие. Однако, сей же огонь в некоторых «поядает» только сорную траву и терние мира.— Это в тех, которые обильными слезами растворяют пламень огня сего, обращая его лишь в свет, прохлаждающий от зноя мирского, свет радостный, превосходящий все.

Тихий свете наш, осияваемый и осиявающий! Мог ли бы я, недостойный, приступить к престолу Бога страшного, Бога-огня, если бы твое моление, сердечные воздыхания и слезы, растворив пламень огня неприступного, не обратили его только в свет или в росу и для меня, нечистого? Мог ли бы я, столь низкий, приклонить небо, если бы свет, осиявающий тебя, твоею силою, возложением рук твоих не распространялся бы на детей Церкви, питающихся и молоком ее? Поистине, дети, носимые на руках отца сего! Как же мне, соединенно с вами, перед лицом всей Церкви, не молить Отца светов, чтобы тихий свет сей еще озарял нас, еще растворял в себе для нас огонь всепоедающий? «Бог посреди нас стоит и» в сию самую минуту слышит все; слышит и слова немолтвующего языка моего: «Господи! услыши, внимли взаимному молению всех нас: да юнеет-да юнеет старость отца нашего в попечении о детях, на все надеющихся от него! Да не ослабевают руки его в воздеянии о наших невежествах!»

Сердцеведец слышит — и огонь правды не поест.

Произнесено 14 октября 1809 года.

Речь к Преосвященным, произнесенная в день наречения во епископа

«Сердце царя — в руке Господа, куда захочет, Он направляет его» ([Прит.21:1](#)),— так вещает о Царе Дух Святой. Так и мы предполагаем о царе нашем, благочестивейшем Государе Императоре Александре Павловиче. Каждое движение сердца его, поскольку совершается под перстом Божиим — оставляет за собою следы божественные, открывает то, куда обращается десница Вседержителя. Следовательно, все глаголы, исходящие из его сердца, священны уже потому, что перст Божий не заграждает им пути в самом источнике их — во глубине сердца. Когда же оные глаголы, касаясь вас, проходят через уста и сердца ваши, то все более и более освещаются молитвою. Молитва есть духовное благоухание, которое встречает, освещает и всюду сопровождает своею святостью Евангелие, поставленное перед очами и сердцами вашими, как сердце всех языков; источает нам свою святость, которой вы, как Божией печатью, утверждаете каждое слово, через вас исходящее в Церковь. По Апостолу, все освящаются словом Божиим и молитвою. Благодать Св. Духа, призванного пасти Церковь, как молния в облаке, содержится в каждом суде и всякий раз является и светит неприступною святостью, как только встречается с силою, ее возбуждающею. Свято место сие! Свято и глагол, мною здесь слышанный, судьба моя. Как известно, что псалмопевец, обращая пророческий взор на судей и судилища народа своего, созерцая их величие, восклицал: Бог «стал в сонме богов». Если он видел Бога между судьями Израилевыми, коих надлежало судить за неправду, то тем более «Бог посреди Вас», Святейший собор. Бог посреди вас есть и не только там, где дух ваш соединяется с духом благочестивейшего монарха и решает судьбы Церкви, но и здесь, где начинает и оканчивает суд свой. Бог Судья посреди вас, судящих, присутствует. Свято место сие! Свято и страшно совершение суда вашего, следовательно, и того суда, который теперь произнесен обо мне. Но чем величественнее ваш суд,— тем ничтожнее мне является всякое мое суждение обо мне самом, тем больше ослабевает мое дерзновение отречься от того подвига, к которому вы призываете: не идти на священную высоту, на которую меня ставите. Чем святее ваш суд, тем больше покоряется непокорная воля моя воле Господней, явленной через вас и через Помазанника нашего. Тем глубже должен повергнуться дух мой перед Всеосвящающим, тем искреннее и совершеннее предаться Ему. Господи! Что мне хочешь творить, да будет воля Твоя! Что есмь, Ты видишь, нечестивые имею руки и уста, еще нечище ум, сердце,— обнажена перед Тобою вся гнусность души моей. Однако что мне хочешь творить, твори посредством избранных Твоих! Не моя, а Твоя да будет воля. Вашему Святейшеству предоставлено предначать и совершить надо мною начатое дело Божие! На святости и величии суда здесь зиждется не только повиновение мое, но и упование, что Воля Давшего вам благие желания обо мне управит через вас во благо и мои желания, что ваша молитва, особенно таинственная, возбudit и усовершенствует мои бесплодные молитвы. Ваши силы, которыми вы облечены от Духа Святого, облекут и меня силою к совершению святых,— по крайней мере, через таинство — в дело служения, в созидание тела Христова. Желая и надеюсь, и молю через вас: да и во мне, неключимом, и в делах рук моих непотребных возвеличится Иисус Христос, и, таким образом, оправдается обо мне суд и чаяние благочестивейшего монарха и Вашего Святейшества!

Произнесено 2 марта 1819 года.